

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2011 – 2 (224)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2011**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малашенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2011. – № 2 (224). – 196 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексей Кива.</i> Россия: Путь к катастрофе или модернизации?	4
<i>Чарльз Капчан.</i> Последний рубеж для НАТО, или Почему Россия должна вступить в Североатлантический альянс.....	21
<i>Д. Мухетдинов.</i> Основные проблемы в деле развития мусульманского образования в России.....	34
<i>Владимир Семёнов.</i> Ислам и национальное татарское возрождение на рубеже тысячелетий.....	41
<i>С. Слуцкий.</i> Дагестанское экстремистское подполье в структуре коррупционно-криминально-террористического комплекса.....	48
<i>Камалудин Гаджиев.</i> Национализм и ислам на Кавказе: Идеологическое измерение	59
<i>Н. Федулова.</i> Конфликтогенная зона Каспийского региона: Угроза России.....	71
<i>А. Куртов.</i> Трансформация внешней политики Туркменистана при новом руководстве страны.....	77
<i>Дина Малышева.</i> Центральная Азия в свете российско-американской «перезагрузки»	113
<i>Владимир Сотников.</i> Куда идет Пакистан?.....	137
<i>Александр Игнатенко.</i> Национальный прагматизм и имперский романтизм во внешней политике Турции	146
<i>Кирилл Лихачев.</i> Индия: Будет ли третья волна исламского терроризма?	155
<i>Ирина Мохова.</i> Во Франции принят закон о запрете на «сокрытие лица» мусульманками.....	163
<i>Б. Кулакова.</i> Альтернативные образы культур: Взаимопонимание мусульман и христиан.....	173
<i>Алексей Малащенко.</i> Мой ислам.....	178
Политические процессы в государствах Центральной Азии. (Рецензия).....	189

**КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!**

Алексей Кива,
доктор исторических наук (ИВ РАН)
**РОССИЯ: ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ ИЛИ
МОДЕРНИЗАЦИИ?**

В России правящий класс почти всегда преисполнен оптимизма в отношении настоящего и будущего страны и в то же время не видит, что мы отстаем от других стран в научно-техническом и/или общественном развитии. Но завышенная самооценка, как показывает история, всегда кончалась плохо. Не успел влиятельный в высших кругах шеф жандармов А.С. Бенкендорф сказать лестные слова Николаю I о том, что настоящее России «более чем великолепно, что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение», как началась позорно проигранная Крымская война, обнажившая никчемность николаевского «палочного» режима. Полвека спустя в правящих кругах полагали, что Япония России не соперник, ее-де шапками можно закидать. (Очевидно, не зная, что она уже совершила буржуазно-демократическую революцию и резко ускорила свое развитие.) Оглушительное поражение в Русско-японской войне спровоцировало первую русскую революцию 1905–1907 гг., используя опыт которой большевики спустя десять лет совершили уже успешную Октябрьскую революцию. А в 1913 г. 300-летие Дома Романовых отмечалось с такой помпой и в таких масштабах, что его устроители, очевидно, полагали, что Российская империя будет существовать еще бесконечно долго. А раз так, то нечего менять ни в характере власти, ни в социальной и культурной политике государства. Но грянула Первая мировая война, и оказалось, что общественный строй царской России стоял на гнилом фундаменте.

Подобная ситуация повторилась в другой эпохе при другом по социальной природе правящем классе в условиях другого общественного строя, что сопровождалось той же неадекватной оценкой ситуа-

ции в стране и мире. В то время как советский строй уже вступил в этап глубокого кризиса и срочно требовалась модернизация экономики и политической системы, главный идеолог КПСС, реально второй человек во власти, А. Суслов, судя по всему, пребывал в полной беспечности. Так, на рукописи писателя В. Гроссмана «Жизнь и судьба» он написал: она-де не увидит свет и через сто лет. А СССР распался через десять лет.

Теперь у нас опять новая страна, новый экономический и социальный строй, новая власть, а все та же неадекватность правит бал. Россия в ходе безумных реформ 1990-х лишилась большей части своего промышленного и научно-технического потенциала и с каждым годом откатывалась по важнейшим показателям бытия, а уши глохли от барабанного боя чиновников и пиар-технологов насчет успехов России, «поднявшейся с колен» – на деле же поднимались только цены на нефть на мировых рынках. Официальная пропаганда провозглашала, что страна вот-вот станет пятой экономикой мира (только, неизвестно было, кого она при этом потеснит – США, Китай, Японию, Германию или быстро растущую Индию), превратится в мировой финансовый центр, уже является сверхдержавой, правда, пока энергетической. На деле за 20 лет мы не только не продвинулись вперед, но и откатились по ряду важнейших параметров далеко назад. Заняли 65-е место по индексу человеческого развития, 30-е – по уровню образования, 130-е – по здравоохранению, 105-е – по качеству жизни, 75-е – по индексу социального развития, 35-е – по уровню экономического развития, 71-е – по уровню привлекательности для жизни людей, 136-е – по уровню миролюбия. Даже по «индексу счастья» мы умудрились занять 172-е место из 178 стран. А первые места нам достаются едва ли не по всему спектру неблагополучия в демографической, социальной, нравственной, духовной сферах.

После начала кризиса чиновникам стало уже трудно выдавать рост ВВП за счет резкого увеличения цен на энергоносители на мировых рынках при незначительном росте их физического объема за бурное развитие экономики. Так, по данным Росстата, в 2009 г. ВВП упал на 7,9%, промышленное производство – на 16%, что явилось самым большим падением за последние 15 лет. (Независимые эксперты говорят, что падение того и другого на деле было еще глубже.) Из стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), из «большой восьмерки» и даже из «двадцатки» наиболее развитых стран больше всех от кризиса пострадала Россия. Даже в США, которые спровоцировали мировой кризис, ВВП в 2009 г. уменьшился лишь на 2,4%. Не в пятерку самых мощных экономик мира вошла наша страна, а, по дан-

ным международных рейтинговых агентств, была отброшена на 11-е место. А вот Китай и Индия, которые сделали акцент на развитие промышленности и высоких технологий, увеличили в 2009 г. ВВП на 8,7% и 6,5% соответственно.

Хорошо известно, что относительное благополучие нашей страны покоится на доходах от продажи энергоносителей, прежде всего нефти, рентабельная добыча которой скоро кончится. Себестоимость добычи нефти у нас с каждым годом будет только возрастать, а в ближайшие годы ожидается резкое увеличение ее добычи в Ираке, где запасы огромные, а себестоимость ничтожно мала. Продажа газа, запасы которого у нас большие, не компенсирует падение доходов от нефти. Все больше жидкого топлива на мировые рынки поступает в виде сжиженного газа. Началась крупномасштабная добыча газа в США из горючих сланцев, и они отказались от его импорта. А запасы горючих сланцев в мире во много раз больше запасов нефти. Новые технологии позволяют осуществлять экологически чистую газификацию угля, запасы которого очень большие у США и Китая как основных потребителей энергоресурсов. В США к тому же по инициативе президента Обамы принята программа крупномасштабного использования солнечной энергии. Что же касается Китая, то он уже давно использует солнечную энергию для обогрева домов. Он наверняка последует примеру США, тем более что имеет обширные пустынные районы с абсолютным преобладанием солнечных дней в году. В Китае, Индии и ряде других стран развернулось строительство атомных электростанций. Ожидается скорое появление и принципиально новых видов энергии. Так или иначе, нашему по-детски беззаботному сидению на теплой нефтегазовой трубе скоро придет конец.

И вместо того, чтобы готовиться к реалиям посленефтяной эры и, в частности, приступить к модернизации построенных еще в советские годы заводов и фабрик, возрождать едва теплящийся научно-технический потенциал, власть инициировала дорогостоящие престижные проекты. Только успели завершить обустройство города Стрельня под Санкт-Петербургом для одноразового проведения саммита «большой восьмерки», как началось высокочрезвычайно затратное строительство курорта мирового уровня в Сочи в рамках создания инфраструктуры для одноразового проведения в 2014 г. зимней Олимпиады. Первоначальные расходы в 314 млрд. руб., по мнению некоторых экспертов, могут удвоиться и утроиться. А в связи с проведением в России саммита АТЭС в 2012 г. появилась идея обустройства острова Русский близ Владивостока и возведения через пролив

Босфор Восточный трехкилометрового моста Владивосток–Русский. И это стране обойдется в несколько сот миллиардов рублей.

Ставить на первое место престижные проекты в ущерб развитию тех сфер, которые в XXI в. определяют лицо страны, – такую политику ответственной назвать нельзя. Средств не хватает и на решение острейших проблем, замешанных на стратегических интересах страны и ее будущего.

Возьмем ситуацию на Северном Кавказе. Называя вещи своими именами, там в отдельных республиках идет не то партизанская, не то гражданская война. Ставка уже давно должна была делаться не на военную силу, а на глубокую модернизацию всего региона, который едва ли не больше других регионов пострадал от безмозглого реформирования экономики страны по заемной модели и сохранил в коллективной памяти народов ужасы сталинских репрессий. Там фактически заново надо строить экономику, создавать рабочие места, искоренять тотальную коррупцию, произвол властей и делать массу других вещей, чтобы молодежь видела для себя перспективу. Это же будет и самое действенное средство против распространения терроризма, который зарождается там, где для него есть почва, и в первую очередь социальная. Да, на это требуются немалые средства, но это несопоставимо с ценой людских потерь и возможных последствий в случае нового глубокого кризиса в России, о чем речь пойдет ниже. Коль скоро мы признали независимость входивших де-юре в состав Грузии маленькой Абхазии и крохотной Южной Осетии, то должны делать все возможное, чтобы народы национальных республик, входящих в состав РФ, были довольны существующим положением вещей и не рвались к независимости, как южные осетины и абхазы. Иначе в глазах мирового сообщества у нас больше не будет аргументов считать территориальную целостность страны незыблемой.

Как пишет хорошо знающий ситуацию на Северном Кавказе политолог С. Маркедонов, если приравнивать членов незаконных вооруженных формирований в республиках Северного Кавказа к бандитам, то решение проблемы труднодостижимо. «Национальный интерес в государстве должен быть выше конъюнктурного пиара (когда ради популярности можно пренебречь реальными оценками ситуации в проблемном регионе). Терроризм нужно сделать политически и экономически нерациональным. В этой связи население Северного Кавказа должно ощутить выгоду от поддержки и защиты России. Если они этого не увидят (а, напротив, увидят нарушение российских же законов и местной, и федеральной властью), то их симпатии впол-

не рационально (а не по причине приезда бородатых саудитов) будут на стороне, как минимум, оппонентов власти».

Мы говорим о теоретической возможности катастрофического сценария, а его признаки уже налицо. Еще в 2001 г. Г.Г. Малинецкий (Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН) и член-корреспондент РАН С.П. Курдюмов в Вестнике Российской академии наук предупреждали о грядущей катастрофе в связи со скорым массовым выходом из строя машин, оборудования, инфраструктуры и т.д. ввиду их крайней изношенности. Появился даже термин «восстание машин». Кроме того, они указывали на возможность развития России по катастрофическому сценарию. Но ни тогда, ни несколькими годами позже вроде бы ничего страшного не происходило в стране, и многим предупреждение ученых казалось гипертрофированным.

Однако в последние два-три года, причем в нарастающем темпе, у нас то и дело падают или совершают вынужденную посадку вертолеты и самолеты, случаются аварии на электростанциях и железных дорогах, из-за плохих дорог при резко возросшем парке машин происходят ДТП с многочисленными человеческими жертвами, выходят из строя трубопроводы, взрываются склады боеприпасов, гибнут люди в шахтах... И буквально каждый день что-то горит – жилые дома, школы, театры и клубы, дома для престарелых и инвалидов, детские учреждения, офисные помещения, склады, хранилища и транспортные средства.

В начале июня 2008 г., когда «отцы» нашего «экономического чуда» восхищались достижениями страны при их правлении и не скупилась на самовосхваление, Г. Малинецкий озвучил более грозное предупреждение. «В нашем институте на основе динамической теории информации, – говорил он корреспонденту “Известий”, – был сделан геополитический прогноз для России на 2030 г. Если дела будут идти так, как идут, по инерционному сценарию, то и без внешнего вмешательства вероятен распад России на зоны влияния других цивилизаций. Дальний Восток разделит Китай и Япония. К Америке отойдут Камчатка, Чукотка и Сибирь. В европейской части появятся мусульманский анклав и Северо-Западное образование. Это согласуется с прогнозами, которые выполнены ЦРУ, где Россия рассматривается как зона кризиса и нестабильности. Некоторые американские исследователи предрекают распад России на 5–8 государств в течение 10–15 лет. Утрата жизненной активности значительной части населения – важный параметр этого сценария».

А уже после начала кризиса, выступая 26 июня 2009 г. на инновационном форуме «Институциональная интеграция инноваций: Ре-

гиональные аспекты», Малинецкий заявил, что новая, шестая по счету, технологическая революция началась, но Россия вступила в нее абсолютно неподготовленной, и речь уже не идет об экономическом проигрыше-выигрыше, но – о существовании государства. (Ученые Института мировой экономики и международных отношений РАН подсчитали, что экономика России отстает от передовых стран примерно на 40 лет.) И главное сейчас даже не деньги, а целеполагание.

Но не одни только математики бьют тревогу по поводу ближайшего будущего России. Если сохранится сырьевая ориентация экономики, не получат должного развития промышленность и высокие технологии, не будет развиваться инфраструктура. Об этом уже давно говорят едва ли не все наши крупные экономисты. Так, академик РАН Л. Абалкин высказался о возможности негативного прогноза для России, и подтвердил это в интервью Агентству федеральных расследований в 2006 г. Им названы три сценария: превращение России во второразрядную державу с сырьевой направленностью экономики; гибель страны как целостного государства; возрождение былого величия и славы, но через очень большой промежуток времени и при особо благоприятном стечении обстоятельств. Академик РАН Р. Нигматулин в интервью «Хронографу» тоже назвал три сценария: первый, в который мало кто верит, – страна найдет силы и сменит курс; второй – случится социальный взрыв; третий – деградация российской цивилизации и российского стандарта жизни.

Беспокойство насчет будущего России давно высказывают и наши крупные социологи, в том числе академик РАН Т. Заславская, члены-корреспонденты РАН Н. Римашевская, Ж. Тощенко и др. Подчеркивая при этом глубокое социальное расслоение общества, тяжелую демографическую ситуацию, ухудшение качества населения, деградацию науки, снижение уровня образования и здравоохранения и т.д., Т. Заславская указывает и на неустойчивый характер нынешнего режима. Давая интервью еженедельнику «Аргументы и факты» в мае 2006 г., она заметила: «Система, которая сейчас сформировалась, относительно стабильна, но обладает слишком малым потенциалом и перевернется, как матрешка. В ней накапливаются центробежные силы. Ученые опасаются, что что-то произойдет».

На мой взгляд, начинать надо с критического осмысления творческого наследия наших предшественников, и прежде всего П. Чаадаева и Н. Бердяева. Так, Чаадаев первым указал на то, что образованные круги общества склонны некритически заимствовать все европейское, воспринимать только готовые идеи, что является следствием заимствованной культуры. Он, однако, сказал и немало тако-

го, что не только вызвало приступ яростного гнева Николая I, но и не разделялось его друзьями. Например, что мы «продвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели», иначе говоря, ходим в истории по кругу и существуем лишь для того, «чтобы преподать великий урок миру». (Правда, некоторые у нас говорят: этого мы и добились, убедив мир, что строить так социализм, как мы строили, нельзя, и реформировать его так нельзя, как мы реформировали.)

Бердяев дал определение русской идентичности. «Русский народ по своей душевной структуре, – писал он, – народ восточный. Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи». Бердяев считал, что Россия и не Восток, и не Запад, она Востоко-Запад. Отсюда и национальный характер, а точнее, архетип (коллективное бессознательное), имеет как общечеловеческие, так и специфические черты. Например, полярный характер мышления (рождающий всем известные крайности); догматизм (когда возникшей на Западе и неоднозначно там воспринимаемой теории – будь то марксизм или неолиберализм – у нас ее сторонниками придается характер безусловной истины); стремление решать сложные вопросы не с помощью компромисса, а по принципу «стенка на стенку»; иррационализм, когда и судьбоносные вопросы, как, например, избрание первых лиц государства, мы нередко решаем не умом, а сердцем; так называемая удадь, которая у нас порой ценится выше таланта (когда, например, еще недавно мало кому известный политик одной своей молодцеватостью и красивой фразой может завоевать доверие избирателя); склонность народа в своих бедах винить не первых лиц в государстве, а их окружение. (Иностранные аналитики просто удивлялись тому факту, что работе правительства, согласно опросам, россияне ставили низкую оценку, а Путину, который его возглавляет, – высокую).

Бердяев же дал и ответ на причины трагического развития страны в XX в. За короткий срок мы дважды сменили вектор общественного развития, понеся при этом колоссальные, а во многом и необратимые потери. Сначала отринули капитализм в пользу социализма, а потом отказались от социализма в пользу капитализма. А причина эта – раскол русского национального сознания, который возник после реформ Петра I. Появившиеся после этого западники и славянофилы являются реальностью и по сей день. Хотя, казалось бы, пройдя через жернова большевизма, общество должно было изжить этот раскол.

Западники как европеизированная часть общества всегда тяготели и тяготеют к Западу, стремясь перенимать его идеи, формы общественной жизни и пр. Славянофилы же, или, в современных понятиях, почвенники, более консервативны, они стремятся сохранять традиционные ценности. По законам общественного развития, революцию, как правило, сменяет контрреволюция. Победу в ходе революции обычно одерживают более образованные, социально активные и организованные западники, но поскольку они являются меньшинством в обществе, то в ходе отката революции они ее теряют. Так произошло через несколько лет после Октябрьской революции, когда большевиков-интернационалистов («ленинскую гвардию») вытеснили из большой политики, а потом многих из них и уничтожили группировавшиеся вокруг Сталина большевики-державники. И после антикоммунистической демократической революции конца 1980-х – начала 1990-х годов либералам-западникам, сыгравшим в ней видную роль, долго удержать сильные позиции во власти не удалось, через ряд промежуточных этапов она перешла к другим политическим силам с бывшими работниками КГБ во главе. (Хотя они сохранили сильные позиции в экономической власти.) Как образно выразился в то время директор Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков В. Черкесов, «рыхлое, неоднородное, внутренне противоречивое и далеко не однозначное сообщество людей, выбравших в советскую эпоху в качестве профессии защиту государственной безопасности, оказалось в социальном плане наиболее консолидированным... Падая в бездну, постсоветское общество уцепилось за этот самый “чекистский” крюк. И повисло на нем».

Но, как говорят, все течет, все изменяется. А что остается и что нам мешает жить?

Первое. Это характер государства и власти. Как отмечал Бердяев, тип государства мы взяли у загнивающей уже Византии, а потом его «обогатили» немецким бюрократизмом. Оттуда же переняли культ власти и склонность к обожествлению правителя. От православия мы получили максимализм, догматизм и культ жертвенности. Бердяев считал, что «историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой...». В самом деле, частые смены типа цивилизации, несколько сот лет жизни в зависимости от Золотой Орды, несколько сот лет крепостного права – все это и многое другое сделало нас такими, какие мы есть. Власть наша что при царях, что после них стремится править пожизненно и при этом – из каких бы слоев она ни происходила – часто смотрит на простых людей, как на быдло.

Так или иначе, вцепившись мертвой хваткой во власть (которая у нас обычно неотделима от привилегий и/ или собственности), наш правящий класс не желает никаких перемен, не хочет ничем делиться с народом. Согласись Николай II (как ему советовали из его ближайшего окружения) на конституционную монархию и пойдя он навстречу требованиям крестьян, заручившись поддержкой наиболее дальновидной части дворянства, наверняка не было бы Октябрьской революции. Точно так же, если бы Брежнев поддержал экономические реформы Косыгина и настоял на постепенной демократизации политической системы, включая регулярную сменяемость на конкурсной основе высших должностных лиц (как это, например, делается в Китае), то мы действительно могли бы иметь в каком-то будущем социализм с человеческим лицом. Однако слепой эгоизм и тупое стремление правящего класса с помощью закручивания гаек и грубой силы сохранить все, что имеет, рождает в обществе настроения безысходности, злости, а то и ненависти к власти, что в момент кризиса перерастает в то, что можно выразить одним словом: «Долой!» Отсюда и стремление наиболее радикальных слоев общества не только избавиться от ненавистного режима, но и от всего того, что с ним связано. При этом многим людям ошибочно кажется, что хуже уже не будет. Но, как сказал один мудрый человек, нет такого плохого, которое нельзя было бы сделать еще хуже. Так у нас и получилось для большинства народа после смены капитализма социализмом, а потом и смены социализма капитализмом.

Я был не только очевидцем, но и активным участником на фронте идеологической борьбы против коммунистического режима. Долгое время мне казалось, что этот режим будет вечным. Что вечно будут нами править выжившие из ума старцы, вечно они будут нам лгать насчет преимуществ нашего полуказарменного социализма над капитализмом. Вечным будет дефицит всего и вся. Вечно будут существовать сковывающие свободу личности запреты, причем нередко нелепые. И для того чтобы сбросить этот уже ставший ненавистным режим, я готов был поддерживать всех, кто с ним боролся. Готов был закрывать глаза на наших фальшивых либерал-демократов, на сомнительные человеческие качества Ельцина и пр. Была сверхзадача: коммунистический режим во что бы то ни стало должен быть разрушен. В том, что в ходе революционных перемен мы стремимся «разрушить все до основания», виноват правящий класс. Именно по его вине мы понесли такие страшные потери в двух революциях. Проведенная у нас молниеносная и несправедливая приватизация заслуживает только

осуждения, но первоначально она задумывалась как способ лишить коммунистов материальной базы для реставрации.

Если бы наш правящий класс был дальновидным, то он все делал бы для того, чтобы избежать революции, и сам бы «взрачивал» силы, которые могли бы перехватить власть в случае крушения режима. Но таких сил не оказалось ни после отречения Николая II от трона, когда перед страной открылся путь буржуазно-демократического развития, ни после краха режима реального социализма, когда можно было взять курс на «демократический социализм». Нет таких сил и сейчас. Притом что в обществе царит вопиющая социальная несправедливость. Случись, что власть падет, ее некому будет поднять. За несколько месяцев до парламентских выборов 2007 г. В. Путин говорил о том, что для подстраховки нам нужно две сильные системные партии: одна – правоцентристская, другая – левоцентристская. Правоцентристская в лице «Единой России» уже была партией власти, а созданная, как говорят, по проекту Кремля, левоцентристская партия «Справедливая Россия» постепенно набирала силу. Потом Путин вдруг неожиданно для многих изменил свое решение, возглавив список «Единой России» на парламентских выборах, не будучи ее членом, а «Справедливую Россию» в ходе парламентских выборов чиновники на местах стали так же «прессовать», как и оппозиционные партии. Те выборы вошли в историю как самые «грязные».

Второе. Почти за 20 постсоветских лет не появилось принципиально новых промышленных производств, известных в мире технологий, новых ГЭС, кораблей, самолетов и даже автомобилей. Мы сдали позиции даже там, где СССР был признанным лидером, – в космосе и энергетике. Мы продолжаем проедать остатки советского наследия. Как говорят специалисты, созданные в советские годы производства уже не подлежат реконструкции, промышленность надо создавать заново. Кто в этом виноват? Прежде чем отвечать на этот вопрос, давайте сначала посмотрим, что представляет собой наш нынешний правящий класс. Это причудливый симбиоз бюрократии, олигархов и либералов с некоторыми «добавками». Бюрократию заботит величие России, и она его стремится поднимать... строительством новых трубопроводов для перекачки нефти и газа в другие страны, престижными проектами и нескончаемым пиаром насчет того, как много она делает для народа и укрепления международного авторитета государства. Олигархи, в своем большинстве не уверенные в своем будущем, стараются выводить из страны активы и регистрировать свои предприятия в других странах, и они де-юре становятся уже и не

совсем российскими. А тем временем либералы в экономическом блоке правительства продолжают следовать предписаниям «Вашингтонского консенсуса», реализация которых тормозит наше развитие. Я напомним об истории его появления.

Экономист Д. Уильямсон (John Williamson) из Вашингтонского Института международной экономики (Washington Institute for International Economics) в 1989 г. подготовил для латиноамериканских стран, в которых уже была в той или иной степени развита рыночная экономика, рекомендации для ее оздоровления. Это строгая финансовая дисциплина; ограничение госрасходов на социальную сферу и инфраструктуру; снижение ставок налогов; либерализация финансовых рынков; свободный обменный курс национальной валюты; либерализация внешней торговли; открытие страны для иностранных инвестиций; приватизация; дерегулирование экономики; защита прав собственности. Эти рекомендации покоятся на неолиберальной теории М. Фридмана, и их можно свести к известной максиме А. Смита: рынок все расставит по местам. Их появление совпало с крахом реального социализма, и Вашингтон посредством Международного валютного фонда стал навязывать их странам с переходной экономикой, и в первую очередь бывшим соцстранам. Ни одна из быстрорастущих стран не стала выполнять требования «Вашингтонского консенсуса», а те, кто это делал, потерпели фиаско. Ведь перевод нерыночной экономики на рельсы рыночного развития, тем более такой страны, как Россия (огромная территория, разные климатические условия, большие перепады в уровне развития регионов и народов, на 70% военная экономика, сотни моногородов и пр.), обязательно требует активного государственного регулирования, индикативного планирования, защиты отечественных производителей от недобросовестной внешней конкуренции, требует валютного контроля и т.д., что напрочь отвергается идеологами «Вашингтонского консенсуса». Российские же либералы-западники безоговорочно взяли на вооружение то, что исходило из Вашингтона, и стали выполнять, причем в самом brutальном варианте. Притом что сами «американские гуру» требовали тотальной и как можно более быстрой приватизации и либерализации всего и вся. И это стало для нас катастрофой.

Уверен, что если бы в это время на Западе господствующей экономической теорией был не неолиберализм, а кейнсианство, то они, наши квазилибералы, с не меньшим рвением стали бы руководствоваться им, что объективно было бы, безусловно, лучше для страны. Только правда в том, что без поддержки политического руководства либералы в экономическом блоке правительства не могли бы

проводить в жизнь рекомендации чужого государства – их бы вообще из власти, грубо говоря, вычистили. И заметим, при ярко выраженном словесном антиамериканизме немалой части нашей бюрократии и административная реформа, и реформы здравоохранения, образования и некоторые другие осуществлялись по американским лекалам.

В основном в США хранятся и наши валютные резервы. А то, что мы вопреки национальным интересам берем на себя обязательства международных (считай – западных!) организаций, ставит под сомнение и патриотизм многих наших «государевых мужей». Притом что не только новоиспеченные богачи, но и чиновники скупают недвижимость, хранят свои деньги, а нередко и лечат членов своих семей, обучают своих отпрысков тоже в странах Запада. По некоторым подсчетам, у нашей элиты число домов, квартир, дворцов измеряется сотнями тысяч, и есть они едва ли не в каждой стране Запада. Как заметил не без иронии З. Бжезинский, нам, дескать, России не надо бояться, она не будет воевать против стран, где ее элита имеет такие обширные интересы.

Но есть еще одна правда. Народ не встал на защиту социализма, при котором выросло три поколения людей, не только из-за разочарования в ленинско-сталинской модели социализма, но и в силу отмеченной еще Бердяевым нашей склонности действовать от противного. Не понравился социализм – давай попробуем капитализм. Прав первый заместитель главы президентской администрации В. Сурков, когда говорит, что мы не умеем ничего достраивать. Когда встал вопрос, в чем первопричина того, что Россия фактически на 20 лет заморозила свой экономический и научно-технический прогресс, то член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН Р. Гринберг ответил на него так: «Настоящая причина одна – инфантильно-провинциальная философия рыночного фундаментализма, овладевшая властными российскими кругами, твердо усвоившими одно: рынок сам все отрегулирует. Он и отрегулировал: все, что не обещало немедленного обогащения, оказалось закрыто или заброшено».

«Новый курс» президента Медведева: слово «модернизация» стало модным после появления статьи президента «Россия, вперед!». Некоторые ее положения были развиты и дополнены президентом в его ежегодном Послании Федеральному собранию РФ 12 ноября 2009 г. Я вкратце напомню о них:

– во-первых, президент поставил вопрос о комплексной модернизации России, включая политическую систему, а не только экономику. Но модернизации постепенной, поэтапной, не нарушающей

стабильность в стране. Конечная ее цель – построение процветающего, открытого демократического общества на базе инновационной экономики;

– во-вторых, в отличие от того, что говорилось правительством и руководством Госдумы по поводу быстрого экономического роста, Медведев подчеркнул тяжелое положение российской экономики, которая, по существу, не развивалась последние 20 лет, не считая роста ВВП за счет небывало высоких цен на экспортируемое сырье. Указал и на причины фактического неразвития страны;

– в-третьих, президент заявил, что «модернизация российской демократии, формирование новой экономики, на мой взгляд, возможны только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества. Без всяких комплексов, открыто и прагматично... Нам нужны деньги и технологии стран Европы, Америки и Азии». Так откровенно и честно до Медведева еще никто не говорил из высших должностных лиц;

– в-четвертых, президент по-новому поставил вопрос о проведении государством внешней политики, которая бы исключала враждебность, обидчивость, кичливость, закомплексованность, ностальгию и пр., а основывалась на «стратегических долгосрочных целях модернизации России». Что на деле очень актуально, поскольку в последние годы над национально-государственными интересами страны порой брали верх чиновное тщеславие, амбиции, игра в «сверхдержавие» или, как выразился бывший вице-премьер правительства О. Сысуев, отдающая неадекватностью игра в «пиар-величие нашего государства». В самом деле, наши чиновники нередко вели себя так, словно они живут в советской сверхдержаве, «забывая» о том, что наш ВВП примерно в десять раз уступает американскому, а научно-технический потенциал – и того больше. Бахвалятся то нашей якобы не знающей преград ракетой «Булава», которая на деле еще не прошла испытательный срок, то истребителем пятого поколения, за который выдают его прототип. Многие аналитики говорят, что все это направлено для «внутреннего пользования», дабы, так сказать, компенсировать провалы в гражданских сферах. Однако, как показали история с покупкой «Опеля» и ряд других несостоявшихся сделок, при воинственной риторике наших чиновников никто на Западе не желает содействовать модернизации экономики России. Запад шел лишь на создание у нас предприятий «отверточной технологии», что не развивает, а губит отечественную инженерную мысль;

– в-пятых, Медведев заявил: «Нашей работе будут пытаться мешать. Влиятельные группы продажных чиновников и ничего не

предпринимающих “предпринимателей”. Они хорошо устроились. У них “все есть”. Их все устраивает. Они собираются до окончания века выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазаривать природные богатства, принадлежащие всем нам. Они не создают ничего нового, не хотят развития и боятся его».

Действительно, прямое или скрытое противодействие реализации «нового курса» президента Медведева не заставило себя долго ждать. Ведь он указал едва ли не на все негативные стороны нашего нынешнего бытия, как то: неэффективная экономика, неразвитые социальная сфера и демократия, слабое гражданское общество, острые социальные проблемы, низкий уровень продолжительности жизни граждан, негативная демографическая тенденция, неадекватная остроте проблем политика государства в Северо-Кавказском регионе и т.д. И это, естественно, не могло понравиться тем из властного апарата, кто до небес восхвалял достижения России. Это прежде всего партия «Единая Россия», руководство которой все последние годы активно поддерживало курс Путина на сырьевую ориентацию экономики и даже (к удивлению его самого) составило из его ежегодных посланий Федеральному собранию «план Путина».

На XI съезде в ноябре 2009 г. «ЕР» объявила себя консервативной партией и высказала свою приверженность консервативной модернизации. Но модернизация в понимании президента Медведева, и вообще в общепринятом понимании, – это курс на изменения революционного характера, а консерватизм – это сохранение того позитивного, что есть, и медленное продвижение вперед. Только много ли в нашей политической, экономической, социальной жизни и духовно-нравственной сфере есть такого ценного, «доброе, вечное», что общество хотело бы сохранить? И можно ли при таком катастрофическом положении в экономике и таком фатальном отставании России от передовых стран позволить себе модернизацию по принципу «нам некуда спешить»?

В свою очередь премьер Путин, которому, очевидно, не понравилась идея не только экономической, но и политической модернизации, заявил о том, что в ходе перемен нельзя допустить, как он выразился, «украинизации» России. Только что это значит? На Украине в мирных формах близится к завершению мучительный процесс становления двухпартийной системы как гарантии сохранения демократии и недопущения возврата диктатуры. В России таких гарантий нет. Политический класс Украины выдержал тяжелое испытание на демократию и не допустил ни новой революции, как это имело место в ряде других бывших советских республик, ни государственного пере-

ворота, как случилось у нас в 1993 г. И если бы не грубое вмешательство внешних сил во внутренние дела Украины в канун и в ходе президентских выборов 2004 г., то процесс становления там демократии наверняка шел бы менее конфликтно.

Традиционная беда российской власти состоит еще и в том, что она почти всегда, сознательно или бессознательно, подменяет причины следствиями. Массовые выступления граждан в ряде соседних стран против фальсификации выборов, коррупции и нищеты наши чиновники свели исключительно к западному вмешательству и вместо того, чтобы начать у себя выкорчевывать указанное зло, стали закручивать гайки, создавать лояльные себе организации из молодежи («Наши», «Молодая гвардия» и др.), в спешке принимать законы, приравнивающие акции социального протеста и протеста против произвола чиновников к экстремистским действиям. Нечто подобное практиковалось и в царской России, и в СССР.

Удастся ли президенту обратить вспять тенденцию катастрофического развития России? На этот вопрос можно дать ответ только в духе антиномии, когда с одинаковой степенью убедительности можно доказывать и то, и другое. Что, кстати говоря, любил делать Бердяев.

1. С одной стороны, трудно опровергнуть тех ученых и специалистов, которые утверждают, что в обозримом будущем Россия вряд ли сменит вектор экономического развития. Тем более если вновь на какое-то время сильно поднимутся цены на нефть, которые и сейчас, когда пишется эта статья, уже превысила 70 долл. за баррель. А сырьевая экономика неизбежно заведет страну в тупик, о чем говорит и сам президент. Но это же и даст старт развитию катастрофического сценария, последствия которого на деле предсказать трудно. В чем суть проблемы?

а) Очень слабым кажется субъект модернизации, в то время как противники ее очень сильны. На них указал Медведев. Ясно, что сырьевым магнатам она не нужна, тем более что многие из них не связывают свою судьбу с Россией. Сырьевое же лобби многочисленно и очень влиятельно. Аналитики к тому же говорят, что и высшие чиновники могут иметь акции в сырьевых компаниях, следовательно, интерес сырьевых баронов – это и их интерес. И коррупция дает обильные урожаи прежде всего на сдобренной нефтегазовыми долларами почве. И «сладкая жизнь» оглуляющих граждан шоуменов, работающих на олигархию и бюрократию имиджмейкеров, пиар-технологов, политологов, социологов выросла на той же ниве. Народ сбит с толку пиаром и в массе своей не осознает, что случится со страной, когда усохнут доходы от продажи сырья. Притом что еще не

стерлись в его коллективной памяти голодные 1990-е годы и он боится потерять и тот весьма скромный достаток, который имеет.

б) Создается впечатление, что у президента Медведева за пределами его администрации нет сильного мозгового центра, который мог бы давать обоснованные разработки пошаговых действий в рамках намеченной им программы. Это наглядно показал подготовленный Институтом современного развития (ИНСОР), председателем попечительского совета которого он сам является, доклад «Россия XXI века: Ожидаемое завтра». Его авторы, председатель правления ИНСОРа И. Юргенс и член правления Е. Гонтмахер, фактически предлагают стране новый либеральный проект, близкий тому, что был реализован командой Гайдара–Чубайса. При этом они делают ставку на ценности либерализма и демократии, заранее включают Россию не только в Евросоюз, но и в НАТО, как будто бы не знают, что у большинства россиян на этот счет совсем другое мнение.

в) В наших условиях проблема модернизации сырьевой экономики, перевода ее на рельсы инновационного развития чрезвычайно трудно решается. Экономика и едва ли не вся инфраструктура в развале, и в этих условиях надо одновременно решать две грандиозные задачи: реиндустриализацию и технологический переворот. Без новой индустриализации никакой инновационной экономики не получится – не будет для этого ни соответствующих материальных предпосылок, ни человеческого материала. И даже те инновации, которые могут у нас создаваться, будут в основном востребованы разве только в развитых странах. Сложно решать и проблему накоплений в рамках нынешней экономической и финансовой политики. Она не решалась и в «тучные годы», притом что совокупный внешний долг страны, по оценке некоторых экономистов, составляет 600–700 млрд. долл.

г) По масштабам решаемых задач, по их сложности и по требуемым усилиям всего общества модернизация сопоставима разве только с индустриализацией или созданием ядерного и ракетного оружия. Все эти проекты рассматривались и элитой, и обществом как условие самого существования страны, объединяли народ и носили мобилизационный характер. Какая идея сейчас может объединить общество, живущее как бы в двух мирах – мире богатых и сверхбогатых и мире бедных и полунущих? На этот вопрос трудно найти ответ. У президента к тому же нет своей партии или общественного движения. Притом что занимающая сильные позиции во власти, в экономике, СМИ старая команда, не признающая провала своего экономического курса, не примет саму идею масштабной модернизации.

Признай она это, ее позиции резко ослабнут в канун скорых парламентских и президентских выборов.

д) За редким исключением, в первые годы создания новой экономики скорее ухудшается, чем улучшается жизнь большей части населения. В нашем случае интересы развития промышленности и сельского хозяйства продиктуют сокращение экспорта энергоносителей, металлов, удобрений, а накопления капитала для повышения уровня инвестиций – введение прогрессивного налога с физических лиц, урезание сверхприбылей крупных компаний, отказ руководителей госкомпаний от миллионных бонусов, премиальных, «золотых парашютов», сокращение привилегий бюрократии и пр. Привыкшая жить на широкую ногу за счет природной ренты элита вряд ли такой политике обрадуется.

2. С другой стороны, в мире есть случаи, когда решающую роль в судьбе страны может сыграть личность одного человека. Так, Дэн Сяопин изменил вектор общественного развития страны, превратив КПК в инструмент строительства экономики капиталистического типа, по ходу меняя социальный состав и идеологию компартии. Но при этом он имел в своем окружении талантливых экономистов и опирался на сильную команду. А результатом стало то, что за 30 лет реформ Китай увеличил ВВП в 15 раз, превратившись во вторую экономику мира после США. Допустим, у наших руководителей не было и не могло быть такого опыта государственного управления, какой был у китайского лидера, наделенного к тому же незаурядным талантом. Но президент США из артистов Р. Рейган тоже не имел большого опыта управленца и, откровенно говоря, не слыл интеллектуалом, однако он подобрал талантливую команду, с помощью которой вытащил США из затянувшегося кризиса и вошел в американскую историю как сильный президент.

А у нашего президента такие обширные конституционные полномочия, что при наличии политической воли он может отправить в отставку любого чиновника, если тот не справляется со своими обязанностями или проводит в жизнь собственную программу, и сформировать такую команду, которой будет по плечу вывести страну на путь здорового развития. Но при этом президенту не обойтись без сильного мозгового центра и массовой поддержки. Мне решение этой проблемы видится следующим образом.

1. Надо превратить ИНСОР, в котором почему-то оказалось много бесполезных либералов гайдари-чубайсовского толка, в сильную команду единомышленников, работающих на президента, а не занимающихся саморекламой, а возможно, еще и апеллирующих к

западному общественному мнению. У нас ведь есть очень опытные экономисты, знающие, как создавать новую экономику. Я, например, могу назвать академика РАН и Европейской академии, президента Новой экономической ассоциации В. Полтеровича, который еще Горбачёву рекомендовал начинать реформы не с политической системы, а с экономики, как это уже делалось в Китае.

2. Партия «Единая Россия» могла бы стать опорой президента в осуществлении его программы, если бы путем демократических выборов избавилась от «назначенцев». (Это о них президент Башкортостана М. Рахимов сказал, что они и тремя курицами не командовали.) Они не понимают роли партии и парламента в жизни общества, не осознают той беды, которая неизбежно придет в страну, если мы не сменим нынешний экономический курс.

3. Народу надо говорить правду о том, что в случае провала модернизации страну ждет вполне вероятный распад и уход с исторической сцены. Это должна осознать и здоровая часть элиты. А исторический опыт показывает: наше общество быстро избавляется от равнодушия и инертности, обретая энергию и решимость, только в периоды смертельной опасности. Но при этом СМИ, в первую очередь государственные телеканалы, должны работать на интересы модернизации, а не на прославление дутых успехов в нулевые годы, а по сути – оправдание инерционного пути развития. Не обойтись и без смены социальной политики и оздоровления духовно-нравственной атмосферы в обществе.

Какой из двух указанных вариантов станет реальностью, покажет ближайшее будущее.

*«СоцИс: Социологические исследования»,
М., 2010, № 11, с. 133–143.*

Чарльз Капчан,
профессор международных отношений (США)
**ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ ДЛЯ НАТО,
ИЛИ ПОЧЕМУ РОССИЯ ДОЛЖНА ВСТУПИТЬ
В СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС**

На саммите НАТО-2010 члены Альянса собираются принять новую «стратегическую концепцию» развития. Отношения НАТО с Россией – один из главных вопросов повестки дня. После распада Советского Союза Соединенные Штаты и их союзники по Североатлантическому альянсу создали новый мировой порядок, пришедший на

смену тому, что существовал в годы «холодной войны», и практически исключая участие в нем России. НАТО и Европейский союз обращаются с Россией как с аутсайдером, исключая Москву из основных институтов евро-атлантического сообщества после принятия в свои ряды стран Центральной и Восточной Европы. Изоляция России – это отчасти дело ее собственных рук. Приостановка движения по пути демократии и периодические приступы внешнеполитической несдержанности вынуждают НАТО продолжать играть роль преграды от возобновления всплеск российского экспансионизма.

И все же Запад совершает историческую ошибку, обходясь с Россией, как со стратегическим изгоем. Как ясно показывают примеры мирного урегулирования после окончания Наполеоновских войн и Второй мировой войны – в отличие от договоренностей по итогам Первой мировой войны, – включение прежних соперников в послевоенный порядок играет весьма значимую роль в укреплении мира между великими державами. Поэтому присоединение России к расширенному евро-атлантическому порядку должно стать для НАТО важнейшим приоритетом.

Россию раздражало расширение Альянса еще в ту пору, когда он начал переманивать новых членов из бывшего советского блока в начале 1990-х годов. Однако экономический и военный упадок России и превосходство Запада побудили членов НАТО пренебречь возможными последствиями недовольства России. Политологи Дэниел Дьюдни и Джон Айкенберри отмечали: «По мере того как американский потенциал рос, а российский – снижался, вашингтонские политики все чаще действовали так, будто мнение России уже ничего не значило, а Соединенные Штаты могли делать все, что им заблагорассудится».

Однако стратегический ландшафт с тех времен радикально изменился, и цена исключения России из евро-атлантического порядка существенно возросла. Благодаря повышению цен на энергоносители заново проведенная Кремлем централизация власти и экономическое восстановление России вернули страну к жизни. Сейчас Россия уверена в себе и способна потеснить НАТО – именно тогда, когда Запад срочно нуждается в сотрудничестве с Москвой по целому ряду вопросов, включая сдерживание ядерных амбиций Ирана, контроль над вооружениями и нераспространение ядерного оружия, стабилизацию Афганистана, борьбу с терроризмом и энергетическую безопасность.

Более того, продолжающаяся экспансия НАТО сделала вопрос о месте России в евро-атлантическом порядке еще более неотложным. В новой Военной доктрине РФ, опубликованной в феврале 2010 г.,

Россия определила расширение НАТО как главную внешнюю угрозу. Альянс взвешивает все «за» и «против» принятия в свои ряды Грузии и Украины – шага, который приведет к опасной эскалации напряженности с Россией. На самом деле российско-грузинская война 2008 г. до некоторой степени стала отражением беспокойства Москвы по поводу геополитического дрейфа Грузии в сторону Запада. И вместо того чтобы просто возражать против расширения НАТО, Россия сейчас предлагает собственные идеи о перестройке евро-атлантической структуры безопасности. В ноябре 2009 г. российское правительство выпустило проект нового Договора о европейской безопасности, в который вошли предложения Москвы касательно панъевропейских институтов. У союзников НАТО, похоже, больше нет возможности бесконечно откладывать рассмотрение вопроса о месте России в постбиполярном мире.

Решение вопроса о том, как привлечь Россию в евро-атлантическое пространство, лежит на поверхности: Россия должна стать членом НАТО. Конечное принятие страны в Альянс было бы логическим завершением создания евро-атлантического порядка, в котором НАТО является главным институтом безопасности. Начав процесс расширения после распада советского блока, западные союзники должны теперь сделать все, что в их силах, чтобы завершить его интеграцией России и других стран СНГ в Альянс.

Конечно, есть много других вариантов построения панъевропейского порядка, например: выработка договора между НАТО и возглавляемой Россией Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); подъем авторитета Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), членом которой является Россия; принятие предложения России о новом Договоре о европейской безопасности. Но сейчас, когда НАТО – самый мощный военный альянс в мире – насчитывает 28 членов, а еще больше стран остаются на подходе, все другие варианты – это просто стратегические интермедии. Каждая страна станет либо членом НАТО, либо аутсайдером. Единственный логический путь к панъевропейскому порядку тем самым подразумевает интеграцию России в Альянс.

Москва может отказаться от вступления, принимая во внимание те требования и ограничения, которые подразумевает членство, и предпочесть следовать своим курсом. Но если основные институты евро-атлантического сообщества в конечном счете не сумеют распространиться на Россию, пусть это случится из-за ошибок Кремля, а не потому, что атлантические демократии не сумели продемонстриро-

вать видение или волю к принятию России в панъевропейский порядок.

С момента своего создания в конце 1940-х годов евроатлантический порядок имел двойственный характер. С одной стороны, западные институты стремились обеспечить коллективную оборону от внешних угроз путем накопления вооруженных сил для защиты территории стран-членов (в основном против Варшавского пакта) и переброски вооруженных сил (например, в Косово и Афганистан). С другой стороны, они стремились обеспечить коллективную безопасность от внутреннего соперничества за счет военной, политической и социоэкономической интеграции (через НАТО и Европейское экономическое сообщество – предшественника ЕС). Но между этими двумя миссиями всегда создавалась напряженность. Коллективная оборона требует, в первую очередь, концентрации военной мощи посредством максимизации национальных средств вооружения и координации принятия решений. В данном случае преследуется цель – создать противовес для внешних угроз. Коллективная же безопасность, наоборот, требует главным образом рассредоточения мощи путем обобщения и вооружений, и командования. Таким образом преследуется цель нейтрализовать внутренние угрозы за счет центростремительной силы интеграции.

В период «холодной войны» разделение обязанностей между институтами было относительно четким. НАТО занималась коллективной обороной через наращивание мощи против советской угрозы, а также коллективной безопасностью за счет упрочения сплоченности членов. Тем временем Европейское экономическое сообщество (впоследствии ЕС) сосредоточилось на превращении Западной Европы в зону прочного мира посредством экономической и политической интеграции.

После окончания «холодной войны» атлантическим демократиям стало труднее находить баланс между коллективной обороной и коллективной безопасностью. Соединенные Штаты видят в НАТО в основном инструмент для переброски вооруженных сил и используют его, чтобы собрать европейских партнеров, которые способны внести вклад в миссии далеко за пределами европейского театра. Страны Западной Европы имеют тенденцию считать Альянс инструментом укрепления мира и процветания в Европе и поэтому сопротивляются усилиям США по превращению его в средство проведения военных кампаний по всему миру. Тем временем новые члены из Центральной и Восточной Европы смотрят на НАТО более традиционно – как на бастион против России. Их озабоченность коллективной обороной

означает, что они предпочитают НАТО-центристский, а не ЕС-центристский евро-атлантический порядок. Однако тот факт, что они неохотно наращивают мощь и параметры Евросоюза с военной точки зрения, означает, что это может ослабить трансатлантические связи. Более дееспособный Европейский союз жизненно необходим, чтобы сохранить геополитическую актуальность Европы для Соединенных Штатов.

Политика принятия России в НАТО в качестве приоритета Альянса заметно обострила бы напряженность между этими столь различными стратегическими перспективами. В Соединенных Штатах прагматики будут заинтригованы, а либералы-вильсонянцы и неоконсерваторы отшатнутся. В Западной Европе, которая все еще с трудом переваривает непрерывный поток новых членов ЕС и НАТО, идея, вероятно, повысит «усталость от расширения». А в Центральной и Восточной Европе, где страх перед Россией все еще силен, подобная политика вызовет ужас, если не самую настоящую панику. Более того, нельзя не признать, что сама мысль разрешить России присоединиться к Североатлантическому альянсу звучит диссонансом с миссией Альянса времен «холодной войны», не говоря уже об отступлении России от демократических реформ и ее неуклюжем подходе к «ближнему зарубежью». Тем не менее перспектива членства России в НАТО сулит большие надежды на разрешение не только проблемы более эффективного построения панъевропейского порядка, но и проблемы противоречий, ожидающих Североатлантический блок в будущем.

В пользу принятия России в НАТО можно привести главным образом пять доводов.

Во-первых, открытие дверей НАТО перед Россией восстановит одну из главных функций евро-атлантического порядка – предоставлять коллективную безопасность посредством центристской силы интеграции. С точки зрения большинства членов Альянса, Россия застряла на стратегически ничейной земле; она не заслуживает ни безусловного отпора в интересах коллективной обороны, ни горячих объятий в интересах коллективной безопасности. Формирование видения того, как будет происходить будущее вступление России в НАТО, позволит преодолеть это подвешенное состояние. Альянс, если ему не дадут повода действовать противоположным образом, начнет протягивать руку России, дав ей тем самым почувствовать демократизирующее и умиротворяющее воздействие интеграции, как это произошло с Германией в 1950-х годах, а со странами Центральной и Восточной Европы – в последние два десятилетия. НАТО снова ста-

нет главным гарантом коллективной безопасности в Европе и обретет новый смысл существования – завершение создания мирного панъевропейского сообщества.

Во-вторых, постепенная интеграция России в НАТО вдохнет новую жизнь в трансатлантические связи, превратив Европу в более сильного геополитического партнера, в котором столь безотлагательно нуждаются Соединенные Штаты. Это особенно важно, учитывая, насколько Евросоюз неповоротлив в вопросах обороны. В Вашингтоне сейчас существует двухпартийный консенсус в пользу более унитарной Европы с увеличенным военным потенциалом, что подвергает риску трансатлантические связи, если Европа не сможет соответствовать. Лиссабонский договор вступил в силу в прошлом году, а вместе с ним замаячили институциональные реформы, которые постепенно предоставят Европейскому союзу возможность проводить более коллективную и силовую внешнюю и оборонную политику. Тем не менее даже при самых оптимистических сценариях ЕС, по всей вероятности, способен лишь на нерешительный прогресс в объединении своего оборонного потенциала. А Россия, Вооруженные силы которой насчитывают более миллиона человек, потенциально способна укрепить военный вес Европы, если войдет в состав НАТО. Нельзя не признать, что Брюсселю придется действовать с осторожностью в таких деликатных сферах, как обмен разведанными и военными технологиями. Но, наверное, подобные вопросы поддаются решению, если в результате значительно усилятся военная мощь и безопасность евро-атлантического сообщества.

В-третьих, интеграция России в НАТО позволит Грузии и Украине присоединиться к Альянсу, не спровоцировав кризиса в отношениях с Москвой. По мнению российских политологов Сергея Караганова и Тимофея Бордачёва, принятие этих стран в НАТО повысило бы «риск конфликта с непредсказуемыми последствиями». Прекращение расширения помогло бы избежать этой проблемы, но оставило бы неразрешенной другую: как интегрировать Россию и ее соседей в унитарный евро-атлантический порядок? Как отмечает Эндрю Монаган из Оборонного колледжа НАТО, «даже если расширение прекратится, Россия останется исключенной из евро-атлантических механизмов». Решение, таким образом, состоит в присоединении Грузии и Украины к НАТО, членом которой Россия уже является или вот-вот станет. В результате их вступление вызовет наименьшую геополитическую напряженность, а может, и вообще никакую. В более общих чертах, если членство в СНГ останется отделенным от членства в НАТО, европейские Восток и Запад останутся предметом неопреде-

ленно долгого геополитического раздела и борьбы за зоны влияния. Напротив, если НАТО откроет двери для членов СНГ, подобные линии раздела и сопровождающая их конкуренция, скорее всего, уйдут в прошлое. Такое развитие событий имеет прецедент: все члены СНГ уже сотрудничают с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира» и Совета евро-атлантического партнерства.

В-четвертых, строительство общеевропейской безопасности вокруг НАТО обеспечило бы сохранение за Альянсом контроля над эволюцией евро-атлантического пространства. Альтернативные варианты – например, обращение к ОБСЕ или создание новой структуры – рассредоточили бы часть власти по другим институтам; это одна из главных причин, по которым члены НАТО без особого энтузиазма отреагировали на недавнее предложение Москвы о Договоре о европейской безопасности. Их реакцию можно понять, но понятна и обида Москвы на НАТО за игнорирование ее предложения, особенно учитывая, что Альянс не выступил с какими-либо вескими контраргументами. Доступ в НАТО для России и других членов СНГ является собой как раз своего рода встречное предложение, которое позволит Альянсу сохранить ведущую роль в игре.

В-пятых, принятие России в НАТО помогло бы евро-атлантическому сообществу обратить внимание на то, что творится за его пределами. Несомненно, в самой Европе существует множество незаконченных дел, включая Балканы и Кавказ. Но на коллективные интересы государств, занимающих географическую зону, простирающуюся от Ванкувера до Владивостока, все сильнее влияют события, носящие глобальный характер, такие, в частности, как подъем новых мировых держав, терроризм, распространение ядерного оружия, изменение климата, кибер-атаки и международная преступность. В отличие от большинства традиционных европейских партнеров США, чья стратегическая ориентация обычно евроцентрична, Россия обладает более широким геополитическим кругозором. Москва – важный игрок в переговорах с Ираном и Северной Кореей по вопросу об их ядерных программах и имеет значительное влияние на Пекин. Россия – один из крупнейших в мире поставщиков энергоносителей. Она – влиятельный член ООН, «Большой восьмерки» и других многосторонних институтов. Одна из главных сложностей для Запада состоит в том, чтобы определить, как сделать подобные институты доступными для новых держав. Россия, как одна из стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), может поспособствовать евро-атлантическому сообществу в его стремлении произвести необходимые усовершенствования, включая расширение Совета Безопасности

ООН и преобразование «Большой восьмерки» в «Большую двадцатку». Так, например, в июне 2009 г. Россия провела в Екатеринбурге первый саммит БРИК, что дает основание полагать, что Москва способна помочь в налаживании все более интенсивного взаимодействия Запада с новыми державами.

Таким образом, присоединение России к НАТО обещает дополнительный положительный эффект, выходящий далеко за пределы Европы. Предоставление России членства в Альянсе могло бы и завершить проект построения мирного евро-атлантического сообщества, и помочь подготовить это сообщество к многополярному и политически многообразному миру будущего.

Перспектива вступления России в НАТО вызывает три очевидных возражения: это все равно что пустить лису в курятник; это размывает Альянс и ослабит его солидарность; это скомпрометирует базовые ценности Альянса, который допустит в свои ряды недемократическую страну.

Несомненно, НАТО пойдет на стратегический риск, принимая в свои ряды государство, которое пока еще потенциально ей угрожает. Но еще большему стратегическому риску НАТО подвергается, исключая Россию из евро-атлантического порядка. Если же Альянс будет действовать предусмотрительно, то сможет свести все эти риски к минимуму.

Поначалу процесс будет развиваться медленно и осторожно. Брюссель начнет с того, что ясно даст понять свою благорасположенность к России. Так же, как привлекательность членства в НАТО помогла побудить страны Центральной и Восточной Европы к проведению политических и военных реформ, так и перспектива присоединения к НАТО сможет побудить Россию к восприятию тех стимулов и норм сообщества, которые в конечном итоге окажут влияние на ее политический курс и политические подходы. Как минимум, возрастет влияние Запада на Москву, а расширение обоюдных контактов поможет уменьшить взаимное недоверие. Сотрудничество рискует быть подвергнуто испытанию в самых различных сферах, включая контроль над обычными вооружениями и нераспространение ядерного оружия, противоракетную оборону, миротворчество, совместные военно-морские операции по борьбе с пиратством или торговлей наркотиками, а также кибербезопасность. Подобные инициативы не только повысят взаимное доверие НАТО и России, но и дадут Альянсу достаточно времени для осознания того, хочет ли Москва углублять сотрудничество и направлять его энергию на достижение общих целей.

Конечно, нет гарантии, что Россия ответит взаимностью на предложение Альянса и определит внутренние и внешние политические подходы, соответствующие будущему членству. Но и открытие НАТО доступа для Москвы едва ли будет необратимым. Пожелай Россия воспользоваться открывшейся дверью в Альянс, чтобы чинить ему препятствия – блокировать принятие решений, разжигать внутренние разногласия, продолжать практику силового поведения по отношению к соседям, и протянутую руку можно быстро убрать. НАТО с готовностью уйдет от обеспечения коллективной безопасности в Европе и вернется к обеспечению коллективной обороны против России.

Что касается тех опасений, что вероятное членство России скомпрометирует эффективность и солидарность НАТО, так ведь само расширение Альянса и увеличение числа его членов и без того размывают его. Если к 2025 г. НАТО будет включать в себя Россию, Грузию, Украину и несколько других стран СНГ, то число государств-членов вырастет почти до 40. Причем это будут страны совершенно разные по размерам, благосостоянию и военному потенциалу. Но какая разница – 40 или 30 стран НАТО? На самом деле уже 28 членов существенно размывают Альянс вследствие его теперешней величины и неоднородности. На последних саммитах наблюдались значительные расхождения по вопросу расширения, а также предоставления членства Грузии и Украине. Члены Альянса разошлись во мнениях о правомерности признания Косово. В Афганистане, надо отдать должное, НАТО несет тяжелое бремя. Но государства-члены берут на себя далеко не одинаковую ответственность и риски, а голландцы готовятся этим летом вообще уйти из Афганистана. НАТО уже является многоуровневым альянсом, в котором некоторые страны несут гораздо более серьезную нагрузку, чем другие.

Вследствие этого принятие в Альянс России только ускорит институциональные изменения, начало которым уже положено. Автоматизм и солидарность коллективной обороны уступают место более конъюнктурным и нежестким обязательствам по коллективной безопасности. И все же, несмотря на то что многочисленные примеры из истории Лиги Наций и других институтов коллективной безопасности дают основания для беспокойства по поводу такого перехода, преобразование НАТО – вопрос необходимости, а не выбора. Оставаясь традиционной, сосредоточенной на обороне территории, эта организация рискует постепенно стать геополитически нерелевантной. Но есть альтернатива стать более широким военно-политическим союзом, концентрирующим усилия на укреплении коллективной безо-

пасности евро-атлантического пространства, и обеспечить себе центральное место в обозримом будущем.

Для этого НАТО следует разобраться со своим устаревшим принципом принятия решений на основе консенсуса. Это может послужить рецептом для избавления от паралича. Именно вследствие широкого разнообразия интересов, страхов и военных возможностей членов Альянса Брюссель имеет больше шансов на эффективные и своевременные действия, если приступит к созданию большинства по принципу коалиции добровольцев, а не на основе консенсуса. По той же причине может потребоваться принятие мер по изоляции слишком неуступчивых членов либо по приостановке их права на привилегии. Соответственно, НАТО должна перейти к более гибкой системе принятия решений.

Членство России помогло бы донести до всех важность обновления институтов и процедур принятия решений Альянсом. Если Россия вступит, Москва, скорее всего, воспротивится любому уходу от единогласного принятия решений. Россия ревниво оберегает свое право вето в Совете Безопасности ООН и настаивает на консенсусе в ОБСЕ. В ее проекте Договора о европейской безопасности предусматривается резолютивный форум, на котором решения «должны приниматься на основе консенсуса». Тем не менее России точно так же, как нынешним членам НАТО, придется привыкать к более сложному стратегическому ландшафту, в котором принцип коалиции добровольцев и более гибкие системы принятия решений, вероятно, станут жизненно необходимы для своевременных действий.

Наконец, принятие России и других стран СНГ в Североатлантический альянс, вероятно, приведет к тому, что в его состав войдут страны с еще не окрепшей демократией. Россия в предстоящие годы вполне способна пойти в демократическом направлении, особенно благодаря углублению связей с евро-атлантическим сообществом. Но даже и при благоприятном стечении обстоятельств демократизация наверняка будет медленной, в результате чего Брюссель столкнется с проблемой подходящего выбора времени. НАТО следует протянуть России руку как можно раньше. Определение ее места в евро-атлантическом пространстве – вопрос, не терпящий отлагательства. Если Альянс хочет своевременно начать процедуру принятия России в свои ряды, ему, вероятно, так или иначе придется заняться этим до того, как та станет полностью демократической.

Осуществимо ли принятие в НАТО недемократического государства? Это, безусловно, противоречит принципам «демократии, личной свободы и верховенства закона», лежащим в основе Северо-

атлантического договора. Более того, по мере осуществления трех волн расширения в период после окончания «холодной войны» (в 1999, 2004 и 2009) Альянсом были выработаны условия, согласно которым вновь принимаемые государства не только должны быть демократическими, но и обладать рыночной экономикой, справедливо относиться к меньшинствам и быть приверженцами мирного разрешения споров. Ни в одной из этих сфер Москва отнюдь не сильна.

Однако если НАТО примет Россию, это будет не первый случай присоединения к Альянсу недемократического государства. Португалия входит в число стран, изначально подписавших Североатлантический договор в 1949 г., однако она стала демократической только в 1974 г. Греция и Турция были приняты в ходе первого раунда расширения в 1952 г., но в последующие годы пережили политическую нестабильность, государственные перевороты и военные режимы. Во всех этих трех случаях принятие оправдывалось стратегическими задачами. Даже в официальных публикациях НАТО признается, что первые раунды расширения «происходили в период «холодной войны», когда решения диктовались в первую очередь стратегическими соображениями».

Не допустить Советский Союз на Запад в период «холодной войны» было, конечно, более насущным вопросом, чем принять Россию сегодня. Но потенциальная выгода от окончательного закрепления России в евро-атлантическом пространстве будет значительной. Партнерство с Москвой крайне важно, если принять во внимание широкий диапазон первоочередных вопросов. На самом деле ныне принятие России в НАТО внесет не меньший вклад в евроатлантическую безопасность, чем в свое время членство Греции и Турции. Если их принятие было оправдано стратегическими соображениями, хотя они и не были демократическими странами, то наверняка то же самое применимо сегодня к России.

Более того, Португалия, Греция и Турция стали надежными союзниками по НАТО. На поверку оказывается, что совместные действия демократических и недемократических стран нередко приносят позитивные результаты. Соединенные Штаты и Советский Союз были надежными партнерами в период Второй мировой войны. В настоящее время эмираты Персидского залива – одни из ближайших союзников США, хоть и принадлежат к числу самых нелиберальных режимов мира. Хотя все нынешние члены НАТО – демократические страны, некоторые из них, например Румыния и Болгария, поражены безудержной коррупцией. В 2008 г. Соединенные Штаты поддержали

включение Грузии в процесс подготовки к вступлению в НАТО в то самое время, когда ее президент Михаил Саакашвили насильственно подавлял антиправительственные демонстрации и закрывал оппозиционные СМИ. Если Вашингтон готов обходить формальности, чтобы привлечь Грузию в НАТО, то он, конечно, должен сделать то же самое и в отношении России – стратегически гораздо более важной страны. Поскольку тип режима – это не очень хороший предсказатель внешнеполитического поведения, НАТО поступила бы мудро, выбирая своих партнеров на основе их внешней политики, а не в силу характера их внутренних институтов.

Воплощать в жизнь стратегию, направленную на принятие России в Североатлантический альянс, будет не менее трудно, чем осуществлять связанные с этим практические политические шаги. Барьеры высоки: каждая страна-член должна ратифицировать решение о принятии новых членов. А расширение НАТО уже доказало, что могут возникать довольно ожесточенные внутривнутриполитические дебаты. Надо сказать, что конфронтация между НАТО и Россией уже после окончания «холодной войны» в немалой степени является продуктом внутривнутриполитического давления. В Соединенных Штатах подозрительность в отношении Москвы среди внешнеполитических элит и политиков не исчезла, что заставляет их интерпретировать внешнюю политику России в агрессивном ключе. (Это предубеждение проявилось в начале российско-грузинской войны в 2008 г., когда, несмотря на неопровержимые свидетельства того, что военные действия начала Грузия, в США преобладала точка зрения, согласно которой Россия действовала как неспровоцированный агрессор.) Более того, особое внимание к расширению НАТО со стороны американских избирателей центрально- и восточноевропейского происхождения обеспечило соответствующий политический климат планам расширения в 1990-х годах, а также во время более поздних раундов расширения.

В самой Центральной и Восточной Европе элиты и электорат будут упорно противостоят идее интеграции России в НАТО. Оппозиция в Западной Европе, где население (отчасти благодаря проблемам энергетической зависимости) чаще с пониманием относится к необходимости протянуть руку России, будет гораздо менее значительной. В самой России, где премьер-министр Владимир Путин и – в меньшей степени – президент Дмитрий Медведев помогали раскручивать маховик антизападного популизма, решение вопроса о членстве в НАТО потребует резкого изменения курса.

В Соединенных Штатах администрация Обамы прикладывает все усилия к тому, чтобы «перезагрузить» отношения с Москвой. Та-

кая политика в случае успешного сотрудничества обещает помочь ослабить застарелую подозрительность в отношении России со стороны внешнеполитического истеблишмента США. Конгресс, вероятно, будет самым крупным камнем преткновения, поскольку способен воспрепятствовать ратификации договоров о контроле над вооружениями и противодействовать другим инициативам, необходимым для укрепления взаимного доверия между Вашингтоном и Москвой. Даже несмотря на то что конкретное стратегическое сотрудничество между НАТО и Россией могло бы помочь изменить соотношение сил на Капитолии, крайне трудно будет убедить Конгресс в выгодах членства России в Североатлантическом блоке.

Изменить отношение к России в Центральной и Восточной Европе еще сложнее. Для начала Брюсселю необходимо найти баланс между стратегическим сближением с Россией и заверениями в адрес своих членов в Центральной и Восточной Европе, что он остается приверженным обороне их территорий. В этих целях Альянсу следует провести военное планирование и маневры, необходимые для подтверждения нерушимости ст. 5 Североатлантического договора, которая предполагает коллективную оборону. От НАТО также должен поступить ясный сигнал Центральной и Восточной Европе, что сближение с Россией нисколько не снизит бдительность. Брюссель тут же приостановит движение навстречу, если Россия будет упорно демонстрировать свои хищнические или эксплуататорские намерения.

Лидерам Центральной и Восточной Европы самим придется изрядно потрудиться, чтобы приглушить русофобию, которая продолжает оставаться движущей силой политики региона. Они должны будут внушить избирателям, что интеграция России в евроатлантический порядок – это куда более надежный вклад в безопасность Центральной и Восточной Европы, чем противотанковые ловушки, истребители и ракеты класса Patriot. Независимо от наличия либо отсутствия натовского щита Центральная и Восточная Европа станет опасным соседством, если Москва останется по-прежнему отчужденной от Запада. Если Россия вступит в НАТО и разделяющие Европу линии исчезнут, то проблемы с безопасностью между соседними государствами резко сойдут на нет. Учитывая данную перспективу, страны Центральной и Восточной Европы заинтересованы в консолидации евроатлантического порядка, включающего Россию, сильнее, чем любые другие члены НАТО. Да, сегодня трудно представить себе, что Польша ратифицирует решение о приеме России в НАТО в обозримом будущем. Но и в конце 1940-х годов не менее

трудно было вообразить, что соседи Германии вскоре согласятся на ее включение в Европейское экономическое сообщество и НАТО.

Российским лидерам тоже придется начать готовить почву для нового дискурса о НАТО внутри страны. Вместо того чтобы изображать Альянс как инструмент агрессии, стремящийся взять Россию в кольцо, Москве следует начать открытую дискуссию о возможности НАТО послужить «зонтиком» для структуры панъевропейской безопасности. Устойчивое сотрудничество между членами НАТО и Россией помогло бы улучшить восприятие Альянса российскими элитами и населением. Россия давно стремилась присоединиться к международным институтам – таким как «Большая восьмерка» и Всемирная торговая организация, – с целью повысить свое влияние и обозначить свою интеграцию в международное сообщество. Путин в начале своего президентства даже утверждал, что «не исключает» членства России в НАТО «на том условии, что будут учитываться интересы России, [а] Россия станет полноценным партнером». Наступило время напомнить Путину о необходимости держать свое слово.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2010, июль–август, с. 22–34.*

Д. Мухетдинов,

ректор Нижегородского исламского института,
кандидат политических наук (Н. Новгород)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Образование всегда играло огромную роль в исламе, так как именно выходцы из духовных учреждений становились опорой мусульманского вероучения, что, в принципе, характерно для всех конфессий. В связи с этим, начиная с эпохи перестройки, возникла потребность в подобных учебных заведениях, поскольку в Советском Союзе возможность получить религиозное образование была минимальной. Как правило, желающие обрести исламские знания вынуждены были выезжать в Среднюю Азию, где традиции мусульманского образования в какой-то мере продолжали существовать. Одним из самых известных религиозных учреждений того времени являлось медресе «Мир-и-Араб», расположенное в Бухаре. Именно там учились в свое время большинство сегодняшних имамов и муфтиев Российской Федерации.

Исходя из сложившейся ситуации, во многих российских регионах стали организовываться различные курсы по изучению ислама. Понимая, что подобные курсы не соответствуют современным требованиям и не отличаются высоким уровнем, часть молодежи выражала желание учиться за рубежом, где исламское образование стояло на порядок выше, чем в России и даже в среднеазиатских республиках. Одновременно с этим в крупнейших мусульманских центрах, таких как Казань, Уфа, Махачкала, Назрань, Нальчик, Москва, Нижний Новгород, были созданы учебные заведения более высокого уровня, получившие официальную регистрацию и лицензию.

Однако высшее исламское образование в 1990-е годы молодые российские мусульмане могли получить только лишь за рубежом. В основном они отправлялись для этого в вузы Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, ОАЭ, Иордании, Сирии, Египта, Турции, Малайзии, Пакистана, Ирана, Ливии, Алжира, Туниса, Марокко, Судана. Иногда российских студентов-мусульман можно было встретить также в Йемене, Индонезии, Ливане, Омане. В тот период десятки тысяч молодых людей из числа российских мусульман получили возможность выехать на учебу в исламские государства. Казалось бы, российский ислам получил в их лице надежный кадровый потенциал, благодаря которому процесс возрождения мусульманской религии пойдет чрезвычайно быстрыми темпами и рост религиозных и образованных людей будет происходить в геометрической прогрессии. Тем не менее процесс массового выезда молодых мусульман для учебы в исламские государства – процесс, не имеющий прецедентов в истории России, – не дал достаточного положительного эффекта для роста могущества уммы.

Попробуем обозначить некоторые особенности, которые повлияли на недостаточную эффективность результатов их учебы:

1. Слабый контроль за этим процессом со стороны мусульманских структур.

2. Из этой проблемы возникла следующая: полный разрыв в критериях студентов, отправляемых за рубеж. Для принимающей стороны – исламского вуза в мусульманских странах, критерий был только один – принадлежность студента к исламу. Это определялось на основе имени студента или имени его родителей. Вступительные экзамены для россиян в исламских вузах были либо простой формальностью, либо отсутствовали вовсе. Так среди российских студентов появилось значительное число людей со слабой и низкой общеобразовательной подготовкой.

Таким образом, зарубежное высшее исламское образование оказалось обесцененным таким подходом, при котором за рубеж поехали «все, кому не лень», процесс их отправки и обучения не контролировался, окончить вуз удавалось лишь единицам. Не менее важно и то обстоятельство, что практически ни с одним мусульманским государством у России не были подписаны договоры о признании дипломов друг друга. Следовательно, человек, отучившийся 5–7 лет в исламском вузе, не получал легитимные, с точки зрения российской юриспруденции, документы об окончании образования.

В 2000-х годах проблемами исламского образования озаботилась государственная власть. Она осуществила ряд мероприятий, направленных на унификацию учебных программ, ликвидацию радикальных идеологий из учебных программ.

Министерство образования и науки России во взаимодействии с вузами, находящимися в ведении Рособразования, и религиозными организациями – духовными (исламскими) образовательными учреждениями разработало и осуществляет на протяжении ряда лет (с 2005) комплекс мер, направленный на решение поставленных задач, путем создания системы подготовки специалистов по истории и культуре ислама. В силу различных причин объективного и субъективного характера такая деятельность стала осуществляться сравнительно недавно, а потому справедливо утверждать, что этот процесс только находится в своей начальной стадии. Тем не менее за последнее время проведена достаточно объемная работа, в которой принимают участие как органы исполнительной власти (Администрация Президента РФ, Министерство образования и науки РФ и др.), так и мусульманские общественные и религиозные деятели. Начата комплексная деятельность по восстановлению и развитию отечественной системы при мусульманских духовных и образовательных учреждениях. При системном подходе к этой работе в течение нескольких лет удастся осуществить подготовку лояльно настроенных кадров мусульманского духовенства, с которым можно будет вести конструктивный диалог. В свою очередь, это будет способствовать предотвращению распространения радикальных и экстремистских идей в мусульманской среде России.

Очевидно, что и само мусульманское сообщество не должно оставаться в стороне от решения обозначенных проблем. Более того, можно и нужно поставить дополнительную задачу к той цели, которую наметило для себя государство в вопросе исламского образования. Цель государственной программы понятна – подготовить государственных чиновников, которые будут так или иначе влиять на

исламскую умму. Задача мусульманской уммы, на мой взгляд, должна заключаться в подготовке исламских деятелей, которые смогут так или иначе влиять на государство. Но до сих пор, несмотря на очевидный прогресс в деле развития мусульманского образования в России, остается нерешенным целый комплекс проблем концептуального плана. Среди них выделю следующие.

Совокупность исламских начальных, средних и высших учебных заведений по всей России до сих пор не сложилась в систему, несмотря на то что прошло практически 20 лет с момента начала религиозного возрождения. По-прежнему нет интегрированности ни по вертикали (по линии – начальное – среднее – высшее), ни по горизонтали (между вузами различных регионов).

Да, в области интеграции по вертикали Духовное управление мусульман Европейской части России ввело единый образовательный стандарт для начальных и средних учебных заведений, который был разработан Советом по исламскому образованию при Совете муфтиев России. Проблема в том, что ряд крупных медресе России расположен вне территории юрисдикции Совета муфтиев России. Кроме того, не везде после окончания медресе предусмотрена возможность продолжения образования в исламском вузе со 2–3 курса.

Относительно интеграции по горизонтали можно констатировать следующее. Казалось бы, первый шаг уже сделан – в ноябре 2007 г. был учрежден Совет ректоров исламских высших учебных заведений России. 2 ноября 2007 г. на II Всероссийском мусульманском форуме в Москве с аналогичной инициативой выступил председатель Совета муфтиев России шейх Равиль Гайнутдин. Состоялось несколько заседаний Совета ректоров исламских высших учебных заведений России. Но концептуального видения, каким образом развивать высшее исламское образование в России, до сих пор нет.

В каком направлении необходима интеграция высших исламских учебных заведений в нашей стране? В данное время разработан и принят стандарт по образовательному направлению «теология» с квалификацией «бакалавр», первые выпускники уже получили диплом государственного образца. Но отсутствие необходимости утверждать единый стандарт по религиозным направлениям, по которым нет и не будет дипломов гособразца (так как эта сфера находится вне ведения государства), ведет к тому, что в каждом вузе религиозные образовательные направления, специальности совершенно отличаются, так же как отличаются и учебные программы. Таким образом, нет единых критериев оценки деятельности вузов с точки зрения качества. Проводимые олимпиады по арабскому языку и исламским

наукам между представителями различных исламских вузов могут дать лишь косвенные данные по качеству подготовки выпускников.

Отсутствию интеграции способствует не только факт административного деления мусульманской уммы на центры (ЦДУМ, СМР, КЦМСК), но и отсутствие единого понимания целей и задач деятельности исламских вузов. Так, в середине 1990-х был широко распространен подход, что исламские вузы – это кузница высокообразованных имамов, другими словами – религиозных деятелей. Такой взгляд на концепцию высшего исламского религиозного образования присущ функционерам из духовных управлений мусульман, муфтиям и сформирован в середине 1990-х, когда бурное строительство новых мечетей в крупных городах сопровождалось громадным кадровым голодом. К слову, эта позиция находила понимание в глазах руководства крупнейших исламских фондов и меценатов процветающих государств Персидского залива и обеспечивала приток спонсорских денег на обустройство данных университетов. Принципиально иной подход постулируют представители интеллектуальных кругов. Они считают, что современный исламский вуз должен готовить, прежде всего, мусульманскую интеллигенцию, которая одинаково осведомлена и в сфере так называемых религиозных, и в сфере светских наук, органично сочетает в себе обе идентичности (общегражданскую и мусульманскую) и готова работать как в мусульманских, так и в светских учреждениях – в области образования, госучреждениях, средствах массовой информации и т.п. Именно эти принципы были заложены в основу учреждения Российского исламского университета в Казани в 1998 г. (сформулированы академиками М. Усмановым и М. Махмутовым), и по большому счету именно конфронтация между этими двумя позициями привела к конфликту между учредителями вузов в 2006 г. Окончательного ответа, куда двигаться дальше, мы пока так и не услышали.

До сегодняшнего дня остро стоит вопрос о религиозно-правовой принадлежности тех или иных исламских вузов – нередко в стенах одного вуза работают и проповедают соответствующие взгляды и знания представители совершенно разных богословских традиций и приверженцы разных мазхабов (преподаватели, обучавшиеся в России, Саудовской Аравии, Египте или Малайзии, имеют воззрения, принципиально отличающиеся друг от друга). По предмету фикха каждый преподает то, чему его учили в той стране, без учета местной правовой традиции. Именно поэтому и важна унификация учебных программ всех российских исламских вузов по основным религиозным дисциплинам – фикху, тафсиру и т.п.

В последние годы эта проблема привлекла к себе должное внимание руководителей региональных Духовных управлений мусульман, что на Северном Кавказе многие вузы названы в честь имамов аш-Шафии или Абу Ханифы – как явное свидетельство приверженности их мазхабам. Тем не менее за этапом декларации своей приверженности должен следовать этап масштабной научной работы по подготовке учебно-методической базы – прежде всего учебной литературы. В этом направлении Издательский дом «Медина» выпустил серию «Ханафитский фикх» (на сегодня издано 6 книг), издал один из самых современных тафсиров Корана на русском языке, выпускает еще многие наименования современной богословской литературы.

Президент России Д.А. Медведев на встрече с лидерами северокавказских республик и Духовных управлений мусульман региона отметил, что «бандформированиям по-прежнему удастся втягивать под свое крыло, в свою преступную деятельность молодых людей». Основным средством пропаганды здесь стал Интернет. При этом «если говорить о влиянии на умы экстремистских сайтов и нормальных сайтов, которые объясняют природу ислама, догматы, сайтов, которые существуют в нашей стране, то, к сожалению, это будет не в пользу такого рода сайтов, которые у нас созданы, в том числе и в соответствующих университетах... Мы никого не заставим отказаться от Интернета, и мы понимаем, что заблокировать такого рода экстремистские сайты мы не сможем». Действительно современные средства коммуникации без проблем проникают в каждый дом. Именно поэтому уже который год на сайтах islamrf.ru и islamnn.ru мы ведем пропаганду исламской догматики и моральных основ, стоящих как кость в горле экстремистов. Конечно, хочется говорить всем приятные вещи, а не слушать угрозы в свой адрес. Но такова уж цена правды!

Основную же учебную нагрузку принял на себя сайт Издательского дома «Медина»: idmedina.ru. Как известно, в рамках реализации плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама были выпущены учебные пособия во многих вузах страны. На словах это звучит красиво. Реально же на выставках показывают чуть ли не единственный экземпляр, который, естественно никому не дарят, да и в библиотеках его не найти. Такой вот суперэкслюзив. У нас же Нижегородский исламский институт им. Хусайна Фаизханова тесно сотрудничает с факультетом международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. При этом мы не только снабжаем своими учебными пособиями книгохранилища и коллег. Так, на idmedina.ru можно прочитать множество учебных пособий.

Проблема квалификации исламских вузов объективно является болезнью роста исламской системы образования. На сегодняшний день руководящий состав исламских вузов представляет собой два вида контингента.

1. Светские ученые, не имеющие религиозного образования, но имеющие научную степень и способные организовать учебный процесс в соответствии со стандартами высшего академического образования.

2. Религиозные деятели с классическим богословским образованием, совершенно не знакомые с традициями академической науки, не способные наладить образовательный и научный процессы.

Ситуация усугубляется еще и тем, что этот второй тип и по линии религиозного образования не представляет собой профессионалов высокого класса. К сожалению, из того крайне малого количества выпускников зарубежных исламских вузов со степенью магистра, проживающих в России, практически никто не работает в сфере высшего исламского образования (за очень редким исключением).

В целом очевидно, что самыми главными проблемами российских мусульман являются отсутствие единства и низкий уровень грамотности руководящих кадров. На этом играют различные внешние силы, которые стремятся приумножить разногласия в умме и поставить образовательный процесс под свой контроль. На самом деле эти две проблемы, как и все прочие, вытекают из другой, более значимой: финансовой несамостоятельности российских мусульман.

Изучая историю ислама, шариат и современный мир, легко прийти к выводу о том, что в действительности ключевыми проблемами мусульманской уммы России являются:

- отсутствие института вакфов;
- неработающая система закята.

Для преодоления этих проблем мусульманские организации России должны быть заинтересованы в самом широком сотрудничестве с исламскими государствами в деле развития вакфов, возрождения системы закята и объединения мусульманской уммы.

*«Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве»,
М., 2009, с. 110–119.*

Владимир Семёнов,
кандидат политических наук (г. Саратов)
**ИСЛАМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ТАТАРСКОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ**

Современная система этнополитических отношений имеет в основном светский характер. Тем не менее религиозные воззрения того или иного народа играют определенную, а иногда и весьма существенную роль как во внутриполитической жизни отдельных стран, так и в развитии межгосударственных связей. Многие факты свидетельствуют о том, что в последних десятилетиях XX – начале XXI в. в России и в Татарстане исламский религиозный фактор становится важной составляющей этнополитической жизни. Государственная религиозная политика Республики Татарстан в современных условиях определяется, прежде всего, становлением и развитием государственности татарского народа. Как показывает мировой опыт, в процессе образования, становления или возрождения государственности необходима, наряду с другими составляющими, конфессиональная и психологическая общность, совпадение интересов населяющих страну народов, т.е. требуется наднациональная официальная идеология государства.

В Татарстане национальная официальная идеология основывается на следующих положениях:

– Конституцией РТ Татарстан объявлен государством, выражающим «волю и интересы всего многонационального народа республики» (ст. 1);

– татарский и русский языки признаны равноправными государственными языками Республики Татарстан (ст. 4);

– Республика Татарстан стремится к созданию национального капитала, не имеющего этнического «лица», и т.д.

В этом же плане следует рассматривать и отношение официальных органов Республики Татарстан к религии.

Официальная религиозная политика в многонациональной и многоконфессиональной Республике Татарстан определяется, прежде всего, Конституцией РТ, законодательством РТ о свободе совести и деятельности религиозных объединений. Так, в ст. 29 Конституции РТ зафиксировано, что «граждане Республики Татарстан в соответствии со своими убеждениями имеют право свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой... Религия и религиозные объединения в Республике Татарстан отделены от государства».

В результате проведенного анализа государственно-конфессиональных отношений в республике автор выделяет несколько основных проблем, которые являются актуальными и злободневными.

Прежде всего, это вопрос мирного сосуществования в Республике Татарстан двух основных религий – ислама и православия. Анализ деятельности национальных общественных организаций, партий в плане их отношения к проблеме места и роли ислама в общественно-политической и культурной жизни татарского народа дает возможность ярче представить религиозную ситуацию в Республике Татарстан.

Национальное движение, по мнению академика И. Тагирова, председателя Всемирного конгресса татар, – «это различные формы деятельности, способствующие развитию и осуществлению национальной идеи, проникнутые заботой о всеобщем благе народа, открывающие перспективы к его независимости и суверенитету. Поэтому оно может включать в себя как деятельность отдельной личности, групп единомышленников, так и огромных многотысячных народных масс, выплеснувшихся шумными митингами и демонстрациями на улицы и площади».

На пути становления национального движения большая работа была проделана Татарским общественным центром (ВТОЦ). В программных документах, резолюциях съездов и пленумов ВТОЦ уделялось внимание и религиозному вопросу, так как основной целью организации являлось объединение татар, живущих в различных регионах и странах. Для достижения этой цели были необходимы сохранение татарского языка, пробуждение национального самосознания, единство религиозных убеждений.

В 1998 г. была подготовлена концепция национального движения, одобренная Казанским отделением ВТОЦ, изданная под названием «Низамнамэ» (концепция). В ней наряду с другими критериями национального движения рассматриваются место и роль ислама в возрождении государственности татарского народа, в достижении национальной независимости; подчеркивается особое значение религии в сохранении и развитии татарской нации, при этом упор делается на классический ислам; критикуется деятельность представителей духовенства – «кадимистов», которые призывают мусульман-татар не вмешиваться в политику; одобряется модернизация ислама с учетом исторической ситуации, местовременных условий; обосновывается необходимость наличия суверенного государства для свободного развития ислама в татарском обществе.

В 1992 г. родилась идея созыва национального парламента – Милли Меджлиса. Вокруг него объединились леворадикальные национальные общественные формирования. Во вводной части «Закона о Милли Меджлисе» наряду с другими общественно-политическими, культурно-просветительскими вопросами поднимается и вопрос религии. В частности, отмечается, что «в татарском обществе были подрублены корни ислама, в итоге пышным цветом расцвели бездуховность, безнравственность». В разделе «Статус Милли Меджлиса» указывается, что он обладает правом принятия законов и по вопросам религии, причем в «Обращении к Организации Исламская конференция (Стамбул)» говорится об «уважительном отношении и понимании проблем иных религиозных конфессий». 24 мая 1994 г. вторая сессия Милли Меджлиса выносит решение разработать Татар Кануны (Кануннамэ) – Свод законов татар, и 20 января 1996 г. Милли Меджлис его принимает. Как подчеркивается в Кануннамэ, основной особенностью татар является то, что это – «сообщество людей, признающих себя представителями татарской нации, говорящих на официальном татарском языке и считающих ислам своим духовно-нравственным, материальным и социальным смыслом жизни».

Бывшие лидеры радикального крыла ВТОЦ Рафаэль Мухаметдинов и Фаузия Байрамова создают партию национального типа «Иттифак», главной стратегической целью которой, по их мнению, является «в перспективе создание независимого Татарского государства в виде татарской республики». В программных и рабочих документах Партии татарской национальной независимости «Иттифак» религии отводится приоритетное место, что делает ее, в сущности, национально-религиозной партией. По заявлению председателя партии Ф. Байрамовой, «Иттифак» борется за будущее, независимость и счастье татарского народа, за возвращение татар в лоно ислама. «Независимость государства, – утверждает она, – дело рук нации, независимость нации – вера, религия!» Свое отношение к исламу партия «Иттифак» в своей программе определяет следующим образом: «Древняя культура татарского народа неразрывно связана с исламом. Необходимо создание всесторонней поддержки служителям и религиозным общинам».

В программных документах преобладал определенный прагматизм, направленный на первоочередное решение социально-экономических проблем, и, как результат этого, национальное движение не ощущало особой потребности в разработке национальной концепции и широкомасштабной программы по национально-культурному развитию. Возможно, определенную роль здесь сыграла

подмена национальной идеологии общенациональной идеей — в данном случае идеей суверенитета Татарстана. В условиях кризиса радикальное крыло национального движения вынуждено было искать иные идеологические установки для реализации своих политических целей. В поисках национально-специфического пути развития лидеры партии «Иттифак» и Милли Меджлиса обратились, в частности, к исламу.

В Кануннатэ предпринимается попытка соединения национализма как политической теории и практики с исламом, правда, не в его татарском, реформированном, а в классическом варианте. Такой подход можно рассматривать как стремление к созданию политической концепции, в которой некоторые установки ислама воспринимаются в качестве национальной доктрины.

Нужно признать, что такой подход является отнюдь не новым. В истории национальных движений национализм и ислам много раз выступали как мощные идейные стимулы социального века. Также это свидетельствует о том, что существует известная зависимость между уровнем осознания общенациональных интересов в народе и силой интеграционного воздействия религиозного фактора. Но одновременно из истории татарского национального движения начала XX в. известно и то, что религиозные доктрины с национальными программами и идеалами совместимы только тогда, когда они действуют в одном социальном пространстве и используют общие моменты в своих социокультурных основах, опираются на глубинные стереотипы сознания, где религиозная этика тесно переплетается с этнонациональными традициями.

Даже в программных документах первых общественных организаций религиозного направления преобладали принципы общедемократического характера, которые должны были создать условия для функционирования этих организаций и реализации их общеполитических целей. Логика такого подхода вполне объяснима: чтобы ставить какие-либо цели, необходимо иметь определенную правовую и политическую гарантию со стороны государства.

Исламская демократическая партия Татарстана была создана в 1991 г., но так и не вышла на политическую арену. Главными для партии оказались социально-экономические, политические и этнические проблемы, а не чисто богословские.

Из программных документов организаций и партий татарского национального движения в части отношения к исламу видно, что они различны по содержанию и типологии направлений. Можно выделить умеренное (Татарский общественный центр «Иман») и радикальное,

внутри которого выделяются радикально-религиозное («Иттифак», Милли Меджлис) и радикальное крыло («Азатлык»), секулярное (ТОЦ) и антисекулярное («Иттифак») направления. Они также отличаются друг от друга по вопросу отношения к национальному суверенитету, суверенитету нации (Милли Меджлис, «Иттифак») и государственному суверенитету, суверенному государству (ТОЦ). Если ТОЦ придерживается идеологии регионального национализма, то «Иттифак», Милли Меджлис – идеологии исламизма.

Как показывает анализ документов общественно-политических организаций и партии «Иттифак», политика в Татарстане оказывает определенное влияние на ислам. Это еще раз доказывает, что любая религия не только выражает систему взглядов на мир, но и является социальной и политической силой.

В национальном движении по отношению к исламу можно выделить два крыла – радикальное и умеренное. Так, если лидеры радикального крыла татарского национального движения считают, что основу мировоззрения и политической культуры татарского народа должно составлять учение ислама, то для умеренных такой призыв является возвращением к кадимизму, к изоляции татарского народа от окружающей современной действительности. Лидер ТОЦ Рашат Сафин пишет, что сегодня требуется «дополнять религиозность идеями самоопределения, насыщать мусульманство татаризмом и подчинять воспитание целям свободы, укрепления государственности». Он считает, что «было бы неправильно путать земные дела с потусторонними» и понятие «народ» «смешивать» с понятием «религия». «Хотя религия, – пишет он, – с географической точки зрения охватывает большую территорию, чем народ, она не может с функциональной стороны полностью удовлетворить запросы нации, ее интересы».

Продолжая свою мысль и ставя превыше всего интересы татарской нации, Р. Сафин утверждает, что «ислам является общечеловеческим учением, он вечен и универсален для всех наций. Однако, подобно другим религиям, ислам в практических вопросах (законах шариата) должен учитывать диалектическое развитие каждой нации, приспособленной к географическим и климатическим жизненным условиям в соответствии с достижениями цивилизации». Сафин отводит религии второстепенную роль на данном этапе развития общества. Он считает, что татарам в первую очередь «надо усвоить ислам в плане философских взглядов на вселенную, как источник культурного наследия предков, духовной силы нации и нравственных канон».

Концепция «отатаривания» ислама подвергается резкой критике со стороны радикалов национального движения. Так, по заявлению Ф. Байрамовой, «сегодняшние татарские ученые смотрят на религию, в первую очередь, как на нравственно-философское понятие. По их мнению, религия нужна для воспитания масс, но с условием, чтобы она была приспособлена к существующему режиму, национальной жизнедеятельности, цивилизации. Поэтому они готовы загнать ислам в рамки “евроислама”, неустанно призывают к религиозным реформам – новому джадидизму, мечтают о национализации ислама». Акцентируя свое внимание на том, что «татаризм не сможет сохранить нацию от исчезновения, ассимиляции», она считает, что «спасти нацию можно лишь путем возврата ее к исламским законам, предписаниям».

Религиозное возрождение сегодня заметно и в области просвещения, что было связано с отсутствием у татар по-настоящему образованных теологов. Как отмечает Ф. Байрамова, в Татарстане из-за искусственно прервавшейся связи времен почти нет своих ученых, которые смогли бы на татарском языке дать объяснения каждой суре, каждому аяту, каждому слову Корана, приводя поучительные примеры из реальной жизни; служители культа не имеют светского образования, а у тех, у кого оно и есть, отсутствует религиозное образование. Поэтому для лидеров духовенства, национального движения, правительства республики вопрос религиозного воспитания и образования населения с целью формирования цивилизованного понимания ислама и обеспечения естественной преемственности в его исповедании очень актуален. В этой связи в Татарстане активно развивается сфера мусульманского образования, в мечетях организуются учебные курсы, действуют религиозные учебные заведения разных ступеней.

Кроме того, в общеобразовательных татарских школах, гимназиях, лицеях и колледжах в порядке факультатива введено обучение истории религии, в том числе истории ислама. Учитывая вышесказанное, можно заключить, что мусульманское татарское духовенство, национальное движение, правительство едины в отношении к религиозному образованию, которое должно соответствовать духу времени и вносить существенный вклад в гармонизацию межрелигиозных и межнациональных отношений в Республике Татарстан и России в целом.

По справедливому замечанию и лидеров мусульманского татарского духовенства и национального движения, и ученых-исламоведов, современное религиозное исповедание в значительной мере носит у татар обрядовый характер, понимание значимости исла-

ма с философской, социальной, экономической и нравственно-правовой точек зрения пока остается на втором плане. В этом аспекте деятельность религиозных учебных заведений имеет большое значение.

Анализ деятельности мусульманского татарского духовенства и национального движения на этапе возрождения ислама доказывает, что они подошли к исламу как к феномену не только религиозной жизни и религиозного мировоззрения, но и культуры, этничности, как к серьезному фактору национального движения и политической борьбы. Лидеры татарского радикально-религиозного крыла национального движения национальные интересы обосновывают, в первую очередь, исламом, и их деятельность включает национальный аспект, но в его подчинении религиозному аспекту. В борьбе за суверенитет татарского народа они в определенной мере опираются на идеологию национализма, и в идеологии этого направления преобладают исламизированные формы национализма, идея единства татарского народа на основе религиозной общности.

Руководители РТ и татарского национального движения обращают внимание на необходимость подготовки мусульманских кадров у себя на родине, учитывая уникальность ислама в Татарстане, который должен продолжать традиции татарских теологов конца XIX – начала XX в. Хотя современное национальное движение и национальное самосознание татарского народа развиваются противоречиво, и в них есть некоторые негативные аспекты, в целом национальное движение и ислам в Татарстане отражают процессы демократизации и реформ в России, способствуют развитию татарской культуры и нации в условиях поликонфессиональной и многонациональной страны.

Проведенный анализ позволяет выделить различные группы по отношению к исламу: от политологов официальных властей республики до лидеров умеренного и радикального крыла национального движения. Основная идея официальных властей – татарстанизм, способный обеспечить межэтнический баланс в республике. Евроисламизм-джадидизм умеренного крыла может иметь перспективу, но в неопределенном будущем. Лидеры радикально-религиозного крыла национального движения ратуют за проникновение ислама в политику, преследуя главным образом честолюбивые задачи прихода к власти с помощью религии.

«Власть», М., 2010, № 9, с. 108–112.

С. Слуцкий,

политолог

ДАГЕСТАНСКОЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В СТРУКТУРЕ КОРРУПЦИОННО-КРИМИНАЛЬНО- ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Формирование экстремистского подполья в республике связано со всем комплексом процессов политической, социально-экономической, идеологической и социокультурной трансформации РФ и Северного Кавказа в последние 20–25 лет. Каждое из данных направлений системной трансформации Российского государства сопровождалось масштабными социальными потерями, которые становились причиной аккумуляции в республиканском сообществе разнообразной конфликтности, наращивало протестный потенциал. Представим в общем виде эти конфликтогенные зоны в социальной жизни Дагестана, сосредоточенный в них протестный потенциал и их роль в формировании республиканского подполья.

Область межнациональных отношений. Дагестан, как известно, является самым многонациональным регионом РФ. Только титульных национальностей в республике – 14. Подобная «суперполиэтничность» практически исключает возможность бесконфликтного функционирования. Развитие в едином экономическом и социокультурном пространстве такого множества народов неизбежно сопровождается межнациональными противоречиями, имеющими ту или иную степень конфликтности.

Конец 80-х – начало 90-х годов XX в. в Дагестане, как и во всех остальных республиках Северного Кавказа, связаны с быстрым подъемом национальных движений и ростом в обществе этнорадикалистских настроений. Но показательно, что весьма обширный и разнообразный конфликтный потенциал, аккумулируемый в сфере межнационального взаимодействия республиканских народов не перерастал в прямое жесткое межэтническое столкновение, способное запустить механизм «эскалации насилия».

Свою роль играла ограниченность демографического потенциала крупнейших народов республики (аварцы и даргинцы составляли по переписи 1989 г. соответственно 27,5 и 15,6% населения Дагестана). Соответственно ограниченными оказывались и их возможности по «этномонополизации» административного ресурса и престижных социальных иерархий. К тому же многотитульность Дагестана рассеивала межэтническую конфликтность по множеству направлений. В отличие от остальных республик Северного Кавказа межнацио-

нальная напряженность не формировала одной центральной оси, которая, как правило, пролегла между титульными народами одной или сопредельных республик (кабардинцы – балкарцы, карачаевцы – черкесы, осетины – ингуши). Конечно, в отдельных сельских районах и городах Дагестана такие проблемные межэтнические контактные связи могли возникать. Но и они, как правило, имели не две, а несколько сторон конфликта (например, противоречия между чеченцами-акинцами, аварцами и лакцами в Новолакском районе).

Характерно, что даже на пике этнополитической напряженности (начало 90-х годов), несмотря на громкие заявления, практические действия политических лидеров отдельных национальных сообществ Дагестана оставались достаточно взвешенными. Это, со своей стороны, существенно облегчало деятельность республиканской власти по удержанию республики в управляемом состоянии. Способствовало определенному смягчению межнациональных противоречий и закрепление в Конституции Дагестана принципа поддержания «этнического» баланса при замещении высших административных должностей (июнь 1994 г.). Как результат, при наличии в республике множества межэтнических конфликтов данная сфера социальной жизни не стала зоной аккумуляции значительного протестного потенциала, ориентированного на террористическую деятельность. Этнорадикалистские настроения различных национальных сообществ, являясь взаимопротивовесами, в значительной степени нейтрализовали друг друга, не позволяя серьезно дестабилизировать ситуацию в республике.

Это в полной мере подтверждает мониторинг общественного мнения населения республики, проводимый на протяжении 12 лет сектором Кавказа Центра цивилизационных и региональных исследований РАН под руководством Э.Ф. Кисриева. Значимость («болезненность») проблемы межнациональных отношений на всем протяжении периода исследований достаточно существенно уступала соответствующим показателям экономики, коррупции, преступности. Согласно же последнему опросу (ноябрь 2009 г.) у проблемы межнациональных отношений зафиксирован самый низкий показатель за весь период наблюдения. Данная проблема волновала в конце 2009 г. только 17% респондентов, тогда как проблемы коррупции – 58, преступность – 56, экономические проблемы – 54% опрошенных.

Социально-экономические процессы. Первое постсоветское десятилетие в республике было связано с глубоким социально-экономическим кризисом. Сокращение промышленного и товарного сельскохозяйственного производства оказалось куда более значи-

тельным, чем в Большой России. При общем сокращении промышленного производства в РФ в первой половине – середине 90-х годов на 40% в Дагестане оно составило 83% (в 1998 г. в республике производилось 17% промышленной продукции от уровня 1990 г., т.е. в шесть раз меньше).

Коллапс производительной экономики сопровождался быстрым сокращением доходов населения, провоцировавшим рост социальной протестности. Не удивительно, что в 90-е годы Дагестан входит в «красный» электоральный пояс России – на выборах в Государственную думу 1993 г. коммунисты получают в республике около 70% голосов избирателей. Существенно то, что свои проценты коммунисты (последовательные сторонники интернационализма) набирали на фоне стремительного роста национальных движений и этноконсолидационных идей. Этнокультурное возрождение не мешало дагестанцам голосовать за партию с наднациональной идеологией, скорее наоборот.

Среди причин отчетливого доминирования коммунистов на выборах в Дагестане первого постсоветского десятилетия можно выделить две основные.

1. Протест против стремительного падения уровня жизни и резкой дифференциации доходов населения. Желание вернуть социально-экономическую стабильность и устойчивость государственных институтов, социальную ответственность власти перед обществом, в той или иной мере присутствовавшая в советский период.

2. Потребность в наднациональной идеологии, актуализированная стремительным ростом этнических идентичностей, разрушающих чувство дагестанской общности.

Но ни одну из этих задач постсоветская КПРФ решить была не в состоянии. Отход избирателей от КПРФ в республике фиксируется уже во второй половине 90-х годов. Когда же (начало XXI в.) в РФ пошел процесс административно-бюрократической стабилизации и сверху в регионы был спущен внятный заказ на организацию «всемирной» поддержки партии власти, республиканское руководство нашло применение своему административному ресурсу. В рвении доказать Кремлю свою «полезность» оно (впрочем, как и в остальных республиках Северного Кавказа) превзошло все разумные пределы. К примеру, в декабре 2007 г. за «Единую Россию» в Дагестане отдали свои голоса 89,5% избирателей. Притом что к урнам пришло почти 90% имевших право голоса жителей республики. Дело не только в «неприличности» данных результатов, свидетельствующих о достаточно масштабных фальсификациях. Успешность манипуляции голо-

сами на всевозможных выборах отняла у местного общества, протестной его части один из основных способов сигнализации республиканской и центральной власти о своем неприятии происходящих в республике процессов, лишило общество возможности наладить с властью «цивилизованный» диалог.

Между тем процессы приватизации, осложненные в Дагестане наличием множества национальных сообществ (элита которых активно включилась в борьбу за экономические и природные ресурсы республики), привели к созданию множества этнокланов – группировок, контролирующих/оспаривающих административные иерархии и производственный потенциал различных территориальных сообществ. Точные масштабы теневой экономики зафиксировать крайне сложно. Согласно некоторым экспертным оценкам, еще в 2004–2005 гг. в тени находилось более 80% сельхозпроизводства республики, значительная часть строительной индустрии и промышленного производства. В последние годы положение в этой сфере несколько улучшилось (не исключено, что фиксируемые официальной статистикой динамичные темпы роста дагестанской экономики связаны в том числе и с выводом из тени части производств). И тем не менее скрытый сегмент экономики по-прежнему велик, существенно превышая среднероссийские показатели. Параллельно сформировался масштабный теневой сектор экономики, в который были уведены наиболее прибыльные направления хозяйственной деятельности (например, рыболовная отрасль).

Административная этноклановость и теневая экономика в качестве необходимого элемента своей организационной структуры предполагают наличие масштабной коррупции. И таковая приняла в республике самые значительные размеры. Речь идет о формировании в республике обширного коррупционно-криминального комплекса, включающего в той или иной степени все сегменты экономики и звенья системы управления (административно-управленческого аппарата).

В целом аналогичные процессы происходили и в других регионах РФ. «Теневизация» и «криминализация» экономики, связка криминала и бизнеса, бизнеса и власти – были реалиями федерального масштаба. Но в Дагестане они были существенно дополнены и осложнены множеством факторов (в том числе упоминавшимся этническим), которые позволили им принять более «откровенные» формы и больший масштаб.

Закономерным следствием этих процессов был рост в дагестанском обществе социальной протестности, повторимся – в значитель-

ной степени «закапсулированной», поскольку каналы ее выхода в область «легального» общественного протеста имели место (митинги, пикеты, блокирование транспортных магистралей, сбор подписей и т.п.), но не оказывали серьезного воздействия на политику республиканских властей. Другой важной характеристикой этой социальной протестности является ее идеологическая «обезглавленность», наступившая после потери авторитета КПРФ и представленной ею идеологии.

Социокультурные процессы. Процессы, происходившие в социокультурной сфере Дагестана в конце XX – начале XXI в., многослойны и противоречивы. К концу советского периода у республиканского сообщества уже был значительный опыт социокультурной модернизации. В идеологической области она имела существенную специфику. Однако изменения, происходившие в системе расселения, демографо-воспроизводственной динамике и социопрофессиональной структуре, в сфере образования и культуры, в экономике, – свидетельствовали о системном переходе республиканского общества от традиционного к современному состоянию. К рубежу 90-х годов данный системный транзит по многим направлениям остался незавершенным.

Рождаемость сократилась, но доля многодетных семей (5 и более детей) оставалась весьма значительной. В республике появилась достаточно развитая городская система. Однако уровень урбанизации большинства крупных титульных народов оставался низким (30–33% – у аварцев, даргинцев, табасаранцев, 38% у лезгин). Причем среди горожан значительную долю составляли выходцы из села, сохранявшие традиционный уклад жизни.

На деле это означало, что общество стратифицировалось, представляя цепочку групп республиканского населения, различающихся по уровню модернизации. От вполне отчетливых по образу жизни и мировоззрению «модернистов» до глубоких «традиционалистов», сохранявших в своей жизнедеятельности верность этнокультурным (а зачастую и религиозным) ценностям. Между этими социокультурными «полюсами» располагалось множество промежуточных прослоек населения.

Как результат, республиканское общество социокультурно все более дробилось и сегментировалось. Рядом с «советскими» модернистами появились модернисты-либералы (а затем и модернисты с мусульманской ориентацией); этнокультурные традиционалисты, преимущественно сосредоточенные в сельской местности, дополнились группами образованных горожан (в том числе студенческой мо-

лодежду и «почвеннически» настроенной национальной интеллигенцией). Возрождение ислама было связано не только с ростом религиозности, но и с появлением множества внутриконфессиональных «сообществ», нередко находящихся в жесткой оппозиции друг с другом.

Тем самым современное дагестанское общество разламывают на части подчас не просто противоречивые, но противоположные процессы. Быстрое разложение в городской среде традиционных форм культуры (охватившее в том числе и массы сельских переселенцев – горожан в первом поколении) соседствует с масштабным возрождением социальной (в том числе этнокультурной) архаики, в которую в 90-е годы массово устремилась часть дагестанцев, нащупывая новую опору в распадающемся социальном мире, а в настоящее время продолжает уходить потому, что неприемлемой оказалась поверхностная модернизация (вестернизация), разлагающая традицию, но не способная дать обществу конструктивной альтернативы. И. Бойков отмечает: «Как показывает дагестанская практика, все возрастающее количество мечетей и молельных комнат в учреждениях, на предприятиях и даже в вузах отнюдь не способствует сокращению, скажем, числа питейных заведений и публичных домов или резкому поредению рядов чиновных воров, нечестных правоохранителей, уличных преступников, алкоголиков, наркоманов и проституток. Во все нет, все это вполне уживается в одних и тех же городах, на одних и тех же улицах. Некоторая часть спустившихся с гор людей ударяется, образно выражаясь, во все тяжкие. Другая же часть, наблюдая моральное разложение своих вчерашних односельчан или даже родственников, цепляется за религию как за единственную соломинку в этом водовороте социальных катаклизмов».

Министр по делам национальностей и внешним связям Дагестана М. Гусаев констатирует: «К сожалению, сегодня приходится признать, что возрожденческие процессы в исламе не дают заметного прогресса в нравственной, духовной жизни мусульман, в силу чего ислам до сих пор не стал... стабилизирующим фактором в республике».

Возрождение ислама в республике, начинавшееся как целостный процесс, уже в начале 90-х годов расщепилось на пучок конкурирующих направлений. Одновременное присутствие в социальном пространстве и крайне сложное взаимоналожение всех перечисленных тенденций и явлений ведут к мощному социокультурному напряжению республиканского общества.

Исламизация общества. Стремительное возрождение ислама в республике начинается во второй половине 80-х годов. На 1987–

1988 гг. приходится массовые выступления населения, требующего разрешить строительство мечетей. К рубежу 90-х годов оформляются исламские политические партии. Ислам становится одним из центральных факторов республиканского этнополитического процесса.

Идет стремительная «реставрация-освоение» обществом огромной духовной области, находившейся большую часть XX в. под запретом. Этот процесс связан не только с ростом религиозности населения, но и с дифференциацией, дроблением общего массива верующих на последователей традиционного ислама, тарикатистов-суфиев и сторонников салафизма. С учетом того, что на «теологические» расхождения накладывались этнические размежевания, проецируемые в религиозную сферу, ислам в Дагестане оказался не в состоянии сыграть консолидирующую роль. Скорее наоборот, он стал еще одним значимым фактором дифференциации и поляризации республиканского общества. Впрочем, конфликтуя и сложно взаимодействуя, все направления республиканского ислама в 90-е годы демонстрировали быстрое развитие и количественный рост своих последователей. Стремительно растет и мусульманская инфраструктура, как культовая, так и учебно-образовательная. С 1986 по 2000 г. в республике было построено более 1550 мечетей, т.е. возводилось порядка 100 мечетей ежегодно. В начале XXI в. темпы строительства несколько сократились (40–50 зданий в год). Но по размеру культовой сети Дагестан в настоящее время прочно занимает первое место среди всех регионов РФ (около 1900 мечетей в 2007 г.). В начале XXI в. в республике действовало 15 исламских вузов с 33 филиалами, 136 медресе и 205 мактабов. Общее число обучающихся достигло 14 тыс. человек.

В общественно-политических, социально-экономических и социокультурных условиях Дагестана конца XX – начала XXI в. исламский «ренессанс» и существенный рост религиозности населения не могли не стать системным фактором, работающим на рост республиканского конфликтогенного потенциала, а в конечном счете и экстремистской активности. Социальные реалии республиканской жизни усиливали, усугубляли и без того ощутимые «пороки» дикого российского капитализма, неизбежно вступали во все более серьезное противоречие с идеями, транслируемыми даже традиционным исламом, не говоря уже о его радикальных течениях.

Как замечает С.Е. Бережной, «традиционный ислам в Дагестане политизирован не менее фундаментализма. Социально-экономический и духовный кризис в республике требует от религиозных лидеров дать свой ответ на основные проблемы современности... Полити-

ческий ислам в Дагестане приобретает свои оттенки, есть свои “левые” и есть свои “правые”. Первые напирают на идеи социальной справедливости, содержащиеся в проповеди Пророка и записанные в шариате. Другие подчеркивают неизбежность частной собственности как основы исламского государства. И те и другие объединены неприязнью или даже враждебностью ко всему западному».

Еще более выраженную проекцию идея социальной справедливости имеет в салафитском (ваххабитском) сообществе. Идеи чистого ислама начинают проникать в республику еще в 70-е годы. Однако в это время они жестко нейтрализовались советской властью и активно пошли в рост только во второй половине 80-х годов. В первое постсоветское десятилетие в республике формируется достаточно обширное салафитское сообщество, включающее как умеренных (последователи Ахмад-Кали Ахтаева), так и явных радикалов, возглавляемых Баггаудином Кебековым. Общины салафитов появляются во многих городах и селах республики.

Широкую известность получили общины Кармахи и Чабанмахи, ликвидация которых потребовала в 1999 г. проведения войсковой операции. Участие ваххабитов в нападении чеченских экстремистов на Дагестан обернулось жесткой зачисткой ваххабитского сообщества республики. Однако ликвидировать его полностью власти уже были не в состоянии. Способствовала обращению части «истовых» верующих к радикальным формам ислама и очевидная рядовым мусульманам связка официального духовенства и непопулярной коррумпированной власти.

Переход части мусульман на позиции «истинного» ислама, конечно, не означал автоматического их включения в деятельность ТП. Однако же салафиты с конца 90-х годов находятся под пристальным вниманием республиканских правоохранительных органов. Подозрительность силовиков в данном случае была вполне обоснована – пополнение республиканского экстремистского подполья в значительной степени осуществляется за счет выходцев из среды «чистого» ислама. Для отдельных представителей салафитии это внимание правоохранительных органов оборачивалось жестким насилием, заставлявшим их, в свою очередь, переходить от пассивного сочувствия подполью к более или менее активному соучастию в его деятельности.

Далеко не все сделавшие первый шаг по «эскалатору» нарастающего противостояния с властью и ее правоохранительными органами поднимались до последней ступени – участия в террористических актах и боевых действиях. Однако сформировалась цепочка

причинно-следственных связей, работающая как конвейер, бесперебойно пополняющий вооруженное подполье новыми кадрами.

Причем вступают на этот «эскалатор насилия» и многие последователи традиционного ислама. В результате именно конфессиональный канал кадрового пополнения подполья в Дагестане (и в целом на Северном Кавказе) в настоящее время может быть определен как ведущий.

Более того, некоторые исследователи считают, что демографическую основу подполья составляют отнюдь не религиозные радикалы, а скорее представители религиозного большинства – т.е. традиционного ислама, который «федеральные и республиканские власти рассматривают как толерантный ислам, заслуживающий признания и всемерной поддержки. Реально такой взгляд на вещи сегодня ошибочен, на деле традиционный ислам политизирован, а порой радикален и даже агрессивен практически во всех республиках Северного Кавказа». Аналогичного мнения придерживается С.Е. Бережной, утверждающий, что в том же Дагестане традиционный ислам политизирован не менее фундаментализма.

Речь не о том, что основные принципы мусульманской религии сами по себе предрасполагают верующих к терроризму больше, чем любая другая религиозная система. Но, если угодно, исламская цивилизация более остро и болезненно реагирует на современные модернизационные процессы, связанные как с позитивными переменами в материально-технической жизни людей, так и с ощутимыми деформациями и потерями в духовной сфере. Эти разрушительные перемены особенно ощутимы в странах догоняющей модернизации. В полной мере они характерны и для современного российского общества, российского капитализма. Они обнаруживаются в самом способе становления последнего через шоковую терапию общества и глубокий социально-экономический кризис, как и в его отличительных чертах, среди которых: крайне высокая степень поляризации доходов населения; очевидная социальная несправедливость; рост социальной патологии; масштабная коррупция государственного аппарата.

Закономерно, что мусульманина с искренней и глубокой верой в современной действительности своей республики, Северного Кавказа, всей РФ очень многое крайне раздражает и оскорбляет. В этом неприятии современных реалий мусульмане совсем не исключение. Достаточно ознакомиться с текстами многих современных православных авторов, чтобы убедиться в аналогично высокой степени внутреннего жесткого отторжения множественных пороков и «гримас» современного модернизированного социума. Различной, однако,

является социальная реакция верующих, обусловленная отчасти системными особенностями православия и ислама. Если глубоко верующий православный прежде всего спасает себя, превращая свою веру в персональную «броню» против искушений и пороков внешнего мира, то «истинный»/«истовый» мусульманин встает на путь борьбы с этой действительностью за «правильный» мир.

Если для христианина борьба со злом его методами неприемлема (попросту бесперспективна), то обязанность мусульманина остановить зло. И сделать это можно только ответным насилием, силовым «выправлением» несправедливого мира. Не удивительно, что в условиях современного Северного Кавказа именно традиционное мусульманское большинство, в конечном счете, становится важным ресурсом кадрового пополнения подполья.

* * *

Итак, концентрация протестной энергии происходила в различных областях и сегментах социальной жизни Дагестана. Но основным, по сути, интегральным, каналом ее выхода на поверхность общественной жизни (в виде террористической активности) стал в начале XXI в. религиозный радикализм. Именно в это время республиканское подполье проходит заключительные стадии своего формирования в качестве развитого комплекса, способного устойчиво себя воспроизводить, опираясь преимущественно на внутренние ресурсы. Как известно, начало XXI в. – это и период политической стабилизации РФ, годы ее достаточно устойчивого экономического роста. Положительная социально-экономическая динамика была характерна в это время и для Дагестана. Однако процессы радикализации части республиканского общества, запущенные в кризисные 90-е годы, продолжали свое развитие, результатом чего и стало окончательное формирование ТП, как и активизация террористической деятельности в республике в последние годы.

Напомним и то, что в первое постсоветское десятилетие, связанное с наиболее интенсивной трансформацией политических и социально-экономических институтов, в Дагестане формируется криминально-коррупционный комплекс. Постепенно в его «производственные» цепочки, еще более их усложняя и запутывая (по сути, превращая в социальный «гордиев узел»), включается экстремистская компонента. Как уже отмечалось, республиканский терроризм в известной степени был религиозно «оформленной» радикалистской социальной реакцией дагестанского общества на масштабную корруп-

цию и низкую эффективность местной власти, на «теневизацию» местной экономики и поляризацию доходов населения.

Однако являясь по своему генезису и стратегическому целеполаганию скорее системным «антиподом» криминало-коррупции, религиозный экстремизм так или иначе начинает использовать открывшиеся ему на этом поле финансовые и инфраструктурные возможности. Причем простое «крышевание» скоро начинает дополняться другими ролевыми функциями (например, организацией собственных производств, непосредственно финансово ориентированных на нужды подполья). И в целом, наличие развитой коррупционной среды, мощного теневого сегмента, одно время сопоставимого по своему масштабу с легальной экономикой, существенно облегчало деятельность террористического подполья. А деятельность последнего, в свою очередь, еще больше расширяла «незаконную» социально-экономическую среду республиканской жизни, серьезно затрудняя борьбу с ней.

Иными словами, экстремистское подполье постепенно включается составным элементом в данную криминально-коррупционную систему. В известном смысле это позволяет говорить о дагестанском криминально-коррупционно-экстремистском комплексе (ДККЭК).

Основная часть дагестанского общества в настоящее время остается элементом пассивным (или пассивно-страдательным); своего рода социально-демографическим «полигоном», в пределах которого и разворачивается ожесточенная схватка конфликтующих сторон, борющихся в конечном счете за власть над этим обывательским «студнем». Определение «гражданская война» происходящему в современном Дагестане отдельные эксперты (например, А.В. Малашенко) дают уже достаточно давно. Однако представляется, что, безусловно, типологически относясь к группе гражданских конфликтов, борьба республиканской власти и подполья в Дагестане на уровень «войны» по своему системному формату все-таки не «вытягивает».

(Окончание в следующем номере.)

С. Слуцкий. «Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия)», Р.-на-Дону, 2010, с. 94–120.

Камалудин Гаджиев,

исламовед

НАЦИОНАЛИЗМ И ИСЛАМ НА КAVKAZE: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Немаловажную роль в формировании нации и национальной идеи играет религия. Ирония состоит в том, что мировые религии в силу своей универсальности призваны стирать этнические, языковые, политические и иные различия между людьми и народами. Но тем не менее факты говорят о существовании определенной связи между религией и национальным самосознанием.

Некоторые авторы считают возможным говорить об этнической религии. В определенных ситуациях тот или иной народ избирает этническую религию, чувствуя свое отличие от соседних народов и государств. Например, Иран сохранял свою идентичность в отношении окружающих народов и стран, сначала оставаясь приверженным зороастризму, а затем, после обращения в ислам, разработав собственную – шиитскую его версию. Русские, украинцы и поляки могли отличать друг друга по религиозному признаку как, соответственно, православных, униатов и римских католиков. Своей приверженностью католицизму литовцы отделяли себя от лютеран – немцев и латышей и от православных – русских и белорусов. То же самое можно сказать об Армении, где стержневым элементом национального самосознания является мо-нофизитская ветвь христианства, и о Грузии, где ту же роль играет православие. Показательно и то, что в османской Турции панисламизм во многом выступал в качестве своего рода орудия, служащего интересам реализации основополагающих установок пантюркизма. По мере ослабления империи в идеологии этой страны панисламистские элементы стали уступать место элементам пантюркистским.

В Кавказском регионе почти половина, если не большая часть, населения придерживается различных вероисповеданий. В то же время есть также случаи, когда члены одной и той же этнолингвистической группы представляют разные религиозные течения. Например, удины, принадлежащие к лезгинской этнолингвистической группе, придерживаются монофизитской ветви христианства, незначительная часть лезгин – шиитской, а подавляющее их большинство – суннитской версии ислама. Аджарцы – мусульмане, а грузины – православные. Среди осетин есть приверженцы как христианства, так и ислама. В период с конца XV по XIX в., когда

Абхазия находилась под господством Турции, часть населения была обращена в ислам. Однако в конце XIX в. многие стали христианами.

Но несмотря ни на что, в силу целого комплекса факторов, в последние десятилетия именно ислам задает тон в дискуссиях о геополитических перспективах Кавказского региона, хотя в данном случае речь идет лишь о части региона – главным образом, Азербайджане и Северном Кавказе. Причем основное внимание уделяется вопросу о том, может ли ислам стать системообразующим фактором для Азербайджана и некоторых национальных республик Северного Кавказа.

Необходимо отметить, что с рассматриваемой точки зрения Кавказ является частью так называемого «мусульманского Севера», который, в свою очередь, является частью обширного исламского мира, в котором ключевую роль играют страны Ближнего и Среднего Востока. На протяжении многих веков ислам служил в качестве заметного фактора духовного и социокультурного развития стран и народов региона, способствовавшего расширению и укреплению их торгово-экономических и политических взаимосвязей. Это дает основания для вывода, что конфессиональные границы Кавказа как геополитического пространства простираются на юг далеко за пределы Российской Федерации, а также Южного Кавказа на Ближний и Средний Восток. Поэтому неудивительно, что после распада СССР постсоветские мусульманские народы стали проявлять растущую чувствительность к событиям и процессам, происходящим в мусульманском мире.

С точки зрения национальной безопасности Российской Федерации, немаловажное значение имеет тот факт, что Кавказ, являющийся частью ее южного «подбрюшья», представляет собой звено так называемой «исламской дуги нестабильности», охватывающей огромный регион Ближнего Востока, Афганистана, Кашмира и бывших советских республик Центральной Азии. Эта проблема довольно подробно освещена в отечественной и зарубежной политической науке. Здесь в самой краткой форме затрагиваются лишь те ее аспекты, которые могут пролить дополнительный свет на исследуемую в данной работе тему.

Нельзя отрицать тот очевидный факт, что ислам и национализм на Кавказе, как, впрочем, и во всем остальном мусульманском мире, взаимодополняют и подпитывают друг друга. Показательно, что всплеск национализма в мире идет одновременно и в тесной связке с процессом возрождения ислама. Восприятие жизненных реалий через призму религиозных верований стало частью мирозерцания многих

кавказских народов, их культуры, истории, образа жизни. Зачастую весьма трудно провести четкую грань между религиозными и национальными сторонами их жизни. Особенно отчетливо это обнаруживается в политизированном исламском фундаментализме, который служит собирательным названием для обозначения разного рода религиозно-политических течений, предлагающих собственные специфические пути, формы и средства решения проблем, возникающих перед человечеством в условиях глобализации, представляет серьезную угрозу национальной безопасности России.

По имеющимся данным, в настоящее время в России численность граждан мусульманского вероисповедания насчитывает от 12 до 15 млн. человек. Конечно, по сравнению с масштабами остального мира это немного, но тем не менее это примерно одна десятая часть населения страны. К тому же с распадом СССР постсоветские страны стали проявлять растущую чувствительность и податливость к веяниям, исходящим из мусульманского мира. Во все более растущей степени проявлялась тенденция к втягиванию мусульманских республик в орбиту экономического, политического и религиозного влияния исламского мира.

Нельзя забывать, что ислам многолик и представлен десятками различных школ и направлений – от консервативного (например, ваххабизм в Саудовской Аравии) до модернистского (исмаилиты, возглавляемые Ага Ханом IV). Есть в исламе и радикальные движения, часто группируемые под общим названием «исламский фундаментализм». На Кавказе представлены как два основных течения ислама – шиизм и суннизм, так и некоторые другие течения – от умеренных традиционалистских до экстремистских.

Ислам, хотя и представляет собой сверхнациональную вероисповедную систему, нередко используется именно как основополагающий компонент, если не национального самосознания, то непременно национальной идеологии, или национализма. Однако нельзя не отметить другую сторону этого феномена, а именно заметную фрагментацию. Восприятие жизненных реалий через призму религиозных верований стало частью мирозерцания многих народов, частью их культуры, истории, образом жизни. Зачастую весьма трудно провести четкую грань между религиозными и национальными особенностями их жизни. Поэтому неудивительно, что во многих арабских странах ислам прочно отождествляется с национализмом.

Известно, что исламский мир всегда отличался повышенной нестабильностью и конфликтогенностью. Причем в основе множества межгосударственных, межэтнических, межконфессиональных, терри-

ториальных и иных противоречий и конфликтов лежат, прежде всего, внутренние факторы. Истоки конфликтов и терроризма, в том числе исламского, следует искать не в сущности ислама или какой-либо иной религии, а в социально-экономических, этнонациональных, трайбалистских, конфессиональных, социально-психологических, социокультурных, политических, геополитических и иных реалиях и различиях региона. Их суть в значительной степени состоит в противоборстве и столкновении традиционного и современного, старого и нового, на которые все сильнее накладываются процессы глобализации, транснационализации, трансрегионализации, космополитизации и универсализации, а также модернизации и секуляризации.

Как в исламском мире в целом, так и на юге постсоветского пространства предпринимаются попытки синтеза ислама и национализма для их использования в сугубо политических целях. Следует отметить, что на протяжении всей истории, особенно в кризисные и переломные периоды, приверженцы ислама часто обращались к истокам, к фундаментальным принципам, традиции своей веры. Фундаменталистами, если исходить из смысла, вкладываемого в это понятие, следовало бы назвать последователей той или иной идеологии, апеллирующих к ее первоначальным базовым, или фундаментальным, основам. Данное понятие правомерно было бы применить ко всем течениям мысли, как секулярным, так и религиозным, выступающим за чистоту принципов и ценностей, возврат к истокам. В этом смысле правомерно говорить о либеральном, демократическом, консервативном, коммунистическом, рыночном фундаментализмах, фундаментализме прав человека и т.д. С данной точки зрения, интерес представляет тот факт, что само понятие «фундаментализм» вошло в научный и идейно-политический лексикон после выхода в свет журнала «Fundamentals», основанного представителями радикального крыла в американском протестантизме в 1905 г. Можно сказать, что понимаемый так фундаментализм характерен всем обществам на протяжении всей истории, особенно в периоды глубоких социальных, социокультурных, политических трансформаций.

Одним из важнейших ее проявлений стал так называемый политический ислам, или исламизм. Он служит в качестве собирательного названия для обозначения разного рода социально-политических течений, рассматривающих ислам как стержень своей идеологии или же как собственно идеологию. Для политического ислама характерно органическое слияние внутренней и внешней политики, которая, в свою очередь, основана на слиянии государства и религии. Его приверженцы рассматривают шариат в качестве источника власти (ал-

хакимийя ал-исламийя). В шиитской трактовке ислама главная роль в жизни общества отводится религиозно-политической сфере, именно ей на уровне теории подчинены остальные сферы.

В целом в силу комплекса причин, которые подробно проанализированы в отечественной и зарубежной науке, политический ислам принял широкий размах во второй половине XX в. Этому в значительной степени способствовало отсутствие в регионе четко разработанной системы мусульманского образования и собственной исламской богословской школы. Немаловажную роль с данной точки зрения сыграло стремительное падение доверия к идеалам коммунизма и советской идеологии. На этом фоне наблюдалась тенденция к возрождению интереса к ценностям, принципам и установкам ислама. Важнейшим результатом и показателем этого феномена стало появление множества мусульманских или религиозно ориентированных организаций, союзов, объединений, которые ставили перед собой как политические, так и сугубо исповедные, благотворительные, просветительные, образовательные и иные цели. Здесь нет надобности перечислять и тем более анализировать их, поскольку они подробно освещены в отечественной политологии и публицистике. К тому же многие из этих организаций, объединений, союзов быстро создавались и столь же стремительно исчезали с общественно-политической авансцены, не успев превратиться в более или менее влиятельную силу.

Достаточно отметить, что ислам используется как средство достижения конкретных политических целей, определяемых конкретными интересами политической борьбы как внутри той или иной мусульманской страны, так и на региональном и глобальном уровнях. В данном смысле ислам следует рассматривать не столько как религию, сколько как сложную религиозно-политическую доктринальную систему. Впервые феномен политического ислама, или исламизма, как серьезной политико-религиозной силы, способной оказывать существенное влияние на мировые реальности, вышел на авансцену в ходе исламской революции в Иране в 1979 г. Для политизации ислама большое значение имело то, что аятолла Хомейни и его сподвижники превратили ислам в государственную идеологию.

Необходимо подчеркнуть, что во внешней политике большинства стран Ближнего Востока исламские ценности занимают отнюдь не приоритетное место. Как будет показано ниже, подавляющее большинство мусульманских стран в своих отношениях с остальным миром руководствуется прежде всего торгово-экономическими интересами. Более того, Организация Исламская конференция (ОИК),

официально провозглашающая своей целью защиту ислама во всем мире, концентрирует свое внимание в первую очередь на развитии экономического, политического и культурного сотрудничества мусульманских государств с остальным миром.

Многие мусульманские страны предпринимают шаги для расширения и укрепления позиций ислама во всем мире, нередко используя его для продвижения своих национальных интересов. Некоторые из них выделяют довольно внушительные средства для пропаганды ислама, религиозно-просветительской и благотворительной деятельности. Наибольшую активность в этой сфере проявляют такие страны, как Саудовская Аравия, Кувейт, Ливия, Египет, ОАЭ и др. С конца 80-х годов минувшего века заметную активность в этом направлении стали проявлять Иран и Турция. Располагая значительными финансовыми возможностями, они создают по всему миру опорные пункты пропаганды, бесплатные учебные заведения, строят теле-, радиоцентры, расширяют миссионерскую деятельность, большими тиражами выпускают религиозную литературу на доступных читателю языках, которую зачастую распространяют бесплатно и т.д.

Политический ислам в его фундаменталистской версии стал своего рода идеологической платформой сил, выступающих за идеи сепаратизма и вытеснения России со всего Кавказского региона. Ваххабиты облюбовали национальные республики Северного Кавказа, прежде всего Дагестан и Чечню, а также Азербайджан. Вынашиваются планы создания некоего Кавказского халифата. Но официальные религиозные структуры Азербайджана во главе с Аллахшукюром Паша-заде всегда, как в советское время, так и при нынешнем режиме, подчинялись светским властям и беспрекословно выполняли их волю. Официальные власти республик Северного Кавказа также ведут активную борьбу против ваххабизма. В некоторых республиках приняты законодательные акты, запрещающие деятельность ваххабитских организаций.

В религиозном плане их цель состояла в том, чтобы противопоставить свое толкование «чистого ислама» другим исламским течениям, в первую очередь суфийским тарикатам, распространенным на Северном Кавказе. Тем самым главным результатом их деятельности стало разжигание конфликтов и вражды в среде мусульман. Распространение ваххабизма в регионе имело своим следствием провоцирование внутрирелигиозной и межэтнической розни. Для религиозной ситуации в регионе стала характерна все более четко проявляющаяся тенденция к раздроблению официальных исламских организаций, усилению их политизации, обострению внутриконфессиональных

противоречий, например между суннитами и шиитами, фундаменталистами и модернистами, ваххабитами и тарикатистами.

Борьба с этим опасным явлением осложняется отсутствием единства среди традиционных тарикатов. Так, на сегодняшний день создан Совет муфтиев России, в который входят муфтии Татарстана, Башкортостана, Азиатской, Европейской частей России, Поволжья, Сибири. Председателем Совета муфтиев избран Р. Гайнутдин. Но было бы преувеличением утверждать, что Совет стал центром, вокруг которого смогли объединиться все мусульманские общины России. В некоторых республиках возникло по два-три муфтията, а то и больше, между которыми образовались трения и противоречия, споры и постоянные конфликты. Только в Татарстане стараниями М. Шаймиева в законодательном порядке было решено, что Духовное управление в республике должно быть одно.

В настоящее время на Северном Кавказе насчитывается семь духовных управлений мусульман: Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, а также Адыгеи и Краснодарского края. Причем многочисленные муфтияты страны согласны объединиться только на конфедеративной основе, что означает существование самостоятельных управлений. Важно учесть и то, что имеются различия в самом традиционном исламе, исповедуемом в регионе. Так, в Чечне, Ингушетии и Дагестане преобладает суннитский ислам шафиитского мазхаба в форме суфийских орденов (тари-катов) – накшбандийя и кадирийя, которые, в свою очередь, состоят из мюридистских или вирдовых братств. Взаимоотношения между некоторыми из них натянутые и даже враждебные. В центральной и западной частях Северного Кавказа более распространен ханифитский мазхаб суннизма.

Зачастую ислам рассматривается в качестве некоей интегральной духовной составляющей этнических культур местных народов. Более того, он объявляется фактором, способным объединить Кавказ чуть ли не в единое политическое целое. Однако господствующий на Кавказе конфессиональный плюрализм уже сам по себе говорит о необоснованности подобных притязаний. Показательно, что радикальное руководство Исламской Республики Иран в ходе обеих чеченских войн не оказало, во всяком случае открыто и официально, поддержку северокавказским моджахедам. Сближение шиитско-исламского Ирана с григорианской Арменией в противовес альянсу шиитского Азербайджана и суннитской Турции говорит о переоценке конфессионального фактора в отношениях между государствами в современном мире. В то же время христианский Запад из-за углеводород-

ных ресурсов проявляет больше интереса к мусульманскому Азербайджану, нежели к более бедным в ресурсном отношении христианским Армении и Грузии.

В этом контексте показательно и то, что во время российско-чеченской войны в позициях официальных властей большинства стран мусульманского мира, несмотря на все разговоры о мусульманской солидарности, не прослеживались прочеченские тенденции. Открытой поддержкой сепаратистские движения на Кавказе, в особенности сторонников независимости Чечни, пользовались в радикальных кругах, находящихся в оппозиции к властям этих стран. Симптоматично, что ОИК, созданная в мае 1972 г. и действующая на межправительственном уровне, будучи рупором пропаганды ислама во всем мире, ставит своей целью содействие развитию экономического, политического и культурного сотрудничества мусульманских государств. Результативность деятельности этой организации нельзя оценивать однозначно, поскольку в ее состав входят страны, различающиеся по критериям политического режима, внешнеполитической ориентации, вовлеченности или невовлеченности в межгосударственные и внутренние конфликты и т.д. Ее руководство в лице министра иностранных дел Ирана Харрази заявило, что чеченский конфликт – это «абсолютно внутрироссийская константа, в отношении которой непозволительно вмешательство извне». Эксперты ОИК не нашли в этом кризисе какого бы то ни было религиозного характера, не говоря уже о нарушении международно-правовых норм.

Что касается других мусульманских международных организаций, таких как Лига исламского мира, Всемирный исламский конгресс, Международная исламская организация и др., то их вклад в разрешение конфликтов оценивается еще скромнее, поскольку входящие в них страны разделяют глубокие разногласия по многим кардинальным проблемам современности.

В контексте этих фактов хотелось бы предупредить о бытующих у нас в определенных комментаторских и околонаучных кругах представлениях об исламе, тем более об исламском радикализме, как о чуть ли не системообразующем факторе, способном определить политические реалии на Кавказе. Почти все стороны жизни подавляющего большинства кавказских народов к насто-ящему времени подверглись секуляризации и модернизации. Они глубоко затронули не только социальные, экономические и политические структуры региона, но и сам образ жизни, систему ценностей, ориентаций и установок, подорвали или совсем разрушили традиционные институты регулирования повседневной жизни людей. К концу XX в.

многосторонние связи, интегрально пронизывающие экономические, культурные, образовательные, духовные, политические или иные стороны, стали прочно утвердившимся и необходимым элементом жизни всех без исключения республик и регионов России, элементом, который никак нельзя ни отменить, ни игнорировать, не задевая и не подрывая жизненных интересов всех народов. Подавляющее большинство северокавказских народов бесповоротно освоили и интегрировали важнейшие аспекты и атрибуты общероссийского образа жизни.

Ценности ислама в принципе способны внести немаловажный вклад в оздоровление нравственного климата в ряде северокавказских республик. Можно даже утверждать, что умеренный ислам мог бы выступать в качестве своеобразного противоядия от распространения узкого национализма, этнизма, различных форм исламского фундаментализма. Напомним, что вопреки распространенным у нас представлениям о некоем «мусульманском национализме» ислам в принципе сверхнациональная по своей сущности религия. Классический ислам в целом не признает нации, поскольку все верующие, к какой бы нации они ни принадлежали, считаются членами единой мусульманской уммы, или общины. Аналогично тому, как в христианстве нет ни грека, ни иудея, ни римлянина, а есть верующие христиане, так и в исламе нет ни араба, ни перса, ни турка, а есть верующие мусульмане.

К тому же преобладающий в России так называемый ханафитский мазхаб, или толкование ислама, отличается большими, по сравнению с остальными тремя каноническими мазхабами, умеренностью и терпимостью. Нельзя забывать и то, что процесс утверждения последнего в регионе занял весьма длительный период. Если в некоторых районах Южного и Северо-Восточного Кавказа он был принят уже в VIII–IX вв., то среди отдельных народов Северного Кавказа только в XVII–XVIII вв. До появления ислама у северокавказских народов существовала своя довольно развитая система верований, ценностей, установок, обычаев, объединяемых под общим названием адатов, имеющих более глубокие исторические корни. В кавказском исламе преобладающие позиции занял суфизм, который, приспосабливаясь к местным условиям, интегрировал в себя многие элементы адата. По мнению некоторых исследователей, кавказский мюридизм представлял собой родившуюся на почве древних местных культов разновидность суфизма. О синкретическом характере кавказского ислама свидетельствует тот факт, что в нем исламские традиции тесно переплетаются с языческими и библейскими преданиями.

Российский ислам в зависимости от регионов включает в себя ряд существенных элементов местных национальных традиций, которые имеют мало общего с собственно исламом. На Кавказе зачастую речь идет о возрождении не столько исламских вероисповедных принципов, сколько норм жизнеустройства и правил повседневного поведения, составляющих основы традиционного адата, общего для многих народов региона. Поэтому необходимо весьма осторожно оценить степень религиозного пробуждения людей, поскольку часто речь идет о религиозности в житейском плане, на уровне здравого смысла. В большинстве своем горские народы – мусульмане в том же смысле, в каком русскоязычное население Краснодарского и Ставропольского краев – православные христиане. Никому не придет в голову, что эти последние в условиях наметившегося возрождения православия собираются строить свою жизнь в точном соответствии с принципами Нагорной проповеди или же заменить существующие политические структуры некой христианской теократией.

То же самое можно сказать и о народах Кавказа, исповедующих ислам. К примеру, ислам, несмотря на конституционное положение о светском характере государства, составляет если не главный, то существенный элемент государственной идеологии Азербайджана. Его символизирует зеленая полоса на государственном флаге республики. На Коране присягают президент Азербайджана и солдаты азербайджанской армии. Праздничными днями объявлены дни религиозных праздников мусульман Курбан-байрам и Ураза-байрам. В 1991 г. был создан Бакинский исламский университет. Не избежал Азербайджан также и политизации ислама, что выразилось, в частности, в создании ряда исламских партий и организаций, которые выступали за создание государства на принципах ислама.

Тем не менее не лишены определенного преувеличения применительно к Азербайджану, тем более к Северному Кавказу, рассуждения об «исламском электорате», «исламских интеллектуальных кругах», «исламском протестном электорате», будто способных изменить характер и векторы социального и политического развития соответствующих республик. На Кавказе ислам едва ли способен стать базой для устойчивых национальных и политических союзов, прежде всего в силу разноликости самого ислама в регионе (суннизм, шиизм, суфизм, ваххабизм и т.д.). Этнонациональные, территориальные, племенные, клановые, языковые, политические, социально-экономические и иные противоречия и конфликты между населяющими регион народами, во всяком случае сейчас – а такое положение вещей, несомненно, сохранится и в обозримой перспективе, – зачас-

тую сильнее общих для них конфессиональных установок и ценностей. Даже если теоретически допустить, например, возможность солидарности шиитов-азербайджанцев и суннитов-лезгин по признаку их приверженности единому исламу, то вряд ли следует ожидать, что сами собой исчезнут противоречия и тлеющие конфликты, в основе которых лежит факт разделенности государственными границами лезгинского народа на две части. Или же при всей приверженности азербайджанцев и иранцев шиизму вряд ли исчезнут противоречия между Азербайджанской Республикой и Исламской Республикой Иран, в основе которых лежит факт разделенности государственными границами азербайджанского народа. К тому же нельзя не отметить тот факт, что нетюркские народы Кавказа довольно настороженно, если не с подозрением, относятся к пантюркистским претензиям Турции и Азербайджана.

Религиозный фундаментализм нередко служит суррогатом идеологии и мифологии этнонациональной, культурной, конфессиональной или иной самоидентификации. Апелляция некоторых оппозиционных, да и не только, организаций к исламским ценностям обусловлена, помимо всего прочего, стремлением привлечь к себе внимание общественного мнения, а также финансовых фондов и структур мусульманских стран. Нередко исламская риторика служит для маскировки сугубо властных вождедений тех или иных претендентов на места во властных структурах.

Апологетика кавказской традиции, в том числе ее конфессионального аспекта, преподносится в качестве альтернативы прежде всего «чистому исламу», который воспринимается как чужеродный, иноэтничный и инокультурный. На Северном Кавказе традиционная культура ведет борьбу на два фронта. На рубеже XX–XXI вв. ее главным противником видится не инновация с Запада, а форсированное проникновение исламского иноверия с Востока. Слово «иноверие» здесь не случайно, поскольку салафийя (ваххабизм) рассматривается местным духовенством и солидарным с ним большинством общества как вероотступничество.

Таким образом, наметившееся у некоторых групп населения региона возрождение интереса к мусульманской вере нельзя рассматривать как уже определившуюся тенденцию к переустройству образа и уклада жизни на нормах ислама, а сам ислам как системообразующий фактор с точки зрения формирования государственности и политической стратегии. Тем более неправомерно экстраполировать ситуацию с исламским фундаментализмом в Иране или влиянием ислама на политическую жизнь таких мусульманских стран, как Судан, Алжир,

Саудовская Аравия и др., на мусульманские республики бывшего СССР.

Анализ реального положения вещей показывает, что возрождение и широкое распространение религиозных верований носят формальный, атрибутивный характер. Наблюдавшаяся на первых этапах эйфория относительно повального возвращения людей в лоно мечетей постепенно меняется на трезвую оценку секулярных реальностей современного мира. Иначе говоря, приверженность определенным ценностям и нормам жизни, предписываемым исламом и адатом, – да, а приверженность «исламскому пути» как системообразующему принципу государственного и политического устройства – вряд ли. Попытки же повернуть народы Северного Кавказа именно в этом направлении были бы, как представляется, равнозначны упражнению по вызыванию духов, которые в начале XXI столетия вряд ли могут увенчаться успехом.

При этом важно учесть и тот факт, что на Западе, да и в России ислам ассоциируется с мракобесием, насилием и отсталостью, с некой «исламской угрозой». На самом деле опасность коренится не в исламе и не в Коране, а в тех, кто их трактует в собственных своекорыстных интересах, во имя неправых целей. Как справедливо отмечал А.А. Громыко, «в исламофобии, как и в любой другой фобии, таится опасность для человечества, в том числе для России. Если мы не преодолеем неприятия мусульманской цивилизации в сознании значительного числа россиян, то “великая” и “сильная” держава Россия не состоится. Это, конечно, не единственное условие сохранения и укрепления России, но одно из самых важных».

Ислам – это отнюдь не монолитное и застывшее явление, он меняется, чтобы адаптироваться к требованиям современного мирового развития. Для него характерно отсутствие института официальной церкви и собственно духовенства в западном понимании этого слова, а следовательно, и общеобязательной догматизированной регламентации, как это имеет место в христианстве. Лица, получившие религиозное образование и знания, или улемы, вправе лишь толковать и комментировать Коран и хадисы. Они могут оспорить любую точку зрения, обнародованную любым общепризнанным религиозным авторитетом или учреждением. Ислам демократичен в том смысле, что допускает правомерность существования различных позиций и оценок, хотя весьма подозрительно относится к концепции политической демократии, усматривая в ней попытку превознести власть человека в ущерб власти Бога.

Мусульмане и приверженцы некоторых других незападных вероисповеданий критикуют Запад, а в ряде случаев и мобилизуются против Запада не столько потому, что они недовольны тем, что там поклоняются разным богам, сколько потому, что они не приемлют претензии Запада, особенно США, на доминирующее положение в мире. В этом плане ислам и исламский мир могут стать союзниками России и других стран, которые выступают против гегемонии в мире какой-либо одной державы или группы государств.

Подводя итоги данной главы, можно сделать следующие выводы.

1. Всякого рода рассуждения об исламе, особенно политическом, как о чуть ли не системообразующем факторе, способном определить политические реальности на Кавказе, изменить характер и векторы его социального и политического развития, по сути, неоправданны.

2. Ислам в регионе едва ли способен стать базой для устойчивых национальных и политических союзов прежде всего в силу своей разноликости.

3. Этнонациональные, территориальные, племенные, клановые, языковые, политические, социально-экономические и иные противоречия и конфликты между населяющими регион народами часто сильнее общих для них конфессиональных установок и ценностей.

4. Во многих случаях религиозный фундаментализм служит суррогатом идеологии и мифологии этнонациональной, культурной, конфессиональной или иной самоидентификации.

5. Исламская риторика нередко скрывает непреодолимые притязания тех или иных претендентов на места во властных структурах.

«Кавказский узел в геополитических приоритетах России», М., 2010 г., с. 278–294.

Н. Федулова,

кандидат исторических наук

КОНФЛИКТОГЕННАЯ ЗОНА

КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА: УГРОЗА РОССИИ

Конфликтогенной зоной у границ России является зона Каспийского моря. Значимость Каспийского региона в геополитическом раскладе продолжает возрастать ввиду сосредоточенных здесь огромных запасов углеводородного сырья. Интересы прибрежных государств сталкиваются с интересами внерегиональных держав, прежде

всего США и стран ЕС. Нагнетаемая Вашингтоном напряженность в отношениях с Ираном также осложняет ситуацию. Между тем отсутствие международно-правового статуса Каспийского моря делает прикаспийские государства уязвимыми как со стороны внешней экспансии, так и со стороны возможных внутрирегиональных споров и конфликтов, связанных с использованием ресурсов Каспия, режимом судоходства и т.д.

В этих условиях лидеры пяти прикаспийских государств, не дожидаясь окончательного решения проблемы статуса, сочли необходимым согласовать и юридически закрепить ряд положений, направленных на обеспечение региональной безопасности. На встрече в верхах, происходившей 16 октября 2007 г. в Тегеране, президенты Азербайджана, Ирана, Казахстана, Российской Федерации (РФ) и Туркмении подписали совместную декларацию, в которой было заявлено, что вооруженные силы прибрежных государств не будут использованы для нападения друг на друга. Весьма симптоматично, что в то время, когда ядерная программа Тегерана находится под обстрелом ведущих западных держав, пять прикаспийских государств «подчеркивают, что ни при каких обстоятельствах не позволят использовать свои территории для совершения агрессии и других военных действий против любой из сторон».

Ключевым положением декларации можно считать утверждение о том, «что только прибрежные государства обладают суверенными правами в отношении Каспийского моря и его ресурсов». До определения нового правового статуса Каспийского моря и его акватории должны действовать «режимы судоходства, рыболовства и плавание судов исключительно под флагами прикаспийских стран». Таким образом, участники встречи однозначно высказались за то, чтобы ограничить доступ к разведке и освоению каспийских недр для «чужаков». Как представляется, Тегеранская встреча положила начало формированию структур прикаспийского сотрудничества, которые призваны регулировать не только экономические, но и военно-политические вопросы, чтобы закрыть Каспийский регион для вмешательства извне. Но считать этот вопрос решенным окончательно пока рано.

Центральная Азия (ЦА), непосредственно примыкающая к каспийской зоне, имеет свои проблемы, связанные с обеспечением безопасности. Здесь наблюдается целый ряд источников потенциальных конфликтов. Так, в связи с порядком и распределением водных ресурсов напряженные межгосударственные отношения сложились, с одной стороны, между Таджикистаном и Киргизией, с другой – меж-

ду Узбекистаном и отчасти Казахстаном и Туркменией. Строительство мощных ГЭС, которое ведут Душанбе и Бишкек, это возможность обеспечить потребности своих стран в энергоресурсах (углеводородного сырья у них нет, платить за узбекский газ практически нечем). Однако для стран, расположенных в низовьях трансграничных рек (Узбекистан, Казахстан, Туркмения), такие намерения представляют серьезную угрозу, поскольку объем поступающей к ним воды будет значительно снижен, а они и так страдают от засухи. Стороны готовы привлечь к урегулированию «водной» проблемы экспертов ООН и ЕС. Чем закончится этот спор, сказать трудно. Но если взаимоприемлемое решение не будет найдено, это может привести к региональному расколу.

В регионе действуют и другие конфликтогенные факторы. Практически в каждом из новых государств существуют этнические анклавы, жители которых принадлежат к титульным нациям стран-соседей, что является источником напряженности в межгосударственных отношениях. Например, потенциальные споры могут возникнуть вокруг казахстанских городов Туркестан и Сайрам, где этнические узбеки составляют 70–80% населения. Доля узбеков растет также на юго-западе Киргизии и на севере Таджикистана. Миграция населения сопровождается самозахватом городских земель, обостряет земельный вопрос в сельской местности, усугубляет проблему занятости. Все это в свою очередь создает питательную среду для социального взрыва, распространения и укоренения радикального ислама. Так, в районе Ферганской долины сформировано религиозно-экстремистское подполье, которое имеет экстерриториальный характер, непосредственно затрагивая Узбекистан, Киргизию и Таджикистан. Хорошо организованная разветвленная сеть активистов занимается пропагандой своих идей среди населения, вербовкой и подготовкой боевиков. Речь идет об Исламском движении Узбекистан (ИДУ), которое, вопреки названию, носит интернациональный характер. Его цель – дестабилизация обстановки в странах Средней Азии (СА), свержение существующих правительств и создание на месте светских государств исламского халифата. Нет сомнения в том, что ИДУ создавалось по планам и на средства зарубежных религиозно-террористических центров, которые остаются его спонсорами и по сей день. Вместе с тем тот факт, что экстремистская идеология и антиправительственные лозунги завоевывают симпатии большей части населения, объясняется, прежде всего, тяжелейшим экономическим положением.

Религиозно-экстремистское подполье готово в любой момент приступить к открытым действиям. Летом 1999 г. вооруженные выступления ИДУ при участии международных террористов создали угрозу широкомасштабной гражданской войны в Таджикистане, Киргизии и Узбекистане. Только в результате совместных усилий этих стран при участии России и Казахстана удалось сломить сопротивление радикал-экстремистов. В том же ряду событий стоит и вооруженный мятеж в Андижане (13–14 мая 2005 г.). Хотя мятежники в расчете на поддержку стран Запада выступали под лозунгами защиты прав человека и позиционировали себя как поборников демократии, состав участников говорил о том, что их цели ничего общего с демократизацией жизни в Узбекистане не имели и иметь не могли.

Вместе с тем и страны ЦА и РФ остаются заинтересованными в сохранении военного присутствия западных стран в Афганистане. Они предоставляют транспортные коридоры для обеспечения жизнедеятельности коалиционных сил. С этой целью еще в 2001 г. Киргизия согласилась передать в аренду США и их союзникам аэродром «Манас». Однако постепенно в Бишкеке росло недовольство порядком использования данного объекта и поведением арендаторов, прежде всего США. Американское военное присутствие стало рассматриваться киргизскими властями как ущемление суверенитета страны и инструмент вмешательства в ее внутренние дела. В феврале 2009 г. киргизская сторона денонсировала соглашение об использовании базы в «Манасе». На ликвидацию созданных там объектов и эвакуацию персонала отводилось шесть месяцев. Для США это оказалось весьма болезненным ударом. Вашингтон начал активный диалог с Бишкеком, чтобы добиться отмены принятых решений. К переговорам подключились президент Афганистана Х. Карзай и президент Турции А. Гюль. Причем последний обещал миллиардные инвестиции в киргизскую экономику. Б. Обама направил личное письмо К. Бакиеву, и ответ оказался обнадеживающим. В конечном счете стало ясно, что Киргизия готова пойти навстречу американской стороне, а 23 июня было подписано соглашение, в соответствии с которым США получили право оставаться на авиабазе «Манас». Правда теперь она стала именоваться «Центром транзитных перевозок грузов в Афганистан», хотя по сути ничего не изменилось. Зато арендная плата увеличивалась до 60 млн. долл. Одновременно было подписано соглашение об американской финансово-экономической помощи в размере 110 млн. долл.

Официальная реакция МИД РФ на решение Бишкека была сдержанной и невнятной. Это породило множество спекуляций в рос-

сийских печатных СМИ. Кто-то усматривал в поведении К. Бакиева недружественный шаг в отношении РФ, поскольку иностранное военное присутствие в СНГ не отвечает ее национальным интересам. Кто-то оценивал события в более широком международном контексте – в контексте российско-американских отношений, конструктивное развитие которых, напротив, отвечает этим самым интересам как нельзя более. В российско-американской повестке дня стоят такие чрезвычайно важные вопросы, как заключение Договора СНВ-2, размещение элементов американской ПРО в Польше и Чехии, расширение НАТО на Восток за счет Украины и Грузии. И если по первому из них наблюдается обоюдное желание сторон двигаться навстречу друг другу, то для решения двух других Москве необходимо предложить взамен что-то важное с точки зрения Вашингтона. Не располагая конкретными фактами, но следуя логике вещей и исходя из того, что К. Бакиев не решился бы на изменение позиции относительно авиабазы «Манас» без консультаций с российским руководством, особенно в преддверии президентских выборов, можно предположить, что Кремль скорее всего дал согласие на дальнейшее использование базы в Манасе.

Москве нужны козыри в диалоге с Вашингтоном, и она демонстрирует готовность содействовать успеху контртеррористической операции в Афганистане. Об этом свидетельствует и решение РФ открыть на своей территории железнодорожный коридор для доставки туда невоенных грузов из Европы и соглашение с США о воздушном транзите американских военных грузов и военного персонала через РФ, подписанное в ходе визита Б. Обамы в Москву в июле 2009 г. Вместе с тем дело не сводится только к политической конъюнктуре. Присутствие иностранных воинских контингентов в Афганистане остается фактором сдерживания терроризма. В этом вопросе интересы РФ объективно совпадают с интересами США и их союзников. В обуздании деструктивных сил, действующих в афганских провинциях и в северных областях Пакистана, заинтересованы также Исламабад и Пекин.

На встрече лидеров стран ШОС, проходившей в июне 2009 г. в Екатеринбурге, «афганская тема» стала одной из главных. Речь шла о широком международном сотрудничестве в реализации ряда инфраструктурных проектов, без которых невозможно решить безотлагательные экономические задачи и добиться стабилизации положения в Афганистане. Кстати, к строительству в Афганистане ряда ГЭС уже подключились российские специалисты, а афганские военные обучаются в РФ.

В целом можно сказать, что в настоящее время ЦА является скорее полем сотрудничества, чем ареной соперничества между РФ, западными державами и южными соседями азиатских стран СНГ в том, что касается вопросов безопасности и борьбы с терроризмом. Однако военное присутствие иностранного государства (в данном случае США), как правило, обеспечивает ему и политическое влияние в соответствующем регионе. Поэтому определенные геополитические риски для РФ остаются. Именно их нейтрализация послужила импульсом для расширения военного присутствия РФ в Киргизии. 31 августа 2009 г. Д. Медведев и К. Бакиев подписали меморандум о создании в Оше полноценной военной базы РФ, которая будет дополнять дислоцированные в Канте российские военно-воздушные силы. Ее первостепенная задача – обеспечить круглогодичные прямые (минуя Узбекистан) поставки газа и снаряжения для 201-й российской базы в Таджикистане, а также безопасность станции космической разведки в Нуреке. Естественно, что существенное усиление военного присутствия РФ станет важным фактором стабильности в регионе, где наблюдается активизация незаконных вооруженных формирований.

В документе под названием «Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г.», утвержденном Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г., говорится, что обеспечению национальных интересов РФ будет препятствовать ряд факторов. Один из них формулируется следующим образом: «В условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы, может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ РФ и границ ее союзников». Естественно, что укрепление сотрудничества с участниками СНГ остается для России приоритетным направлением внешней политики. Она будет развивать потенциал региональной и субрегиональной интеграции в рамках Содружества. Вместе с тем успех российской политики и роль РФ в мире будут определяться прежде всего ее экономическим и научным потенциалом, способностью к опережающему развитию.

*«Мировая экономика и международные отношения»,
М., 2010 г., № 2, с. 85–89.*

А. Куртов,
ВОСТОКОВЕД
**ТРАНСФОРМАЦИЯ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРКМЕНИСТАНА
ПРИ НОВОМ РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ**

Ни одно из постсоветских государств Центральной Азии не привлекает сегодня столько внимания, как Туркменистан. И дело не только в огромных природных богатствах недр этой страны и не только в весьма своеобразном характере политического режима Туркменистана, аналогов которому нет нигде более ни в регионе, ни в СНГ в целом. Туркменистан является уникальным государством и в силу особенностей проводимой его руководством внешней политики. Формально основу последней составляет так называемый позитивный нейтралитет. Полноценный анализ внешнеполитической практики Ашхабада практически отсутствует в современной научной литературе. На наш взгляд, именно особенности тоталитарного туркменского варианта правления мешали в прошлом и мешают сегодня объективно оценить сферу внешней политики Туркменистана. Обычно пишущие об этом государстве авторы тяготеют к двум крайностям.

Первая из них, менее распространенная, состоит в том, что некритически воспроизводятся сведения, в избытке публикуемые пропагандистским аппаратом туркменских властей. Последние в силу особенностей тоталитарного политического режима, утвердившегося в Туркменистане, не только не допускают свободы мнений и информации, но и жестко насаждают в информационной сфере четкие пропагандистские клише. С их помощью окружение и первого президента страны – Сапармурата Ниязова, и нынешнего главы государства – Гурбангулы Бердымухамедова оправдывало проводимую ими политику и даже пыталось сделать ее предметом если не подражания, то зависти у других народов мира. Объективности ради следует отметить, что особых успехов в выполнении последней задачи не наблюдается.

Вторая крайность, намного более часто встречающаяся на практике, выражается в излишне эмоциональных и преимущественно политизированных оценках состояния дел в Туркменистане. Такому положению дел способствует доминирование в информационном потоке сообщений о Туркменистане европейских, североамериканских СМИ, а также СМИ постсоветских государств, что объясняется и их интересом к отдельным аспектам ситуации в Туркменистане, и

просто большей развитостью. При этом характер подходов, суждений и оценок этого блока информации, как правило, явно или неявно детерминирован своими интересами. Европейские и североамериканские авторы традиционно резко осуждают туркменское руководство за антидемократичность и отсутствие элементарных свобод человека. Причем при этом информацию чаще всего используют ту, которая представлена различными группами туркменской оппозиции в изгнании. Естественно, что такая информация для самих туркменских оппозиционных групп является одним из средств достижения их целей борьбы с нынешним режимом президента Туркменистана. В данном смысле эта информация зачастую бывает весьма тенденциозной.

Не всегда отличаются объективностью и СМИ постсоветских государств. Правда, их позиция часто мотивируется иными причинами: им выгодно акцентировать внимание на негативных моментах ситуации в Туркменистане, поскольку такой подход позволяет косвенно оправдывать прегрешения в их собственных странах. Обывателям приятно сознавать, что есть страна, где дела, по сообщениям СМИ, обстоят гораздо хуже, чем у них.

Объективности ради необходимо отметить, что такая ситуация сложилась прежде всего из-за информационной закрытости Туркменистана. Причем пока нет достаточно весомых оснований считать, что такая закрытость в ближайшем будущем будет кардинально ослаблена. Даже кончина президента Сапармурата Ниязова в декабре 2006 г. хотя и способствовала большей открытости Туркменистана, тем не менее выявила стремление властей этого государства сохранить прежний порядок «информационного занавеса». Выезд из республики лиц, подозреваемых в потенциальной нелояльности режиму, т.е. способных «развязать языки» за границей, по-прежнему затруднен. В Туркменистане реально существуют запреты и ограничения на свободную деятельность иностранных журналистов.

Поэтому все эти обстоятельства в известной мере затрудняют проведение объективного и полностью научно достоверного исследования ситуации в Туркменистане. Как нам представляется, обе отмеченные выше крайности дают все же не вполне адекватное представление о реальном положении вещей. Туркменистан в действительности не является «впечатляющим примером чудесного прогресса во всех областях жизни», как об этом неустанно заявляет туркменская официальная пропаганда. Но одновременно он не является и «провальным государством», на котором можно только «поставить крест», поскольку ничего, кроме очередных откровенных глупостей его правителя, там не происходит.

Выпадение Туркменистана из общего ряда трансформации постсоветских государств тем не менее не перечеркивает его развития, в том числе и очевидного прогресса в некоторых областях жизни. Оно лишь образует особый феномен, изучение которого может быть продуктивным только при условии избавления от чрезмерно политизированных подходов к анализу. Распад Союза, разумеется, не мог не отразиться на экономике республики. Ее экономика являлась частью единого народнохозяйственного комплекса, более того, в целом ряде аспектов Туркменистан был весьма сильно зависим от своих северных соседей. Современных промышленных предприятий республика имела очень мало, и ее хозяйство было ориентировано преимущественно на производство двух основных продуктов – добычу природного газа и выращивание хлопка. Причем оба продукта по большей части предназначались для вывоза за пределы республики через союзные структуры.

Отчасти это объяснялось географическим положением республики, а также особенностями ее новейшей истории. Туркменистан являлся периферийной – пограничной территорией Союза. Границы с Ираном и Афганистаном были тем железным занавесом, который жестко охранялся. Тому были свои причины. После гражданской войны и утверждения власти большевиков – актов, сопровождавшихся в ряде случаев серьезными эксцессами, часть населения Туркменистана, недовольная новыми порядками, эмигрировала в Иран и Афганистан и там участвовала в борьбе против Советов. Эта деятельность постепенно угасала и фактически сошла на нет после крушения надежд на поражение СССР во Второй мировой войне. Тем не менее Иран вплоть до исламской революции конца 70-х годов XX в. рассматривался в Москве как государство, идущее в фарватере антисоветской политики США. Естественно, что эти политические детерминанты препятствовали полноценному расширению контактов Туркменистана со своими южными соседями. Впрочем, объективности ради следует отметить, что на протяжении большей части XX в. ни Иран, ни Афганистан не были привлекательными экономическими партнерами. Газ и хлопок Туркменистана при двух последних шахах из династии Пехлеви не могли быть востребованы в Иране в силу полукOLONиального характера экономики этого государства. Самое же главное, что страны, расположенные южнее Туркменистана, по большей части обеспечены еще более дешевыми ресурсами углеводородного сырья (государства Персидского залива). Эти обстоятельства, на первый взгляд, должны были бы только усилить неблагоприятные последствия для экономики Туркменистана от крушения хозяйственных свя-

зей в результате ликвидации Союза. Однако этого не произошло. Несомненно, потери были немалые, но отнюдь не катастрофичные.

Недостаточная развитость экономики и низкий уровень жизни большей части населения Туркменистана при советской власти в известной степени даже сыграли положительную роль в кризисный период распада СССР. Они смягчили социальную напряженность. Когда в других странах СНГ в массовом порядке останавливалась работа промышленных предприятий, рвались цепочки хозяйственных связей, базировавшихся на плановой экономике и, как следствие этого, огромные массы населения лишались работы и заработка, Туркменистан был лишен этих кризисных явлений. Часть сельского населения, и раньше жившая в известной мере по укладу, близкому к патриархальному натуральному хозяйству, не подверглась тотальному обнищанию. Соответственно, никакой сколько-нибудь массовой политической активности в силу обострения социальной напряженности Туркменистан так и не узнал.

В советское время внутреннее потребление природного газа было незначительным – около 10 млрд. м³, практически весь объем добычи либо шел на экспорт, либо использовался в качестве топлива на теплоэлектростанциях, причем 2/3 объемов электроэнергии также экспортировалось. Избыток природного газа и электроэнергии позволили руководству Туркменистана обеспечить население республики бесплатным пользованием природным газом, а также электроэнергией и водоснабжением. Тем самым население республики было лишено тех социальных трудностей – жизни без тепла и света, которые стали обыденным явлением для многих других регионов бывшего Союза.

Власти Туркменистана прекрасно понимали ценность «газового фактора», благодаря которому они не без оснований надеялись осуществить подъем и развитие национальной экономики. Поэтому основной задачей во внешней политике страны стало обеспечение получения высоких доходов от экспорта углеводородов Туркменистана. Принятой еще при первом президенте Туркменистана Программой развития Туркменистана до 2010 г. было предусмотрено, что общий объем инвестиций в нефтегазовую отрасль республики должен был составить 26,2 млрд. долл., или 51,7% от всего объема капиталовложений в народное хозяйство. При этом 23,3% инвестиций должны были составить собственные средства Туркменистана, 21,7 – зарубежные кредиты, а 55% – иностранные инвестиции.

Основная ставка при этом делалась на природный газ как на главное природное богатство республики. В отличие от соседнего

Казахстана нефть по объективным причинам не была главным приоритетом у туркменского правительства, но и о ней никогда в Ашхабаде не забывали. Туркменистан значительно уступает по объемам добываемой нефти своим соседям, как Казахстану, так и Азербайджану. Пока сотрудничество Туркменистана в сфере нефтедобычи с иностранными партнерами только набирает силу. Доля нефти, добываемой непосредственно государственным концерном «Туркменнефть», в несколько раз превышает нефтедобычу зарубежных нефтяных компаний. К последним относятся, в частности, узбекские компании, разрабатывающие пограничное туркмено-узбекское месторождение «Яшылдепе-Кокдумалак».

Интерес иностранных компаний к туркменской нефти обусловлен тем, что здесь нет тех специфических трудностей, которые существуют с экспортом газа. Основные запасы жидких углеводородов Туркменистана сосредоточены в прикаспийском Балканском велаяте и на шельфе Каспийского моря, т.е. добытая нефть сравнительно легко может быть экспортирована. На экспорт может быть поставлена и продукция расположенного по соседству Туркменбашинского комплекса НПЗ.

Уже в последний период жизни президента Ниязова Туркменистан стал активно пытаться привлечь крупных иностранных инвесторов для осуществления проектов по добыче и транспортировке углеводородных ресурсов. Для этого, в частности, упор Ашхабадом был сделан на рекламировании весомости углеводородных ресурсов страны. После их масштабной разведки уже в 2005 г. ресурсы углеводородного сырья Туркменистана оценивались Ашхабадом в 34,5 млрд. т нефтяного эквивалента. Правда, целый ряд экспертов приводили более осторожные оценки. Доказанные запасы нефти в республике, по их мнению, составляют пока всего лишь 75 млн. т, а не 12 млрд. т, как утверждают руководители «Туркменнефтегаза». Однако бесспорным является и тот факт, что разведка на большей части территории республики (особенно на шельфе) только начиналась, и, возможно, подтвердятся именно надежды туркменских нефтяников. Доказанные же запасы туркменского газа (по версии Ашхабада) действительно значительны – 3 трлн. м³. Однако и здесь бесспорно, что на каспийском шельфе могут обнаружиться месторождения с запасами вчетверо превышающими этот показатель. Руководство же республики иногда называло цифру запасов в 50 трлн. м³ газа, но пока такие прогнозы не базируются на достаточно серьезных основаниях.

Официальные оценки туркменской стороной были озвучены в ноябре 2005 г. на международной конференции «Нефть и газ Туркме-

нистана». В соответствии с ними было отмечено, что нефтегазовый комплекс по-прежнему является приоритетной отраслью экономики Туркменистана. Положение дел в ней во многом определяет общую экономическую ситуацию в стране. Поэтому естественно, что бывший президент Туркменистана Ниязов и правительство страны уделяли первостепенное внимание вопросам комплексного технологического обновления нефтегазовой отрасли и оказывали в этом плане весомую поддержку отечественным предприятиям, направляя на эти цели огромные инвестиции.

Основная ставка в достижении намеченных рубежей правительством делалась на повышении эффективности геологоразведочных работ, открытии новых крупных месторождений нефти и газа, внедрении современных технологий, оборудования и сервисных услуг, существенном увеличении экономического потенциала отрасли за счет строительства новых объектов, развитии производственной и транспортной инфраструктуры, а также на взаимовыгодном сотрудничестве с зарубежными компаниями.

Огромный потенциал ресурсов углеводородного сырья Туркменистана распределен неравномерно как по территории суши, так и в туркменском секторе Каспийского моря. Тем не менее практически вся территория Туркменистана рассматривается как перспективная на нефть и газ. Перспективы недр оценены до глубины 7 км. Основными нефтегазоносными отложениями являются меловые и верхнеюрские – на востоке страны и неогеновые – на западе. В перспективе все активней в разведку и разработку будут включаться более глубоко залегающие отложения миоценового комплекса и мезозоя на западе страны; нижнесреднеюрские и глубоко залегающие отложения до карбонových включительно – на востоке.

Ресурсы и запасы углеводородов Туркменистана выглядели в оценках туркменской стороны примерно так: начальные суммарные ресурсы – геологические ресурсы – 45,44 млрд. т условного топлива, извлекаемые ресурсы – 30,60 млрд. т условного топлива. Из недр Туркменистана по состоянию на 1 января 2005 г. было добыто 2 млрд. 488 млн. 466 тыс. т условного топлива. В специальной российской литературе чаще всего можно было встретить менее оптимистичные оценки потенциала углеводородов Туркменистана. По понятным причинам они касались прежде всего цифр по природному газу. Однако при этом стоит учитывать, что российская специальная литературы во многом «подыгрывала» позиции «Газпрома», которому выгодно утверждать, что Туркменистан не располагает такими запасами газа, на которые он тем не менее заключает экспортные контракты с

разными государствами. Тем самым читателя подводили к выводу, что для нероссийских покупателей туркменского газа его может просто не хватить.

С приходом к власти президента Бердымухамедова проблема отсутствия данных международного аудита стала тормозить планы нового руководства в сфере развития экономики. Партнеры Туркменистана все настойчивее стали добиваться установления ясности с запасами углеводородов республики. Поэтому в Ашхабаде были вынуждены отойти от прежней практики. Был издан указ президента Туркменистана, которым авторитетному международному консультанту – компании «Gaffney, Cline & Associates» (Великобритания) – было доверено проведение аудита ресурсов газа на месторождениях «Южный Йолотань-Осман» и «Яшлар», расположенных в Амударьинском бассейне в восточной части Туркменистана. В середине октября 2008 г. британские специалисты предали гласности результаты их исследований.

Таким образом, со сменой главы государства в конце 2006 г. Ашхабад не изменил сколько-нибудь принципиально ни стратегию, ни тактику в нефтегазовой сфере. Он лишь немного подкорректировал их. По-прежнему власти Туркменистана заявляют об огромных запасах углеводородов.

В то же время новый президент Туркменистана способствовал принятию 20 августа 2008 г. нового закона «Об углеводородных ресурсах». Этот акт призван обеспечить более эффективное использование природных богатств страны. Данный акт регулирует правоотношения, возникающие при ведении работ, связанных с нефтегазовой отраслью на территории страны, включая туркменский сектор Каспийского моря. Закон призван создать необходимые правовые и экономические предпосылки для динамичного развития ТЭК и широкого международного сотрудничества в энергетической сфере, в том числе в области разведки и добычи углеводородного сырья, сервисного обслуживания предприятий нефтегазовой промышленности, стимулирования инвестиций, привлечения в отрасль передовых технологий, новейших научно-технических разработок.

Подводя промежуточные итоги нашего обращения к экономической сфере Туркменистана как базе, на развитии которой строится внешняя политика данного государства, отметим, что туркменское политическое руководство стремилось проводить в целом не такую уж неразумную политику, как об этом принято было писать в мировой прессе. Президент Ниязов, равно как и его преемник – президент Бердымухамедов, поставили перед собой цель модернизировать эко-

номику и последовательно шли по этому пути. Конечно, президент Ниязов делал это подчас отнюдь не рыночными, а тоталитарными средствами. Но если быть объективным, то подобным образом в истории поступали многие национальные лидеры.

Ниязов создал условия для дальнейшей модернизации Туркменистана. Он не разрушил экономику республики, а укрепил ее. В этом отношении Туркменистан выбрал во многом более разумный курс, чем ряд его соседей по СНГ, включая и Россию. Зачем во все возрастающих объемах «гнать на экспорт» сырую нефть и природный газ, если можно переработать их внутри республики и затем уже с гораздо большей выгодой торговать полученными вторичными продуктами переработки. Ведь цены на сырую нефть и на бензин с высоким октановым числом разнятся многократно в пользу последнего. Туркменское руководство поступило иначе: оно вложило огромные средства в модернизацию двух своих НПЗ, после чего они превратились в современные комплексы, способные выпускать широкий спектр продукции с высокой степенью добавочной стоимости.

В результате более 3/4 добываемой в Туркменистане нефти идет на переработку на собственные заводы. Не следует Ашхабад за своими более благополучными соседями и в другом отношении: в Туркменистане стараются не упускать из собственных рук процесс нефтедобычи. Пока иностранные компании добывают лишь менее четверти от общего объема туркменской нефти. Поэтому присущие многим постсоветским странам, и особенно региону Центральной Азии, настроения, суть которых состоит в том, что, имея такие богатства недр, можно просто лежать на белой кошке и попивать зеленый чай, а богатства будут прирастать трудом приглашенных иностранцев, для Туркменистана не характерны. Объективности ради следует отметить, что курс на переработку нефти в немалой степени объяснялся также и тем, что с советских времен из Туркменистана не было проложено ни одного экспортного нефтепровода.

Статус нейтрального государства: Сущность и причины появления. Ашхабад не устает повторять, что Туркменистан является уникальным государством не только в смысле богатства недр этой республики. Одним из «козырей» для него выступает принятая 12 декабря 1995 г. Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций № 50/80А «Постоянный нейтралитет Туркменистана». По утверждению туркменской стороны, спонсорами этой резолюции выступили сразу 17 государств. За принятие этого документа проголосовали 185 государств. С тех пор день 12 декабря стал государственным праздником – Днем нейтралитета. В тексте резолю-

ции Туркменистан был провозглашен нейтральным государством, т.е. ООН признала и поддержала провозглашение Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета. При этом резолюция содержала характерный для такого рода документов призыв к государствам – членам ООН уважать как этот статус Туркменистана, так и его независимость и территориальную целостность. Понятие «нейтралитет» стало одним из стержневых и в принятой в то же время «Концепции внешней политики Туркменистана как нейтрального государства».

Но по существу нейтралитет Туркменистана ничем особым от того, что мы привыкли понимать под этим институтом, не отличается. В обыденном понимании нейтральным является тот субъект, который не имеет и не проявляет своей особой заинтересованности в отношении каких-либо внешних для его персоны лиц, дел, событий. В международном праве нейтралитет, прежде всего, выражается в невмешательстве государства в чужие конфликты и неучастии его в военных блоках или союзах. Именно нейтральность как неучастие в военных коалициях и войнах в качестве союзника являлась сердцевиной этого понятия международной политики с древнейших времен.

Руководство Туркменистана отнюдь не спонтанно обозначило такой свой внешнеполитический курс. Вообще, те, кто внимательно мог наблюдать за действиями первого президента Туркменистана на протяжении длительного периода времени, отмечают, что он в течение нескольких лет после распада СССР вообще предпочитал молчать на бесчисленных встречах руководителей государств СНГ. Бывший главный редактор «Независимой газеты» В. Третьяков полагает, что такое поведение Сапармурата Ниязова было связано с тем, что последний никак не мог поверить в произошедшее в декабре 1991 г. Он боялся, что независимость пройдет, как страшный сон, что Союз восстановится, и тогда власти в Кремле припомнят всем «отступникам» из национальных республик их поведение в период «смуты». Но время шло, и всем стало очевидно, что возврата к прежним временам уже не будет. Вот тогда-то лидер Туркменистана и стал вести себя по-другому – как полноправный хозяин в своем государстве.

Но прежде он все-таки постарался обезопасить себя от любого серьезного вмешательства извне. Таковое могло исходить не столько со стороны международных институтов и организаций, сколько от некоторых ближайших соседей Туркменистана. Туркменистан граничит на суше с Казахстаном, Узбекистаном, Афганистаном и Ираном, а на море – с Азербайджаном, Ираном и Казахстаном. Впрочем, границы на Каспийском море в тот период были лишь теоретическими, так как правовой статус Каспия регулировался Соглашением о со-

трудничестве между Ираном и Советской Россией от 26 февраля 1921 г. и Договором о торговле и мореходстве между Ираном и СССР от 25 марта 1940 г. То есть в качестве границы фигурировала линия Астара–Гасан-Кули, разделявшая только иранский и бывший советский каспийский участки моря.

С Казахстаном у Ашхабада не было особых проблем, хотя исторически туркмены могли бы выдвинуть некоторые претензии, например на полуостров Мангышлак, который ранее (с XI в.) заселяли туркменские племена и который был передан в состав Казахстана в 1924 г. (некоторые полукочевые племена туркмен перекочевали даже на противоположный берег Каспия и сейчас живут в России – в Ставропольском крае). Ссориться с Назарбаевым у Ниязова резонов не было, туркмено-казахстанская граница проходит через крайне малонаселенные районы. К тому же исторически между казахами и туркменами не было особых трений. Иное дело – другие соседи Туркменистана. Если взглянуть на географическую карту республики, то сразу бросается в глаза, что основные населенные пункты расположены вдоль южных границ Туркменистана (предгорья Копетдага), вдоль его восточной границы – в районе Амударьи, а также на побережье Каспия.

Южные и восточные границы расселения туркменских племен всегда были проблемными. Персы даже в начале XX в. еще совершали грабительские набеги на туркменские земли, входившие в тот период уже в состав Российской империи, с целью захвата рабов. Туркмено-афганская граница в этом отношении была более спокойной: по обе ее стороны в основном жили этнически родственные племена. Район же Амударьи был примечателен тем, что здесь разграничительная линия исторически была проведена большевиками так, что это, при желании, могло быть поставлено под сомнение с исторической точки зрения как туркменами, так и узбеками. Несмотря на все исторические изыскания первого президента страны Ниязова, изложенные, в частности, в его книге «Рухнама», несколько последних веков своей истории на самом деле туркмены попадали в зависимость от соседних оседлых узбекских государственных образований (прежде всего Хивинского ханства). Кроме этого события гражданской войны 1992 г. в Таджикистане не могли не вызывать в Ашхабаде вполне обоснованной тревоги. Ведь специалистам хорошо известно, что Эмомали Рахмонов пришел к власти во многом «на узбекских штыках». Этническим узбекам Таджикистана были обещаны материальные блага, в том числе автомашины, после победы над частями Народного фронта – противниками Рахмонова. И это узбекское опол-

чение, буквально обутое в калоши, как раз и брало Душанбе. В Туркменистане же узбеки, расселенные компактно вдоль Амударьи, составляют второй по численности этнос. Поэтому Ниязов не мог не учитывать возможности того, что этот фактор кто-то захочет использовать. В известной степени чутье Ниязову не изменило: по крайней мере, как показало дальнейшее развитие событий, Узбекистан имел некоторое отношение к попытке организации покушения на жизнь Ниязова в ноябре 2002 г.

В результате Ниязов вел себя как хитрый восточный политик, заключая союзы поочередно с теми, кто мог помочь гарантировать его власть от внешних угроз. С Ираном Ашхабад развил вообще сверхдипломатическую активность. В первые годы независимости число встреч двух президентов – Ирана и Туркменистана – достигало порой 18 за один год (!). Разумеется, главной темой на них были вопросы экономического сотрудничества, но через них Ашхабад решал и получение содействия со стороны Тегерана в чисто политических проблемах. Резко возрос товарооборот двух стран, начали осуществляться проекты по строительству железнодорожных магистралей (Теджен–Серахс–Мешхед), газопроводов (Корпедже–Курт-Куи). Однако Иран, хотя и являлся крупным региональным государством, в силу известных событий после исламской революции оказался сам в положении, когда не мог свободно действовать на международной арене. Иными словами, дружба с Ираном не могла полностью гарантировать Ашхабад от тех нападений, о которых шла речь выше.

В таких условиях Ниязов расчетливо поддерживал и развивал отношения с Москвой. Еще 31 июля 1992 г. в Москве два президента заключили Соглашение об урегулировании вопросов правопреемства в отношении внешнего государственного долга и активов бывшего СССР. Примечательно, что по итогам взаимозачетов по состоянию на 4 декабря 1991 г. Россия, как правопреемница СССР, оказалась должна Туркменистану 380 млн. долл., но Ниязов не стал настаивать на быстром возвращении этой суммы. В декабре 1993 г. состоялся памятный официальный визит президента Российской Федерации Бориса Ельцина в Ашхабад, в ходе которого были заключены соглашения о статусе дислоцированных в Туркменистане воинских частей России, о совместной охране государственной границы, а также оказавшееся в центре внимания в 2003 г. соглашение о двойном гражданстве. По отношению к СНГ Ниязов всегда занимал позицию, характерную скорее для стороннего наблюдателя: более половины принимаемых документов в рамках этой организации Туркменистан просто не подписывал. Президент Туркменистана объяснял это сле-

дующим образом: «...На наш взгляд, отношения в рамках СНГ должны строиться на основе максимального учета позиций каждого государства, носить не жестко координирующий, а консультативный характер». В 2005 г. Туркменистан на саммите СНГ в Казани заявил об изменении своего юридического статуса в СНГ – с постоянного члена на ассоциированного. В то же время Туркменистан отнюдь не отказывался от членства во многих международных организациях.

В этом смысле не прямо, но все же опосредованно, статус нейтрального государства Туркменистан также получил, опасаясь скорее косвенных последствий, чем прямых событий, связанных с «правом войны», возможности негативного воздействия на ситуацию в Туркменистане со стороны внешних сил. Ярким доказательством этого служит отказ Туркменистана от участия в так называемом «Ташкентском договоре» – Договоре о коллективной безопасности стран Содружества Независимых Государств, который был подписан 15 мая 1992 г. В тот период в это объединение вошли все центральноазиатские государства, кроме Туркменистана. Узбекистан вышел из этого договора позднее, отказавшись подписать протокол о его продлении на следующий срок. (Затем Узбекистан вернулся в ОДКБ.)

К середине 90-х годов президент Ниязов понял, что сложились благоприятные условия для того, чтобы расширить круг гарантов его суверенной власти и поменять сам механизм этих гарантий. Туркменские дипломаты стали вести переговоры о желательности принятия нейтрального статуса Туркменистана с ФРГ, Францией, Индонезией, Индией, КНР, Египтом. Всего такие переговоры состоялись с 39 государствами мира. О своем стремлении стать нейтральным государством Туркменистан заявил на 3-й встрече глав государств Организации экономического сотрудничества в Исламабаде в марте 1995 г., что было отражено в ее итоговой декларации. Затем это же было сделано 20 октября того же года на конференции «Движения неприсоединения» в Картахене (Колумбия), в которой приняли участие 114 стран. С другой стороны, на конкретных примерах своих соседей Ниязов увидел, что развитые страны Запада не станут вмешиваться во внутренние дела центральноазиатских республик, даже если власть там совершает деяния, идущие вразрез с правами человека и демократией. Расстрел студенческой демонстрации в Ташкенте 16 января 1992 г., преследование узбекской оппозиции, равно как и разгон парламента Казахстана в марте 1995 г. прошли для глав этих государств без каких-либо серьезных последствий.

Нейтральный статус прежде всего означает, что Туркменистан полностью свободен в вопросах политики безопасности, он не при-

соединился и не намерен, судя по заявлениям руководства страны, присоединяться к какому-либо военному или оборонительному блоку либо альянсу, а также не имеет и не намерен иметь на своей территории военных баз и военных частей других иностранных государств. Первый президент Туркменистана отмечал также, что его страна не имеет территориальных претензий ни к одному государству мира и что ни одна страна не имеет претензий к Туркменистану.

Тем не менее с научной точки зрения, мы должны четко различать наши подходы к анализу феномена туркменского нейтралитета. Как инструмент в отношениях с другими государствами нейтралитет Туркменистана априори нельзя подвергать критике, как это зачастую делают некоторые политические противники Ниязова, принадлежащие к оппозиции. Суверенная страна вправе определять, какой статус для себя она избирает. Весьма критически следует относиться также и к появившимся в разное время утверждениям о якобы имеющихся незаконных контактах между руководством Туркменистана и режимом талибов в Афганистане. Хочу напомнить, что в отличие от ситуации с режимом Саддама Хусейна в Ираке в отношении движения «Талибан» не было принято каких-либо санкций ООН. Развивать же отношения со своими непосредственными соседями – это задача любого государства, особенно когда это касается экономических и торговых отношений. При морализаторстве на тему оценок талибов необходимо также помнить, что это движение было возвращено отнюдь не при помощи Ашхабада, а совсем других внешнеполитических игроков. На самом деле, как раз на Туркменистан талибы нападать не собирались. В столице Туркменистана – Ашхабаде – проводились даже международные форумы ООН по Афганистану (21–22 января 1997 г.). Обвинения в адрес туркменских властей в участии в контрабанде афганских наркотиков также требуют серьезных доказательств. Факта транзита их через территорию Туркменистана еще недостаточно, а свидетельства некоторых бывших чиновников туркменского правительства, перешедших ныне в оппозицию, нуждаются в проверке.

После начала операции США в Афганистане Ашхабад в отличие от соседей по региону Центральной Азии не пошел на пересмотр краеугольных принципов своей внешнеполитической доктрины и не пустил на свою территорию силы антиталибской коалиции. Но и в стороне не остался. Через территорию Туркменистана в Афганистан идут поставки гуманитарных грузов: продуктов питания, одежды и пр. Называть такую позицию выражением каких-то особых симпатий

к талибам (равно как и антиамериканизмом), как нам представляется, нет оснований.

Внешняя политика президента Бердымухамедова. На Востоке, как известно, не очень любят торопливых. Конечно, после прихода к власти в Ашхабаде президента Бердымухамедова произошли определенные изменения в туркменской внешней политике. Однако никоим образом речь здесь не идет о какой-то революции, кардинальном повороте на 180° базового внешнеполитического вектора Ашхабада, либо о чем-то подобном. Такого рода кульбитов от президента Бердымухамедова могли ожидать разве что совершенно далекие от центральноазиатских реалий субъекты. Те же, кто действительно погружен в анализ хитросплетений «восточной» политики, лишены подобных иллюзий. Матрицы, с успехом применяемые в Европе, оказываются по большей части малопродуктивными для осознания процессов, происходящих в Туркменистане.

Рискнем высказать при этом не очень популярную мысль. Туркменская модель, сложившаяся при Ниязове и модифицированная при Бердымухамедове, при всей своей причудливости и явной диковатости для просвещенного европейского взгляда на самом деле не была исключительно только плодом извращенного деспотического сознания авторитарного лидера нации. Если бы эта точка зрения была истинной, то тогда действительно от властей Ашхабада можно было бы ожидать резких перемен в их внешнеполитическом курсе. Но дело-то как раз в том, что и властная модель в целом, и ее внешнеполитическая компонента на самом деле внутренне вполне логично построены, подчинены определенным целям и отстроены отнюдь не по наитию или исключительно только чьему-то капризу.

Модель тоталитарной модернизации, избранная руководством Туркменистана, имеет свою логику. И логика эта во многом не менее рациональна, чем логика действий властей в парламентских республиках Европы. Может показаться, что, высказывая подобные суждения, автор стремится выступать неким адвокатом туркменского режима. На самом деле это не так. Но объективности ради нельзя не заметить, что внешняя политика современного туркменского руководства по-своему весьма расчетлива, продуманна и в этом смысле рациональна в рамках утвердившейся в этой республике тоталитарной модели. На совещании президента Бердымухамедова с дипломатическим корпусом 20 марта 2008 г. было отмечено, что в Туркменистане разработаны основные направления реализации внешнеполитической стратегии страны на период 2008–2012 гг. В своей внешней политике Ашхабад шаг за шагом выстраивает ту систему взаимоотношений с

другими субъектами международной жизни, которую он считает выгодной для себя, исходя из доминирующих ныне в Туркменистане представлений. Поэтому мы должны отделять наш анализ динамики внешней политики Туркменистана от оценочных суждений относительно далеко не всем привлекательной модели туркменского тоталитаризма. Признание положительной динамики, имеющихся успехов в начинаниях туркменских властей никоим образом не означает полной солидарности исследователя со всем, что творится в Туркменистане.

При правлении президента Бердымухамедова можно выделить несколько значимых моментов во внешней политике Туркменистана.

Во-первых, стал наблюдаться устойчивый рост числа дипломатических контактов туркменского руководства. Например, по официальной информации МИД Туркменистана эту республику только за 2008 г. посетили 422 иностранные делегации, т.е. более одной в расчете на каждый день. Сам по себе этот факт имеет большое значение, поскольку он свидетельствует о том, что никакой дипломатической изоляции Туркменистана как ответной меры со стороны мирового сообщества в ответ как на явные нарушения прав человека в этой стране, так и на авторитарную политическую практику, на что надеются оппозиционные туркменские группы в эмиграции, не происходит. Более того, в Ашхабад зачастили представители именно тех стран, которые традиционно относятся к демократическому лагерю. Никогда ранее столица Туркменистана не видела такого большого числа представителей государств Европейского союза. При этом нельзя не отметить, что в определенной степени изменился и качественный состав иностранных делегаций, посещающих Туркменистан. Если на протяжении многих лет правления Сапармурата Ниязова подконтрольные власти СМИ навязывали населению мнение о внимании мирового сообщества к Туркменистану в том числе и тем, что подробно освещали визиты в Ашхабад чиновников далеко не самого высокого ранга, а то и просто представителей бизнес-структур, то при Бердымухамедове делегации, возглавляемые главами иностранных государств и правительств, действительно чаще становились гостями туркменской земли. Так, за 2008 г. Туркменистан с визитами посетили 14 делегаций, возглавляемые лицами на высшем и высоком уровнях. Они представляли совершенно разные регионы планеты: Объединенные Арабские Эмираты, Российскую Федерацию, Республику Хорватия, Иорданское Хашимитское Королевство, Китайскую Народную Республику, Латвийскую Республику, Азербайджанскую Республику, Турецкую Республику, Республику Болгария, Венгерскую Республику, Республику Корея, Республику Литва, Малайзию.

Туркменистан посетили: делегации Индии во главе с вице-президентом этой страны, 28 делегаций различных зарубежных стран во главе с вице-премьерами и министрами, а также десять делегаций на уровне министров иностранных дел.

Во-вторых, существенно возросла и «дипломатическая мобильность» как главы туркменского государства, так и властного механизма в целом. Бердымухамедов окончательно, как нам представляется, отошел от традиции, свойственной в этом отношении его предшественнику – президенту Ниязову, который предпочитал принимать иностранных гостей у себя на родине, а не совершать визиты в другие страны, стремясь тем самым лишний раз подчеркнуть собственную значимость (и даже, наверное, в его понимании – величие) и независимость от кого бы то ни было со стороны. Новый президент Туркменистана все активнее стал практиковать собственные визиты, в том числе не только официальные, примером чего стало посещение Олимпиады в Пекине. Нельзя не отметить также и того, что многократно возросли визиты туркменских делегаций разного уровня во внешний мир, в том числе на мероприятия, непосредственно не связанные с туркменской внешней политикой.

В-третьих, внешнеполитическая деятельность Ашхабада стала постепенно приобретать традиционную для этой сферы отношений устойчивость и своеобразный «позитивный» консерватизм. Под последним автор понимает следование сложившимся в мировой дипломатической практике правилам ведения внешней политики. Например, несомненным приоритетом для любой нормальной страны является укрепление отношений с ее ближайшими соседями – с теми, с кем имеется общая граница. Туркменистан при новом президенте сумел значительно продвинуться по пути улучшения своих отношений с каждой из соседних стран. Особенно примечательным стало улучшение отношений между Туркменистаном и Азербайджаном. В 2008 г. было открыто посольство Туркменистана в Баку. В том же году еще одно новое посольство Ашхабад открыл в Саудовской Аравии. Новые послы Туркменистана были назначены в Литве, Египте, Швейцарии, Израиле, Италии и на Кубе.

В этом же ключе следует оценивать и возросшую активность Туркменистана по налаживанию сотрудничества с ведущими международными организациями. Ашхабад стремится заявить о себе на мировой арене какими-то дипломатическими инициативами, например иницилируя принятие 19 декабря 2008 г. резолюции «Надежный и стабильный транзит энергоносителей и его роль в обеспечении устойчивого развития и международного сотрудничества», за которую прого-

лосовали делегаты Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Параллельно Туркменистан продолжил контакты по линии размещенного в Ашхабаде в декабре 2007 г. регионального Центра превентивной дипломатии ООН для Центральной Азии, что с чисто формальной точки зрения можно также расценить как победу туркменской дипломатии. Президент Бердымухамедов гораздо более благосклонно стал относиться к участию своей республики в СНГ, посещал саммиты этой организации и даже заявил, что видит «...в СНГ эффективный механизм межгосударственного сотрудничества». Отдельно следует отметить, что в СМИ Туркменистана стали появляться материалы, освещающие новости о событиях в зарубежных странах, чего ранее не было. В июне 2008 г. в Ашхабаде открылся новый центр обучения иностранным языкам. В том же месяце в Туркменистане были введены новые паспорта с биометрическими данными для выезда граждан за рубеж. Стали отмечаться специальные памятные даты, учрежденные международными организациями.

В 2009 г. продолжилось развитие новых тенденций во внешнеполитическом курсе Ашхабада, которые были заложены в предшествующие годы. Если ранее власти многих стран мира, можно сказать, «присматривались» к новой политике президента Бердымухамедова, следствием чего было большое число визитов политических деятелей в Ашхабад, то 2009 год стал знаменателен тем, что акценты в международных контактах стали явно смещаться с политики на экономику. Существенно выросло число визитов представителей бизнес-кругов, а также количество экономических форумов и выставок, проводимых как в Туркменистане, так и туркменской стороной в других странах. Сам же президент Туркменистана за 2009 г. совершил 15 зарубежных визитов.

Принятая 21 января 2009 г. новая Военная доктрина Туркменистана носит сугубо оборонительный характер. В данном документе постулируются неприсоединение Туркменистана к военным союзам и блокам, неразмещение на территории республики иностранных военных баз, отказ от приобретения, производства, распространения и транзита через национальные границы ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. В то же время было записано, что Туркменистан будет обеспечивать свою военную безопасность всей совокупностью имеющегося в его распоряжении военного потенциала, но при приоритете политико-дипломатических и иных мирных средств.

В марте 2009 г. президент Бердымухамедов, приняв участие в саммите глав государств и правительств стран – членов Организации

экономического сотрудничества в Тегеране, выступил на нем с инициативой изменения статуса своего государства в этой организации на ассоциированное членство. Мотивировка была той же, что и в 2005 г. по отношению к членству в СНГ (конституционный статус Туркменистана). По мнению главы туркменского государства, ассоциированное членство позволит Ашхабаду самостоятельно принимать решение об участии в тех или иных проектах. Тем самым надежды многих политиков и экспертов на изменение отношения властей Туркменистана относительно их полноценного участия в международных структурах с обязывающим членством не оправдались. Тем не менее это не означает дипломатической автаркии, поскольку Туркменистан является членом свыше 40 международных организаций, а дипломатические отношения поддерживает со 128 государствами мира. Ашхабад присоединился к 109 международным многосторонним конвенциям и договорам. Только в 2009 г. Ашхабад присоединился к десяти подобным документам. К полной закрытости страны по варианту Албании времен Энвера Ходжи или Северной Кореи периода Ким Ир Сена руководство Туркменистана явно не стремится. Наоборот, в 2009 г. был открыт ряд новых международных аэропортов в регионах (в Туркменбаши и Мары). В августе в Ашхабаде была подписана рамочная Программа ООН по содействию развитию Туркменистана на период 2010–2015 гг. (ЮНДАФ). Программа охватывает ряд сфер, включая образование, здравоохранение, экологию, социальную сферу.

В 2009 г. намечился некоторый прогресс в сфере, которая ранее не только не выступала значимым приоритетом в международных контактах Ашхабада, но даже намеренно находилась в зоне особых запретов на любое публичное обсуждение. Это сфера прав человека. Конечно, в условиях явно недемократического политического режима, существующего в Туркменистане, трудно было бы ожидать каких-то революционных преобразований в данной сфере. Тем не менее президент Бердымухамедов, взяв курс на большую открытость своей страны миру, не мог игнорировать сферу прав человека. Поэтому туркменские власти прибегли к традиционной практике аналогичных по характеру режимов. Внутри страны само наличие каких-либо негативных проблем в сфере прав человека не признается, а ситуацию в данной сфере официальная пропаганда представляет в «розовом цвете». Но в отношениях с международными структурами Ашхабад не применяет ныне стратегии «глухой обороны», он идет на контакт с теми структурами, которые не пытаются оказывать откровенного давления на туркменские власти, побуждая их к радикальным изме-

нениям. Например, с официальными структурами ООН Ашхабад контактирует по ряду направлений, связанных с правами человека. Власти ратифицируют отдельные акты ООН в данной области, готовят и представляют обзоры и национальные доклады для сессий Совета по правам человека ООН, проводят специальные семинары.

Российский вектор Ашхабада. В страноведческом аспекте руководство Туркменистана продолжило развитие своих контактов прежде всего со своими главными внешнеполитическими партнерами. Вопреки распространенной в мировом общественном мнении версии, обладающий статусом нейтрального государства Туркменистан де-факто рассматривает своим самым главным партнером во внешнем мире Россию, а не какую-то иную страну. При этом руководство Туркменистана избегает четко и недвусмысленно публично фиксировать данный факт в каких-либо знаковых документах.

Данное обстоятельство не только в экспертной и журналистской среде, но и в стане политиков и дипломатов породило несколько искаженное восприятие ситуации. Так, большое распространение получили надежды на возможность кардинального изменения внешней политики Ашхабада. Сразу после смерти Сапармурата Ниязова многим казалось, что при новом туркменском руководстве Россию как главного исторического партнера Туркменистана оттеснят на второй, а может быть, и третий план страны Запада и Китай. Действительно, интенсивность визитов в Ашхабад со стороны «геополитических конкурентов» Москвы резко возросла. И тем не менее многочисленные факты говорят об обратном: российский вектор пока еще остается, пожалуй, самым приоритетным для Ашхабада. Более того, диалог между Москвой и Ашхабадом во многих отношениях стал и более продуктивным, и, несомненно, существенно более взаимовыгодным. Прежде всего отметим, что выросла не только его интенсивность, главное состоит в другом: за последний период был принят ряд стратегических соглашений. Так, Россией, Туркменистаном и Казахстаном было подписано соглашение о строительстве нового Прикаспийского газопровода, а с участием данных стран и Узбекистана – также соглашение по реконструкции существующей газотранспортной системы «Средняя Азия–Центр», предусматривающее создание новых мощностей по транспортировке среднеазиатского «голубого топлива» в Россию.

Сразу же после избрания на пост президента Г. Бердымухамедова десятки делегаций из стран Европейского союза неизменно в ходе своих встреч и переговоров с туркменскими руководителями пытались склонить последних к переориентации газовых потоков

Туркменистана с северного (российского) направления на западное, предполагающее строительство трубопроводов, идущих в Европу, минуя территорию России. Из чисто экономических эти проекты превратились в политические, что только усиливало отчаянную дипломатическую борьбу. Проект «Набукко», рассчитанный на поставки азербайджанского и центральноазиатского газа в Европу через территорию Турции и Балканских стран, буквально фетишизировался. Усилиями пропаганды он приобрел черты мессианской спасительной затеи, совершенно несоразмерной той роли, которую он мог бы сыграть в энергообеспечении Европы. А поскольку одним из кардинальных вопросов был и остается вопрос о нахождении необходимой ресурсной базы для заполнения этого трубопровода газом, то Туркменистан получал здесь уникальную возможность извлекать выгоду от многократно усилившейся борьбы за так называемые «туркменские ресурсы “голубого топлива”».

Сторонники прокладки трубопровода «Набукко» предпринимали титанические усилия для привлечения Туркменистана к данному проекту. Власти Ашхабада в этом отношении проявили изрядную восточную хитрость: они не отказывались от предложений поставлять туркменский газ в проектируемую трубу. Более того, время от времени президент Бердымухамедов даже давал расплывчатые обещания выделить в неопределенном будущем порядка 10 млрд. м³ туркменского газа для поставок в Европу по западному маршруту. Было очевидно, что, наблюдая за обостряющейся конкурентной борьбой претендентов на газовые ресурсы Туркменистана, Ашхабад выжидал все более и более выгодных для себя предложений от сторон, участвующих в этой схватке.

Тем не менее прошедший период показал, что конкурентам России так и не удалось склонить чашу весов в свою пользу. Пусть и с некоторым опозданием, но именно северное направление поставок туркменского газа в Россию не только было подтверждено в качестве стратегического, что предусматривалось еще соглашением от апреля 2003 г., но именно это направление получало дополнительное развитие как по мощности трубопроводных артерий, так и по их маршрутам. Помимо традиционного региона, выступающего ресурсной базой газовых поставок в Россию, – юго-востока Туркменистана, стали оформляться в качестве второй такой базы запад Туркменистана – регион Прикаспия, а в перспективе и морские участки шельфа Каспийского моря. Последнее обстоятельство, как нам представляется, имеет большое значение.

Если за ресурсную базу юго-востока Туркменистана продолжают бороться Россия и Китай, а остальные игроки – Иран, Афганистан, Пакистан и Индия безнадежно отстали, то за ресурсную базу Западного Туркменистана продолжают бороться Россия, Иран, Азербайджан и государства Запада (ЕС и США). Но и в этой конкурентной борьбе за Западный Туркменистан пока преимущественные шансы на победу имеет Россия. Именно она сумела убедить туркменские власти в больших преимуществах от развития отношений между Ашхабадом и Москвой. Неслучайно, что президент Туркменистана именно эти вопросы обсуждал в ходе своих встреч с руководителями России во время неформального саммита СНГ в Москве в феврале 2008 г.

В итоге уже много лет продолжается реализация долгосрочного соглашения по поставкам туркменского природного газа в Россию, заключенного 10 апреля 2003 г. на 25-летний период. Несмотря на все усилия заинтересованных субъектов, ОАО «Газпром» пока было и остается главным стратегическим партнером Туркменистана в газовой отрасли, хотя с 2010 г. ему активно «дышит в затылок» Китай. В подтверждение этого вывода приведем ряд доказательств. Туркменистан в отличие от некоторых других партнеров России по СНГ в настоящее время не инициирует прекращения действия прежних двусторонних соглашений. Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Туркменистаном от 23 апреля 2002 г., наоборот, наполняется конкретным содержанием. После того как в декабре 2007 г. в Ашхабаде прошел Российско-туркменский экономический форум, в котором приняли участие представители деловых кругов и торгово-промышленных палат из 17 регионов Российской Федерации, произошло то, что мы вправе охарактеризовать как естественную диверсификацию экономических контактов на двустороннем туркмено-российском уровне. В контакты с Туркменистаном втянуты 59 субъектов Российской Федерации. В феврале 2008 г. в Москве был образован Российско-туркменский деловой совет из бизнес-кругов двух стран. Отметим при этом, что такое развитие событий является не только следствием активизации российской внешней политики в отношении Туркменистана, но и реализацией тех экономических реформ, которые инициировал президент Бердымухамедов, реформ, предусматривающих попытку преобразовать традиционные и развить новые сферы народного хозяйства республики. Очевидно, что одним из партнеров Туркменистана на этом поприще становится Москва.

Одновременно Россия интенсивно прорабатывает и другие направления сотрудничества с Туркменистаном. Российская авиа-

компания S-7 (Сибирь) стала осуществлять регулярные авиарейсы из Москвы в Ашхабад. Свыше полумиллиона граждан Туркменистана пользуются услугами российской компании мобильной связи МТС. Руководство данной компании планирует потратить на развитие сети мобильной связи в Туркменистане еще свыше 150 млн. долл. Российские энергетики из Санкт-Петербурга осуществляют реконструкцию Марыйской станции, оснащая ее новым оборудованием. Только в 2008 г. были заключены многомиллионные контракты между российскими компаниями ОАО «Трубная металлургическая компания», ОАО «Стройнефтегаз», ООО «Итера», Астраханским судостроительным заводом и туркменской стороной. На середину 2008 г. в Туркменистане действовали 113 предприятий с участием российского капитала и реализовывались 116 проектов и контактов с участием компаний из России.

Россия по-прежнему остается на первом месте в списке торговых партнеров Туркменистана. Товарооборот между нашими странами уже в 2008 г. впервые за период после распада СССР превысил 5 млрд. долл., т.е. оказался даже существенно выше того, что имеет Москва со многими государствами, входящими в ЕврАзЭС, где действуют особые торговые и таможенные преференции. Учитывая, что темпы роста этого товарооборота весьма высокие – увеличение примерно на треть в 2007 и 2008 гг., – то нетрудно прогнозировать, что он будет расти и впредь, как только будут преодолены последствия мирового финансового кризиса. Ведь продуктивные контакты сегодня развиваются не только на федеральном, но и региональном уровне. Ашхабад стали посещать делегации субъектов Российской Федерации, в частности Астраханской области и Республики Татарстан. 4–5 июля 2008 г. состоялся визит российской делегации по главе с президентом Медведевым в Туркменистан. В свою очередь президент Туркменистана побывал в Казани. Среди обсуждавшихся вопросов были не только относящиеся к сфере топливно-энергетического сотрудничества. Ашхабад проявлял высокую заинтересованность в налаживании производственной кооперации в различных областях. Бердымухамедов особо отмечал возможности взаимодействия в транспортной сфере, в частности в рамках проекта так называемого транспортного коридора «Север–Юг». В итоге было подписано соглашение о поставке в Туркменистан огромной партии большегрузных автомобилей КамАЗ. Это можно расценить как серьезный прорыв, поскольку за долгие годы до этого Туркменистан, осуществляющий большую программу строительства различных сооружений, закупал строительную технику в основном в Японии.

Существенное увеличение цены приобретаемого российским «Газпромом» туркменского природного газа по контрактам, подписанным в конце 2008 г., обернулось для Ашхабада внушительным ростом прибыли. Только в январе 2009 г., т.е. в самый разгар мирового финансово-экономического кризиса, внешнеторговый оборот республики подскочил по сравнению с аналогичным периодом прошлого года сразу на 72,3%, а объем экспорта в 3,2 раза превысил объем импорта (ранее превышение составляло 2 раза).

В ходе государственного визита президента Туркменистана в Российскую Федерацию в 2009 г. были подписаны: соглашение между генеральными прокуратурами двух государств; соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел двух стран; меморандум о взаимопонимании между министерствами сельского хозяйства двух стран; межправительственное соглашение об организации прямого международного железнодорожно-паромного сообщения через порты Туркменбаши, Астраханского воднотранспортного узла и Махачкалы; межправительственное соглашение о поощрении и защите инвестиций; межправительственное соглашение о взаимном признании документов государственного образца об образовании; межправительственное соглашение о сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических кадров; межведомственное соглашение о сотрудничестве пограничных служб. Кроме этого, была достигнута договоренность о долевом участии России в проекте строительства транснациональной железнодорожной магистрали Иран–Туркменистан–Казахстан.

Тем не менее за прекраснодушными официальными репортажами о данном визите оказались скрыты те разногласия в подходах к двустороннему сотрудничеству, которые также обсуждались в ходе состоявшихся переговоров в Москве и по которым сторонам так и не удалось достичь компромисса. Это касалось главным образом топливно-энергетического сектора. Выше мы привели те цифровые параметры доходов Ашхабада от повышения цены на поставляемый в Россию туркменский природный газ. По всей видимости, Ашхабад рассчитывал на увеличение этих доходов.

Однако Россия в этом отношении занимала иную позицию. Дело в том, что ко времени государственного визита туркменского лидера ситуация на рынке газа и прежде всего на европейском рынке газа кардинальным образом изменилась. В условиях мирового финансово-экономического кризиса произошло существенное сокращение потребления природного газа. Многие производственные мощности перешли на неполный цикл работы, другие предприятия и бытовой

сектор вынуждены были перейти к режиму жесткой экономии ресурсов, в том числе сократив потребление энергии. Особенно существенно эта тенденция проявилась в Украине – стране, куда как раз и шел закупаемый российским «Газпромом» туркменский природный газ. Власти Украины добились от Москвы новых условий газовых контрактов, которые предусматривали иные по сравнению с ранее действующими условия поставок: их объемы сокращались почти вдвое. Кроме того, «Газпром» фактически пошел на неприменение выгодной для него нормы «бери-или-плати», зафиксированной уже в новых подписанных контрактах. Но даже при этом оплата за произведенные поставки практически каждый месяц 2009 г. висела буквально «на волоске». А по итогам 2009 г. оказалось, что Украина закупила всего 37,8 млрд. м³.

В таких условиях российская сторона в новых объективных условиях, которые диктовал рынок, вынуждена была обратиться к Туркменистану с предложением либо сократить объемы закупаемого природного газа, либо существенно в соответствии с новой европейской конъюнктурой цен снизить цену на экспортный туркменский газ. Обсуждались и различные комбинации этих двух предложений. Подобный подход нельзя было интерпретировать, как желание Москвы переложить на туркменскую сторону убытки, поскольку Россия также в новых условиях была вынуждена существенно сокращать собственную добычу «голубого топлива» на своих месторождениях. Сохранять прежний порядок закупок по объемам и цене было просто невозможно по бизнес-соображениям. Ведь по итогам 2009 г. Россия перестала быть мировым лидером по добыче газа, уступив пальму первенства США.

Причем следует подчеркнуть, что основной недобор газа со стороны европейских потребителей в 2009 г. по сравнению с предыдущим годом пришелся как раз на первое полугодие. Нельзя не признать, что высокие цены на газ сыграли с «Газпромом» плохую шутку. Часто некоторые европейские потребители предпочитали использовать газ из своих подземных хранилищ, чем закупать его по дорогой цене у «Газпрома». «Газпрому» стало просто невыгодно перепродавать туркменский газ на европейских рынках. Нельзя не отметить, что с 2009 г. не только Туркменистан, но и Казахстан с Узбекистаном перешли на новые условия поставок природного газа «Газпрому», привязав его стоимость к среднеевропейским ценам. Однако весьма важным обстоятельством было то, что контракт «Газпрома» с Ашхабадом предусматривал фиксацию единой цены поставок газа на весь год, а аналогичные договоренности с Астаной и

Ташкентом содержали положение о ежеквартальной корректировке цены.

Конечно, налицо был серьезный просчет «Газпрома», который, согласившись на фиксацию цены на целый год, тем самым рассчитывал неплохо заработать, поскольку в конце 2008 г. его аналитики прогнозировали стремительный рост цен на газ в Европе в среднем до 500 долл. за 1 тыс. м³. На деле же произошло обратное: падение как цен, так и спроса на «голубое топливо».

Но туркменская сторона не пожелала считаться с доводами Москвы, настаивая на исполнении прежних обязательств. Более того, в ходе обсуждения проекта строительства так называемого Прикаспийского газопровода из Западного Туркменистана через Казахстан в Россию Ашхабад стал настаивать и на том, чтобы именно российская сторона взяла бы на себя финансирование своеобразной перемычки – трубопровода «Восток–Запад», который предполагал прокладку трубы из восточных регионов Туркменистана – зоны основной добычи «голубого топлива», к его прикаспийским регионам, где имеющихся запасов природного газа было явно недостаточно для заполнения Прикаспийского газопровода. При этом Ашхабад отказывался включать в текст будущего соглашения пункт, содержащий обязательства туркменской стороны не использовать поставляемый по трубе «Восток–Запад» природный газ в иных целях, за исключением наполнения трубы Прикаспийского газопровода. Это обстоятельство для Москвы было неприемлемо, поскольку существовал риск, что после оплаты российской стороной из своего кармана строительства трубы «Восток–Запад» в будущем Ашхабад мог бы изменить данным ранее обещаниям и перенаправить полученные объемы газа либо в южном направлении – в Иран по трубопроводу «Корпедже–Курт-Куи», либо в западном направлении по Транскаспийскому трубопроводу в направлении Азербайджана и далее в Европу, вариант которого активно лоббировался конкурентами России.

Согласованной позиции выработать не удалось, и поэтому сразу по возвращении в Ашхабад президент Бердымухамедов отдал распоряжение объявить международный тендер на проектирование и строительство ставшего предметом раздоров газопровода «Восток–Запад». Еще через день в Ашхабад прибыла китайская делегация нефтегазовой корпорации CNPC для переговоров по ускорению сооружения газопровода в Китай. Вряд ли это было простым совпадением. Не договорившись с Москвой, власти Ашхабада стали демонстративно форсировать свои связи с другими партнерами. А в туркменской прессе стали появляться статьи с критикой идеи созда-

ния любых наднациональных органов стран – экспортеров газа, что, по всей видимости, должно было стимулировать интерес к Туркменистану в условиях, когда большинство других стран – экспортеров «голубого топлива» как раз налаживали сотрудничество в рамках подобных структур.

В середине апреля правительство Туркменистана подписало Меморандум о долгосрочном сотрудничестве с германским акционерным обществом «RWE». Это был скрытый намек Москве, что туркменская сторона может искать и находить иных партнеров по сотрудничеству. Дело в том, что подписанный документ среди прочего допускал немецкую компанию к участию в проекте по разработке и добыче углеводородов на туркменском шельфе Каспийского моря (на 23-м лицензионном блоке). Также стороны договорились начать переговоры «о заключении долгосрочного контракта по реализации туркменского природного газа на границе Туркменистана для дальнейшей его транспортировки на мировые энергетические рынки».

Тем не менее публично ни туркменская, ни российская стороны не демонстрировали свои расхождения. В начале апреля в Туркменистане открылись Дни культуры Российской Федерации. 10 апреля в Ашхабаде прошло заседание Совета министров иностранных дел СНГ, и президент Туркменистана провел встречу с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым. Между тем 9 апреля на магистральном газопроводе «Средняя Азия–Центр» произошел взрыв, сообщений о котором в туркменской прессе ни в этот период, ни позднее не было. Обстоятельства этого взрыва до конца неясны, поэтому версий можно строить много. Но в любом случае поставки туркменского газа были приостановлены не только на период восстановительных работ на трубопроводе, но и на более длительный срок.

Визит в Ашхабад заместителя главы российского правительства Игоря Сечина, пытавшегося разрядить ситуацию, связанную с аварией и прекращением поставок, не дал результатов. Несколькими днями позднее в Ашхабаде была проведена международная конференция «Надежный и стабильный транзит энергоносителей и его роль в обеспечении устойчивого развития и международного сотрудничества». Уже сам по себе этот факт свидетельствовал о том, что туркменские власти стали активно осваивать новые формы в своей внешней политике. Причем осваивать достаточно успешно, поскольку на конференцию прибыло много высокопоставленных гостей, в том числе руководителей ряда международных организаций. Было очевидно, что Туркменистан и Россия ведут скрытые от посторонних глаз активные переговоры. Ашхабад не был настроен на резкое осложнение отно-

шений с Москвой. Поэтому в рамках визита делегации Республики Татарстан он пошел на заключение контракта с компанией «КамАЗ» на покупку сразу 400 автомобилей на общую сумму почти 22 млн. долл. Кроме того, из Татарстана в республику осуществлялись поставки вертолетов с Казанского вертолетного завода. Ашхабад также заключил контракт на строительство танкеров тоннажем 7 тыс. т с российским акционерным обществом «Завод Красное Сормово».

В сентябре 2009 г. туркменский и российский лидеры встретились дважды: сначала на саммите глав Прикаспийских государств в казахстанском городе Актау, а затем в Туркменбаши, где завершался этап международного авторалли «Шелковый путь-2009». На последней встрече было подписано соглашение с российской газовой компанией «Итера», которую допустили к освоению морского блока 21 туркменского сектора Каспийского моря. Российской компании будет выдана лицензия на разведочные работы сроком на шесть лет. При обнаружении промышленных запасов углеводородов на договорной территории оператор имеет право подать заявку на получение лицензии на их промышленную добычу сроком на 20 лет с возможностью ее продления еще на пять лет. Пока на блоке 21 в результате ранее проведенных сейсмических исследований были обнаружены перспективные структуры, среди которых наиболее крупной является «Западный Эрдекли»: 158 млн. т нефти и 62 млрд. м³ природного газа. По предварительной оценке инвестиции в данный проект могут составить около 1 млрд. долл.

Ашхабад посещали и делегации российских регионов (Астраханской, Свердловской областей, Республики Татарстан и Санкт-Петербурга). Но лишь в конце ноября наметились наконец признаки сближения позиций Москвы и Ашхабада. Состоялся рабочий визит президента Бердымухамедова в Москву. Впрочем, туркменские власти опять сделали паузу, выждали момент, когда 14 декабря был запущен Трансазиатский газопровод в Китай, и только после этого пошли на заключение соглашений с Россией, для чего потребовался рабочий визит российского лидера в Ашхабад в последней декаде декабря 2009 г. Было достигнуто соглашение о возобновлении поставок туркменского газа в Россию в объеме до 30 млрд. м³. Этим «Газпром» по договоренности с туркменской стороной внес изменение в подписанный еще в апреле 2003 г. долгосрочный договор о поставках туркменского газа в Россию. Подписанный новый контракт между ООО «Газпромэкспорт» и ГК «Туркменгаз» предусматривает, что поставки топлива будут осуществляться «на основе формулы цены, которая полностью соответствует условиям европейского газового рынка».

Впрочем, что понималось под данной формулировкой, стороны традиционно не уточнили. Стоимость газа должна была на сей раз рассчитываться ежеквартально. По сообщениям СМИ, цена на туркменский газ в первом квартале 2009 г. была зафиксирована на уровне 195 долл. за 1 тыс. м³. Сами поставки газа возобновились только 9 января 2010 г.

Несмотря на серьезный газовый конфликт с Россией, в целом по итогам года российско-туркменские отношения сохранили позитивную динамику. Россия осталась основным торговым партнером Туркменистана. Взаимный товарооборот даже без учета газовых поставок в 2009 г. составил 1,247 млн. долл., темпы роста товарооборота – 24,4% (без учета поставок газа). Но в сфере двусторонних взаимоотношений по поставкам природного газа действительно произошел обвал. Если в предшествующий период (2007–2008) «Газпром» закупал примерно по 42 млрд. м³ туркменского газа, то в 2009 г. он импортировал всего 9,5 млрд. м³, тогда как контрактом был предусмотрен объем поставок в 41 млрд.

Отношения Туркменистана с Азербайджаном. Другим также весьма значимым фактором во внешней политике Ашхабада стала нормализация отношений со своим ближайшим соседом – Азербайджаном. Автор этих строк не склонен разделять весьма распространенного и одновременно примитивного мнения о том, что Сапармурат Ниязов, сльвиший взбалмошным и болезненно тщеславным диктатором, в свое время рассорился с Гейдаром Алиевым из-за личной неприязни. Эта версия на руку тем, кто упрощает истинную подоплеку современных конфликтов между государствами и одновременно преувеличивает добродетели современных правителей.

В 90-е годы прошлого века при Гейдаре Алиеве и Сапармурате Ниязове трения между двумя странами касались широкого спектра проблем, а вовсе не только спора об одном-единственном месторождении на Каспии, как пытаются представить это сегодня. Азербайджан лишь с начала нынешнего века стал потихоньку выходить из экономического кризиса. А в середине 90-х годов власти в Баку едва успевали гасить многочисленные мятежи то сторонников свергнутого президента Эльчибея, то самозванных полевых командиров ОПОНа. Далеко не все было нормально и в отношениях Баку с соседними республиками. Например, тогда Азербайджан не экспортировал, как сегодня, природный газ, а импортировал его, в том числе и из Туркменистана. Именно в те годы возникла проблема задолженности Азербайджана за поставки туркменского газа. 13 лет она как заноза мешала взаимоотношениям двух стран. И только в 2008 г. стороны

пошли на компромисс. Азербайджан признал факт этих долгов и согласился на выплату в размере чуть выше 48 млн. долл. Ашхабад же не стал настаивать на возмещении штрафов и пени по данной задолженности.

Урегулирование проблемы долгов должно было стать необходимым условием для решения гораздо более масштабных вопросов. Очевидно, что целями Баку было согласие Ашхабада на подключение его к так называемому Транскаспийскому магистральному газопроводу, который, в свою очередь, должен был стать частью продвигаемого ЕС проекта «Набукко». Но существенного прогресса на этом пути достичь не удалось. Не в последнюю очередь в силу того, что в очередной раз споткнулись на проблематике спорных месторождений на Каспийском море. Дело в том, что при Гейдаре Алиеве в 1995 г. принимается новая Конституция Азербайджана, п. 2 ст. 11 которой объявлял составной частью территории данного государства весь так называемый азербайджанский сектор Каспийского моря. При этом границы этого сектора не были зафиксированы в принятой в международном праве форме.

Тогда власти в Баку просто явочным порядком постарались «застолбить» свои выгоды, благо у них имелись бóльшие, чем у Туркменистана, «стартовые возможности». Так уж сложилось исторически, что в Советском Союзе морская добыча нефти на Каспии осуществлялась преимущественно в акватории, расположенной вблизи Азербайджана, и силами нефтяников этой республики. Нефть на суше издревле добывали и в Азербайджане, и в Туркменистане, благо часто она залегала на небольших глубинах, и чтобы до нее добраться просто рыли колодцы. Когда в 80-х годах XIX в. на каспийском побережье Туркменистана стали бурить промышленным способом первую скважину, то нефть из нее пошла с глубины всего 37 м.

Спорными между Туркменистаном и Азербайджаном являлись не одно месторождение «Кяпаз» (в туркменском варианте названия – «Сердар»), а как минимум еще три. Именно так заявляли в 90-е годы лидеры и Азербайджана, и Туркменистана. Обе конфликтующие стороны представляли в качестве доказательств карты, изготовленные для хозяйственных нужд в период СССР. Карты эти имели разночтения, поскольку министерства нефтегазовой промышленности обеих союзных республик и не помышляли о том, что изготовленные ими схемы кто-то будет использовать в политических целях. По мнению президента Ниязова, согласно этим схемам, спорное месторождение «Чираг» (советский вариант названия – «Каверочкин», по имени знаменитого нефтяника, который был первопроходцем в морской добыче

на Каспии) было расположено в 132 км от туркменского берега и в 148 км – от азербайджанского. Другое месторождение – «Азери» (советский вариант названия – «Имени 26 Бакинских комиссаров») находилось в 118 км от туркменского берега и в 160 км от азербайджанского. Месторождение же «Кяпаз» (советский вариант названия – «Промежуточное») находилось в 104 км от туркменского и в 184 км от азербайджанского берега. Поэтому президент Ниязов тогда рассматривал «Азери» и «Кяпаз» как месторождения, расположенные целиком в секторе моря, который должен отойти Туркменистану, а месторождение «Чираг» попадало в него частично.

Ситуация осложнялась тем, что и Баку, и Ашхабад активно пытались втянуть в этот спор внешние силы, в том числе и Россию, причем не в качестве арбитров, а в качестве своих союзников де-факто. В 1995 г. российский «ЛУКОЙЛ» подписал с Министерством нефти и газа Туркменистана договор о разведке и разработке месторождения «Кяпаз». Однако позднее ответный удар нанесли азербайджанские власти. Им удалось переманить россиян. 4 июля 1997 г. азербайджанская сторона подписала в Москве контракт с российскими компаниями на разработку структуры «Кяпаз». В итоге разразился острый дипломатический конфликт. В июле 1997 г. МИД Туркменистана выступил с резким заявлением, в котором выдвигалось требование аннулировать новое соглашение. Одновременно Ашхабад провел переговоры с Ираном и Пакистаном по закупкам сторожевых катеров для береговой охраны. А президент Туркменистана вылетел в Москву, где добился от Ельцина аннулирования заключенного российскими компаниями соглашения. Российская сторона даже принесла Ашхабаду свои извинения. Президент Туркменистана тогда не раз подчеркивал, что хотя месторождение «Промежуточное» было выявлено еще в 1959 г. азербайджанскими геологами, а буровые работы на нем начались только в 1986 г., не кто иной, как сам президент Азербайджана Гейдар Алиев, находясь с визитом в Ашхабаде в мае 1997 г., заявлял, что у его страны нет никаких претензий на «Кяпаз», а переговоры азербайджанцы будут вести только по месторождениям «Азери» и «Чираг». Поэтому не сумасбродство Ниязова было причиной конфликта. Он как раз стоял на страже национальных интересов Туркменистана.

Так или иначе, но Ильхам Алиев и Гурбангулы Бердымухамедов нашли в себе волю не следовать слепо прежним путем. 20 мая 2008 г. в столице Азербайджана побывал с визитом президент Туркменистана. В столице Азербайджана туркменского лидера пригласили в Бакинский государственный университет, где состоялась торже-

ственная церемония присвоения ему звания почетного доктора Бакинского государственного университета «за выдающийся вклад в укрепление туркмено-азербайджанских отношений, развитие науки и образования». Президенту Туркменистана были вручены соответствующий диплом и мантия.

Такие акции раньше практиковали украинцы в отношении Ниязова. Они приезжали в Ашхабад и привозили президенту Туркменистана ордена Украины, надеясь взамен получать туркменский газ по дешёвке. Ниязов, кстати, при всем своем тщеславии, на это редко покупался. Бердымухамедов пока тоже не купился. Никаких действительно значимых соглашений по принципиальным вопросам во время визита в Баку так и не было подписано. Заключили лишь несколько второстепенных двусторонних документов, в числе которых межправительственные соглашения о международных комбинированных грузовых перевозках, о сотрудничестве в области молодежной политики и спорта, о международном автомобильном сообщении, о сотрудничестве в области стандартизации, метрологии, сертификации и аккредитации.

Не привел к существенным прорывам в отношении Транскаспийского трубопровода и официальный визит президента Азербайджана в Ашхабад в ноябре 2008 г. Тем не менее отношения двух соседних стран избавились от части прежних фобий, и теперь можно ожидать их дальнейшего развития. Свидетельством этому стали двусторонние мероприятия, в частности прошедший в июне 2008 г. Туркмено-азербайджанский экономический форум в Ашхабаде и туркмено-азербайджанская конференция в Баку в сентябре 2008 г. Азербайджан вышел на шестое место в списке основных торговых партнеров Туркменистана.

Но в 2009 г. власти Ашхабада, вопреки прогнозам ряда экспертов, вернулись к своей прежней позиции в споре по разграничению акватории и дна Каспийского моря, который существует у республики с соседним Азербайджаном. Со ссылками на международную Конвенцию о континентальном шельфе 1958 г. и Конвенцию по морскому праву 1982 г. МИД Туркменистана летом 2009 г. подтвердил, что будет настаивать на разграничении дна и недр Каспийского моря с Азербайджаном «без учета влияния полуострова Апшерон и острова Жилой», которые, по мнению Ашхабада, являются теми «особыми обстоятельствами», что оговорены упомянутыми конвенциями и могут быть исключены при определении прохождения срединной линии, разделяющей границы секторов Азербайджана и Туркменистана. Тем самым этот давний конфликт остается пока неразрешенным.

Стали оформляться и отношения между Туркменистаном и Таджикистаном. Заработала двусторонняя межправительственная комиссия. Правда, обещанные Ашхабадом поставки электроэнергии и природного газа Таджикистану так и не удалось полностью выполнить не в последнюю очередь из-за позиции того же Узбекистана, находившегося по целому ряду вопросов в острой конфронтации с Душанбе. Тем не менее в тяжелый период зимних холодов были осуществлены поставки дизельного топлива.

Узбекский вектор. Позитивная динамика наблюдалась и в отношениях с другим соседом Туркменистана – Узбекистаном. В начале 2008 г. в Ашхабаде прошли заседания туркмено-узбекской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству и Национальная выставка «Республика Узбекистан». В марте того же года состоялся государственный визит президента Туркменистана в соседнюю страну. После охлаждения отношений между соседями, вызванными событиями, связанными с покушением на президента Ниязова в 2002 г., Ашхабад и Ташкент постепенно укрепляют торговые связи, прирост которых достигает 50% в год. Хотя плотность экономических контактов по-прежнему невелика: так, в Туркменистане зарегистрировано всего десять предприятий с участием узбекского капитала.

Нельзя забывать, что узбекский вектор внешней политики Ашхабада в период президентства Ниязова не мог похвастаться значимыми достижениями. Для этого был ряд причин. Прежде всего отметим, что в постсоветской Центральной Азии у Узбекистана сложилась неоднозначная репутация. Это самое крупное по демографическому потенциалу государство воспринималось рядом бывших союзных республик как источник определенных потенциальных рисков для их национальных интересов. Туркменистан не был исключением, хотя объективности ради надо упомянуть, что в туркменской политической элите и в массе населения данной республики подобные настроения имели куда меньшее распространение, чем в случае Таджикистана или Киргизии. В силу исторических причин этнические узбеки составляют внушительные диаспоры во всех сопредельных с Узбекистаном странах. В Туркменистане это второй по численности после туркмен этнос. Их относительно компактное расселение в районах правобережья Амударьи, т.е. в регионе, примыкающем к туркмено-узбекской границе, не могло не создавать определенных проблем. Поскольку в прошлом двух соседних народов можно легко найти примеры далеко не добрососедского поведения по отношению друг к другу и учитывая, что в начальный период обретения незави-

симости все национальные элиты Центральной Азии обосновывали свою государственность, активно используя националистические по своей сути постулаты, этот фактор в политической сфере вынуждал Ашхабад накладывать жесткие ограничения и на деятельность узбекской общины внутри страны, и на ее контакты с Узбекистаном.

Другой группой причин стали тенденции в экономической сфере. Оба государства отвергли вариант реформ по образцу так называемой «шоковой терапии». Узбекистан проводил откровенно протекционистскую политику, стараясь сохранить контроль государства над хозяйственным комплексом республики и не допустить негативных моментов при внедрении элементов «свободной игры рынка». К этому его побуждал все тот же демографический фактор: население активно увеличивалось, а рабочие места не удавалось создавать такими же темпами. Туркменистан, не обладавший таким индустриальным потенциалом, как соседний Узбекистан, в меньшей степени был заинтересован в защите отечественного производителя. Но по ряду позиций туркменский рынок также нуждался в протекционистских мерах, но уже по ограничению неконтролируемого экспорта некоторых товаров. Ведь туркменская власть в экономической сфере также не приняла теории «свободной игры рынка». В частности, была установлена система государственного ценового патронирования над группой социально значимых товаров. Ряд продуктов питания, электроэнергия, природный газ для бытовых нужд, автомобильный бензин распределялись среди населения либо со значительными скидками по цене, либо бесплатно (при соблюдении ограничений по количеству). Данные продукты естественно могли поэтому стать предметами получения материальной выгоды в случае их контрабандного вывоза из Туркменистана в Узбекистан. И этим активно пользовалось население приграничных районов. Например, автомобильный бензин переправляли через границу, просто перенося на своих плечах канистры с топливом. Официальные власти поэтому были заинтересованы в ограничении подобной практики путем установления дополнительных запретов и барьеров в отношении своего населения с Узбекистаном.

Наконец, хотя по характеру политического режима системы Туркменистана и Узбекистана во многом схожи, это не исключало настороженности между лидерами двух государств. Например, в 2002 г. между Ашхабадом и Ташкентом произошло резкое охлаждение отношений, а в средствах массовой информации стали появляться материалы чуть ли не о грядущем военном конфликте двух соседних стран, сопоставляться военные потенциалы государств. Поводом к

такому повороту стало покушение на жизнь президента Ниязова, осуществленное группой заговорщиков, имевших, как показало следствие, какое-то отношение к дипломатической миссии Узбекистана в Ашхабаде.

В любом случае, при новом президенте Туркменистана все эти моменты разногласий между двумя государствами в значительной степени потеряли свою остроту. Официальный Ташкент никак не проявлял своих намерений использовать узбекскую диаспору Туркменистана в своих интересах. Более того, даже политика насаждения отдельных этнократических элементов в повседневную жизнь этой диаспоры со стороны туркменских властей (например, требования к ученикам средних учебных заведений посещать занятия исключительно в туркменских национальных костюмах) не вызывала протестов властей Узбекистана. По нашему мнению, заслуг властей Ашхабада в этом не было. Наверняка в Ташкенте сочли за благо не ссориться со своими соседями «по всем фронтам», предпочитая в одних и тех же ситуациях действовать разными методами: в отношении Киргизии и Таджикистана – с одним подходом, Туркменистана и Казахстана – с другим. В том числе, исходя из аналогичных соображений, без особых трудностей была отрегулирована проблема пограничного размежевания Туркменистана и Узбекистана. Водная проблематика также не стала предметом раздора, хотя развернутое в Туркменистане строительство гигантских ирригационных сооружений обостряло региональный по своему характеру кризис с нехваткой воды, как и планы строительства ГЭС в верховьях Амударьи и Сырдарьи. Со временем потеряла свою остроту и проблема контрабанды, после того как в Туркменистане были резко повышены цены на автомобильный бензин. Негативные риски же перемещения товаров частными лицами из Туркменистана в Узбекистан были куда меньшими, чем из Киргизии в Узбекистан. Ведь в постсоветский период киргизы попытались стать чуть ли не основными торговцами товаров из Китая в регионе, тогда как для туркмен сохранялись введенные государством административные ограничения не только на выезд за границу, но даже на перемещение внутри Туркменистана.

Так или иначе, но все это способствовало налаживанию связей между Ашхабадом и Ташкентом. При президенте Бердымухамедове сотрудничество с Узбекистаном поднялось на новый качественный уровень, что не могло бы произойти без определенного политического доверия между лидерами двух государств и без расчетов на получение взаимной экономической выгоды. Руководители Туркменистана и Узбекистана подписали ряд соглашений, позволяющих

расширить двусторонние экономические связи и создать новые рынки для сбыта продукции своих национальных производителей. В перспективе же было намечено подготовить документ о свободной торговле.

Возможно, не будь взаимной заинтересованности Ашхабада и Ташкента в использовании транзитного потенциала друг друга (узбекской территории для поставок туркменского природного газа по трубопроводу в сторону Китая, а туркменской – для поставок аграрной и промышленной продукции Узбекистана на рынки Ближнего и Среднего Востока и Европы), то подобного сближения бы не произошло. Однако в любом случае данная тенденция может получить положительную оценку. Более того, с нашей точки зрения, можно говорить даже и о том, что в регионе Центральной Азии происходит попытка создать пока полностью неинституционализованные, но уже оформленные на уровне двусторонних отношений центры экономического взаимодействия. И одним из таких центров является тандем Туркменистана и Узбекистана. Вряд ли этот тандем будет прочным, а тем паче – более конкурентно успешным, чем ЕврАзЭС или Таможенный союз, куда входит Казахстан. Тем не менее одним из мотивов сближения Ашхабада и Ташкента наверняка являлась попытка властей Узбекистана после приостановки своего членства в ЕврАзЭС найти новые каналы регионального экономического взаимодействия.

* * *

После прихода во власть президента Бердымухамедова Туркменистан подвергся проверке на прочность. Испытанием для него стал мировой финансовый кризис, начавший свое «победное» шествие по планете в самом конце лета 2008 г. Надо отметить, что Туркменистан не оказался в числе аутсайдеров. Правда, произошло это по большей части отнюдь не благодаря какой-то прозорливой политике властей, продуманным правительственным программам. Просто благоприятно сказались сразу несколько факторов.

Во-первых, Туркменистан, избравший в постсоветский период модель тоталитарной модернизации, в экономической сфере не допустил глубокого развития действительно рыночных отношений, с имманентно присущей такой системе свободой предпринимательства. Государственный патернализм в финансово-экономической области, при котором даже проекты и сметы на строительство отдельных жилых домов утверждались лично главой государства, осложняли либо блокировали саму возможность вовлечения туркменских бизнес-

структур в полноценный мировой оборот финансовых инструментов. Получение кредитов в иностранных банках, приобретение акций различных зарубежных фондов и компаний, продвижение на биржах собственных «голубых фишек», свобода валютных операций, включая и присущий им спекулятивный момент, – все эти и подобные им меры не были в чести у туркменского руководства. Но именно в силу такой архаично-консервативной политики ветры мирового финансового кризиса не смогли серьезно поколебать экономические устои Туркменистана.

Во-вторых, фактором, действовавшим в том же направлении, являлось обстоятельство, что экономическая модель Туркменистана базируется на доминантной роли природного газа – основного экспортного товара этой республики. Туркменистан не выступает сколько-нибудь значимым производителем и экспортером на мировой рынок ни металлов, ни нефти, ни зерна, ни автомобилей, – т.е. той группы товаров, спрос и цены на которые стали резко падать осенью 2008 г. В итоге он избежал и потерь от изменения мировой конъюнктуры. Спрос же на природный газ Туркменистана как раз только возрастал, конкуренция за него все более и более ожесточалась. Весь 2008 г. фактически прошел также под знаком повышения цен на природный газ. Ашхабад увеличил отпускные цены на него и в отношении России, и в отношении Ирана, а также добился согласия, хотя и недостаточно внятного и детализированного, от Китая в отношении цен на будущие поставки в эту страну. А в условиях, когда на европейском рынке цены на природный газ снижались со значительным опозданием по сравнению с ценами на сырую нефть, это обстоятельство давало Ашхабаду возможность иметь в 2008 г. неплохую финансовую опору в виде поступлений от экспорта газа. Более того, воспользовавшись новым курсом России на увеличение цен на поставляемый в страны СНГ, и прежде всего на Украину, газ, Туркменистан вместе с Казахстаном и Узбекистаном сумел добиться от России перехода с 2009 г. на новую формулу ценообразования на экспортируемый центрально-азиатский природный газ, что реально означало стремительный в несколько раз рост этой цены (на начало 2008 г. согласованная цена на поставки туркменского газа российскому «Газпрому» составляла 130 долл. за 1 тыс. м³). В итоге в 2008 г. наблюдался существенный рост внешней торговли Туркменистана: внешнеторговый оборот республики достиг 17,6 млрд. долл. Хотя уже в 2009 г. Ашхабаду не удалось сохранить благоприятное для себя действие высоких цен на экспортируемый природный газ, внешнеполитическое положение Туркменистана от этого не пострадало.

Сфера внешней политики Туркменистана после смены главы этого государства в самом конце 2006 г. развивается весьма динамично. В январе 2009 г. была принята новая Военная доктрина Туркменистана. В данном документе отмечалось, что Туркменистан является миролюбивым государством, у которого нет споров ни с одним другим государством. Республика продолжала оставаться объектом внимания со стороны большинства мировых центров влияния благодаря богатствам своих недр. Грамотно пользуясь этим обстоятельством, туркменское руководство сумело не только избежать экономических трудностей из-за газового конфликта с российским «Газпромом», приведшего к длительной приостановке поставок природного газа, но и запустить сразу два новых магистральных газопровода: в Китай и Иран.

*«Внешние связи стран Прикаспия
в условиях глобального кризиса и интересы России»,
М., 2010 г., с. 52–87.*

Дина Малышева,
доктор политических наук
**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СВЕТЕ РОССИЙСКО-
АМЕРИКАНСКОЙ «ПЕРЕЗАГРУЗКИ»**

Объявленная в феврале 2009 г. «перезагрузка» российско-американских отношений, последовавшие вслед за тем шаги, направленные на восстановление взаимного доверия, на привнесение в эти отношения духа сотрудничества, несомненно, значимые для внешней политики России события. Неудивительно, что тема «перезагрузки» получила в научных публикациях, а также в дискуссиях, которые велись и продолжают вестись в экспертном сообществе, многочисленные истолкования, как позитивного, так и критического свойства. Данная статья не ставит целью провести анализ собственно российско-американских отношений в контексте их объявленной «перезагрузки». Предмет нашего внимания – развивающиеся на ее фоне, а также и в контексте операции США/НАТО в Афганистане, политические и международные процессы в постсоветских республиках Центральной Азии (ЦА) с участием в них России. Тем не менее смысл и содержание «перезагрузки» обозначить тоже важно.

К нормализации отношений с Россией («перезагрузке») администрация Обамы пришла в силу ряда обстоятельств. Во-первых, без диалога двух крупнейших ядерных держав трудно

стало приостанавливать или ограничивать процесс распространения ОМУ, а конкретно – иранской ядерной программы: наступление на нее продолжает оставаться едва ли не приоритетным направлением американской внешней политики. Во-вторых, возросла заинтересованность США в сотрудничестве с Россией по другой, не менее важной для Вашингтона проблеме – афганской. В-третьих, превращение в глобальную сверхдержаву Китая, бросающего в известном смысле вызов первенству США в мировой экономической системе и политике, побудило американскую администрацию искать контактов с Россией, также опасющейся чрезмерного подъема этого своего азиатского соседа и конкурента в ЦА.

Оценивая содержание складывающихся в условиях «перезагрузки» российско-американских отношений, министр иностранных дел РФ С. Лавров подчеркивал: «Сказать, что нам стало легче работать в условиях прихода к власти в США демократической администрации президента Барака Обамы, означало бы серьезно упрощать ситуацию. Работы стало больше, но изменилось ее качество. Мы расчищаем те завалы, которые накопились при прежней администрации и вызывали глубокий кризис доверия в наших отношениях. По существу, мы в начале процесса возвращения наших отношений к норме, которая учитывала бы в том числе и нашу совместную ответственность за судьбы мира».

И действительно, к началу 2010 г. в результате возобновленно-го между двумя странами диалога тональность двусторонних отношений заметно улучшилась. Их важным промежуточным итогом стало подписание 8 апреля 2010 г. в Праге президентами РФ и США нового большого соглашения о сокращении и ограничении наступательных ядерных вооружений. Это событие свидетельствовало также и о том, что «перезагрузка» базировалась в основном вокруг этой крупной военно-стратегической проблемы. Все остальные обсуждаемые в связи с «перезагрузкой» вопросы стали в известной мере производными или же сопутствующими. И это несмотря на то что по некоторым из них США и Россия имеют сходные или, по крайней мере, сближающиеся позиции. Речь идет, в частности, о стабилизации ситуации в Ираке, Афганистане и Пакистане, о разрешении арабо-израильского конфликта, о противодействии международному терроризму и предотвращении превращения его в ядерный, о борьбе с наркотрафиком, пиратством, организованной преступностью и пр. Однако одинаковыми для США и России эти проблемы не являются.

Взять, к примеру, Ирак. Россия с самого начала была противницей применения в обход ООН силы против этого государства.

Вставшая теперь перед США проблема выхода из Ирака «без потери лица», с тем чтобы не оставлять за собой непогашенную конфликтную зону, Россию в целом затрагивает лишь опосредованно. Тем более что США активно противодействуют любым попыткам подключения России к миротворческому процессу в Ираке, активно препятствуют возвращению российских компаний в энергетическую сферу этой ближневосточной страны: из нее нефтяные компании РФ стали вытесняться сразу же после оккупации Ирака американскими войсками.

В разрешении конфликта между палестинскими арабами и евреями Россия участвует главным образом в качестве члена «ближневосточного квартета» (в составе РФ, США, ООН, ЕС), и то весьма опосредованно, поскольку после состоявшейся 27 ноября 2007 г. в американском городе Аннаполисе международной конференции Вашингтон провозгласил себя единственным посредником в урегулировании палестино-израильского конфликта. Это, впрочем, не привело к существенным сдвигам в его разрешении, но зато в какой-то мере развязало Москве руки, поскольку позволило российской дипломатии вполне свободно действовать самостоятельно, поддерживать контакты с политическими силами на Ближнем Востоке («Хамас»), с которыми США отказываются вести диалог.

Не вполне совпадает с американской и позиция России по иранской ядерной проблеме. Сам Иран на протяжении нескольких последних лет в известной мере использовал Россию как своего сторонника для создания собственной ядерной программы. В России это осознают, однако и играть по правилам, диктуемым из Вашингтона, тоже не особенно стремятся, а нависшая над Ираном американо-израильская угроза применения против него военной силы «напрягает» Россию, которая видит в случае претворения в жизнь этой угрозы огромные риски для собственной безопасности. В марте 2010 г. госсекретарь США Х. Клинтон призвала к введению в отношении Ирана «зубастых» санкций, в связи с чем президент России сделал уточнение: введение санкций возможно, но они должны быть «выверенными и умными». Одновременно с этим премьер-министр РФ В. Путин сообщил о том, что запуск первого блока Бушерской АЭС состоится летом 2010 г. Так что в вопросе об окончательном выборе российской позиции в пользу американских предложений по Ирану, включая сюда и предлагаемые Вашингтоном санкции против этой страны, рано еще ставить точку.

Не устраивает Россию и сосредоточение внимания всего потенциала международных сил на решении одной отдельно взятой про-

блемы – «международного терроризма», как к тому продолжают призывать некоторые американские политики (президент Б. Обама – в меньшей степени), притом что существующая архитектура безопасности остается, по мнению российской стороны, неэффективной, работающей с отрицательным результатом. В России в связи с этим считают: в иерархии угроз международной безопасности приоритет должен быть отдан ликвидации афганского наркопроизводства, ибо оно стало питательной базой для таких зол, как терроризм и исламистский экстремизм.

Есть в отношениях России и США, а также возглавляемой ими НАТО другие проблемы, по которым серьезные разногласия так и не были сняты «перезагрузкой». Озабоченность в России по-прежнему вызывают активно поддерживаемые США попытки наделить НАТО глобальными функциями. Это касается и приближения военной инфраструктуры Альянса к границам России, и разработки новых сценариев использования силового потенциала НАТО в обход международного права в непрофильных сферах – энергобезопасности, киберзащите, изменении климата в Арктике.

Не привела «перезагрузка» и к кардинальному пересмотру подходов США к роли России на постсоветском пространстве, хотя в этом вопросе нельзя не заметить некоторых изменений. Администрация Обамы не относит сегодня постсоветское пространство к числу жизненно важных интересов США, и только отдельные американские политики продолжают оспаривать право России на привилегированные интересы в СНГ, заявляя о недопустимости попыток ее «доминирования» в бывших советских республиках. Да и в целом действующей американской администрации не свойственна «пассионарность», отличавшая предшественников Обамы, наделивших себя монопольным правом трактовать демократию, определять законность или незаконность национальных демократических моделей, инициировавших в известной мере и «цветные» революции в СНГ, и Войну 08.08.08.

Так вот, в отношении ухода «оранжевых» с политической сцены Украины после президентских выборов (17 января и 7 февраля 2010 г.) или второй киргизской революции 6–7 апреля 2010 г. Вашингтон занял внешне отстраненную позицию, что, впрочем, может быть объяснено не «прозрением» администрации относительно тщетности усилий по насаждению демократии в переходных постсоветских обществах или же воздействием «перезагрузки». Скорее всего, в условиях дефицита ресурсов и внутренней нестабильности, рожденных глобальным финансовым кризисом, США и их партнеры сочли

более приемлемым для себя временно отступить с некоторых своих позиций в СНГ, рассчитывая в скором времени туда вернуться. Примечательным в этой связи выглядит высказывание известного американского политолога Ариэля Коэна: «Когда первоначальный шок от второй киргизской революции пройдет, администрации Обамы надо будет снова включить постсоветское пространство в список американских геополитических приоритетов. На кон поставлены наши усилия в Афганистане, а также присутствие Запада в центре Евразии». Пока же США не возражают против того, чтобы Россия взвалила на себя ответственность за поддержание порядка в ЦА и на постсоветском пространстве в целом.

Афганская компонента «перезагрузки»

Военная операция США в Афганистане, получившая название «Несокрушимая свобода» («Enduring Freedom»), началась в октябре 2001 г. в ответ на теракты 11 сентября. После разгрома основных сил движения «Талибан» в Афганистане была развернута военная миссия НАТО (ISAF – International Security Assistance Force), которая действовала на основании резолюции Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г. 11 августа 2003 г. НАТО взяла на себя функции «стратегического командования, контроля и координации деятельности Международных сил содействия безопасности для Афганистана (МССБ)», а 1 октября Североатлантический совет одобрил долгосрочную стратегию НАТО «в осуществлении ее роли в составе МССБ в Афганистане». Об этом Генеральному секретарю Совета Безопасности ООН сообщил в письмах от 2 и 6 октября 2003 г. Генеральный секретарь Организации Североатлантического договора лорд Робертсон. Операция в Афганистане вывела, таким образом, Альянс за пределы Евро-Атлантического региона, способствовала давно планировавшейся трансформации НАТО в глобальную организацию и превращению ее в «демократическую» альтернативу якобы изжившей себя ООН.

В наши дни Соединенные Штаты официально заявляют о двух своих стратегических императивах в зоне конфликта. Первый – окончательное уничтожение «Аль-Каиды» и поддерживающего ее «Талибана», второй – предотвращение радикализации Пакистана, что позволит исключить возможность попадания ядерных арсеналов в руки местных исламистов. В отличие от предшествующей администрации команда Обамы не акцентирует внимания на распространении демократии западного типа в этих государствах Востока. Предложенная

американским президентом обновленная стратегия по Афганистану и Пакистану («доктрина АфПак», как ее стали именовать в американских политических и медийных кругах) предусматривает активное использование «мягкой силы», дипломатии и компромисса.

Реализовывать эти задачи США намерены и после июля 2011 г. – времени «ухода» из Афганистана, объявленного президентом США 1 декабря 2009 г. в военной академии Вест-Пойнт. Но эта дата, уточнил советник президента США по национальной безопасности генерал Джеймс Джонс в своем выступлении в вашингтонском Центре американского прогресса (Center for American Progress), не является датой вывода американских войск из Афганистана, а лишь началом передачи «ответственности афганским властям и вооруженным силам». Тем самым США, утверждает Джонс, посылают «важный сигнал афганскому народу: мы не заинтересованы в продолжении бесконечной войны или оккупации страны, мы хотим стать партнерами, а не патронами». То есть речь идет об отправке в Афганистан взамен незначительно сокращаемого в 2011 г. воинского контингента другой «армии» – гражданских советников. Пока же раздробленный и охваченный военными конфликтами Афганистан, в котором процветают теневая экономика и наркобизнес, все еще далек до восстановления и укрепления. Не удастся также уничтожить талибов как силу, способную реально противостоять США и их союзникам.

Россия, как и США, заинтересована в том, чтобы Афганистан не превращался больше в источник угроз миру и стабильности, чтобы там не оставалось «серых зон», где могли бы найти прибежище международные террористы, и чтобы были подорваны основы наркоэкономики Афганистана. И в этом плане Россия только приветствовала выполнение этих задач многосторонними силами под руководством США. Российская Федерация считает также, что в контексте поиска модели надежного, устойчивого урегулирования было бы принципиально важным предусмотреть провозглашение нейтрального статуса Афганистана. Об этом министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил по итогам своего визита в Туркменистан 16 марта 2010 г.

Российское руководство оказывает и практическое содействие международной коалиции в Афганистане. Россия заключила двусторонние межправительственные соглашения с Германией, Францией и Испанией о железнодорожном транзите в Афганистан их военного имущества и персонала через свою территорию. В июле 2009 г. были подписаны соглашения, позволяющие США производить до 4500 полетов в год над территорией России для транзита военных грузов для сил коалиции в Афганистане. Москва обязалась также готовить аф-

ганских полицейских для борьбы с наркобизнесом на базе одного из учебных заведений МВД. Но это партнерам России по «перезагрузке» кажется недостаточным, и Россию уговаривают вернуться в Афганистан в качестве союзника тех сил, которые в свое время образовывали «единый фронт борьбы афганского народа с советской оккупацией», формировали отряды моджахедов, снабжали их оружием, содействовали созданию «Аль-Каиды» и «Талибана». Отказываясь принимать участие в военных операциях коалиционных сил в Афганистане, российское руководство утверждает: ключ к решению афганской проблемы лежит не в военной, а в мирной плоскости. США и их союзники по НАТО в принципе не возражают против этого. Другое дело, что помимо официально провозглашенных задач – обеспечения безопасности, борьбы с «Аль-Каидой» и талибами, восстановления гражданского правления в Афганистане и налаживания партнерства с Пакистаном – ими преследуются и другие цели, которые не имеют никакого отношения к интересам России в регионе, а в чем-то и являются вызовом им.

Так вот, в Афганистане и ЦА формируется военно-стратегический плацдарм, значительно превосходящий по своим масштабам и мощи те потребности, которые нужны для проведения локальной и ограниченной временными рамками военной операции. Этот плацдарм включает в себя в общей сложности около 40 военных баз. Часть их располагает взлетно-посадочными полосами до 3,5 км, наземными и подземными сооружениями, станциями воздушного и космического слежения, самолетами дальнего радиолокационного обнаружения типа АВАКС в количестве, достаточном для контроля будущего возможного театра военных действий, охватывающего регион Центральной и Южной Азии. Военное руководство США и НАТО дает понять, что намерено сохранить эти стратегические объекты и после объявленного в 2011 г. ухода. Ведь США получают уникальную возможность держать под постоянным наблюдением ключевые государства Азии (Китай, Индию, Пакистан, Иран), а также постсоветскую Центральную Азию и Россию. США, кроме того, могут контролировать энергопотоки и трубопроводный транспорт Каспийского региона. Военное присутствие может быть использовано Вашингтоном и для манипулирования в регионе различными политическими силами и организациями (правозащитными, «оппозиционными», религиозно-экстремистскими и пр.) с целью воздействия на местные правительства в нужном для американской политики направлении. То есть имеются серьезные основания, чтобы предположить: территория Афганистана и дальше будет использоваться США

для закрепления в Евразии, которую Збигнев Бжезинский назвал в свое время «главным геополитическим призом для Америки».

Но такое не определенное никакими временными сроками присутствие в регионе посторонней военной силы нарушает существующие здесь балансы, подрывает безопасность и суверенитет государств, бросает серьезный вызов собственно российским интересам в Евразии. Отчасти пребывание США/НАТО в Афганистане невыгодно Китаю, поскольку их базы располагаются в непосредственной близости от его границ, а война может стимулировать сепаратистские движения среди преимущественно мусульманского уйгурского населения Синьцзяна. Не устраивает Китай и усиление американской военной мощи в Южной Азии: в 2005 г. Киргизия не разрешила полеты американских «Аваксов» с базы в Манасе вдоль своей границы с КНР, однако никто не запрещает им теперь производить их из Шинданда и Баграма. Разделяет китайские опасения и Индия, но по другой причине: ее пугает возможность поглощения Афганистана Пакистаном, что, без сомнения, усилит главного геополитического противника Индии в регионе.

Представляется в этой связи, что сильно заблуждаются те в России, кто уверовал, что Америка и ее союзники сделают в Афганистане за Россию «грязную работу» – поборются с терроризмом и религиозным экстремизмом, искоренят наркотрафик и т.п., и потому Россия получит колоссальную выгоду от поддержки международной коалиции. На самом же деле США как крупнейшая мировая экономическая, военная, информационная держава, которая по-прежнему держит многое в мире под своим контролем, преследуют в своих внешнеполитических начинаниях, включая сюда и афганскую эпопею, в первую очередь собственные интересы. А потому ни за Россию, ни за кого другого никакую «работу» они делать не будут; США «работают» исключительно на себя и на свои собственные интересы. И эти интересы вовсе не предусматривают восстановления России в качестве великой державы, как не предусматривают они поддержки интеграционных усилий России в ЦА либо согласия с сохранением ее доминирования в энергетической сфере.

Иллюзорным видится и расчет на то, что США в знак признательности за содействие России афганским операциям Альянса пойдут на встречные уступки по чувствительным для России вопросам, касающимся в первую очередь ближнего зарубежья. Да, оно пока выведено из сферы американских первоочередных интересов ввиду стоящих перед администрацией США более сложных и неотложных задач – преодоления экономического кризиса, завершения

военной фазы операций в Ираке и «АфПаке», решения иранской проблемы. Однако же США сохраняют преемственность в политике, касающейся воевавшей с Россией в августе 2008 г. Грузии: ее ремилизации Пентагон оказывает живейшее содействие. Есть и другие примеры.

Отказавшись в 2009 г. в преддверии заключения с Россией соглашения о транзите в Афганистан от включения Украины и Грузии в План действий по членству, предусматривавший ускоренную и облегченную подготовку к вступлению в НАТО, лидеры США и НАТО вовсе не сняли с повестки дня вопрос о дальнейшей географической и политико-правовой экспансии Альянса, о расширении его в восточном направлении. Они просто отложили его. Продолжают США развивать в обход России, а зачастую и в противовес ей, интенсивные двусторонние контакты с закавказскими и центральноазиатскими государствами, брать на себя посреднические функции в разрешении местных «замороженных» конфликтов. Как и раньше, США активно продвигают энергетические и транспортные маршруты («Набукко») в обход России. Не сданы в архив и активно задействованные в период президентства Дж. Буша-мл. геополитические проекты – «Большого Ближнего Востока» («Greater Middle East») и «Большой Центральной Азии» («Greater Central Asia»), – которые с включением в них Афганистана должны, как предполагается, стать «мостом», соединяющим ББВ с «дружественными США» странами Южной Азии, способствовать «перепрофилированию» постсоветской Центральной Азии с российского на афгано-южноазиатское направление. Эти проекты видятся американским стратегам как своего рода противовес не устраивающему их процессу вовлечения стран ЦА в орбиту интересов Китая, Ирана, Пакистана, а также, разумеется, и России.

Особо следует выделить проблему наркотрафика из Афганистана, и здесь несовпадение российских и американских подходов еще более очевидно.

Россия неоднократно и напрямую призывала США и возглавляемые ими силы международной коалиции в Афганистане положить конец усилившемуся после 2001 г. наркопотоку из этой страны. Эта угроза стала настолько зловещей, что глава Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) РФ В.П. Иванов сравнил ситуацию с поставками афганского героина в Россию с «опиумными войнами» в Китае на рубеже XIX–XX вв. Иванов заявил также: «Наркотрафик из Афганистана приобрел характер “агрессии против России”, за которую должны нести ответственность США и НАТО». Выступая 24 марта 2010 г. в Брюсселе на расширенном заседании Совета

Россия–НАТО, председатель ФСКН представил российский план ликвидации афганского наркопроизводства «как практическую базу для консолидации усилий России и государств Североатлантического блока», обратив внимание на то, что «от эффективности совместных действий на этом направлении зависит стабильность, как Евразии, так и мира в целом». Представители НАТО и США не стали даже обсуждать этот план, а лишь посоветовали России принять более активное участие в операции по борьбе с талибами в Афганистане.

Не идет руководство Альянса и на контакты с ОДКБ и ШОС, отвергая все их предложения, направленные на то, чтобы синхронизировать усилия по борьбе с наркопроизводством в Афганистане. Свой отказ военное командование США и НАТО в Афганистане объясняет опасениями увеличения в случае развертывания борьбы с местными наркопроизводителями нападений на блокпосты и, соответственно, умножения потерь среди американских и натовских военнослужащих. А то, что Россия и страны ЦА превратились в главный объект афганской наркоэкспансии, их мало волнует, как не слишком заботит и возможность дестабилизации Центрально-Азиатского региона, страны которого остаются весьма уязвимыми для любого, не только афганского, внешнего влияния.

Центральноазиатский элемент стратегии «АфПак»

Само стратегическое значение постсоветской Центральной Азии между тем возросло по мере превращения ее с лета 2009 г. в основной маршрут для транзита американских и европейских грузов в Афганистан – так называемый Северный коридор (в отличие от Южного, пролегающего через беспокойный Пакистан). По мере приближения афганской кампании к эндшпилю участились также заявления американских политиков о растущей угрозе Центральной Азии со стороны «Талибана» и «Аль-Каиды», об опасности усиления в регионе Китая, России и Индии, о том, что только НАТО является единственной дееспособной военной структурой, способной обеспечить безопасность ЦА. Это лишь убеждало Россию в том, что США не намерены распространять на ЦА «перезагрузку» своих отношений с ней, планируя единолично закрепиться в регионе.

Между тем эскалация в Афганистане/Пакистане боевых действий способна серьезным образом дестабилизировать ситуацию, ибо перемещения талибов разрушили ту хрупкую систему сдержек и противовесов, которая существовала во всем регионе. Присоединившим-

ся к афганскому «Талибану» этническим узбекам и таджикам (не обязательно являющимися участниками Исламского движения Узбекистана – ИДУ) приходится скрываться от «операций возмездия», проводимых международной коалицией во главе с США/НАТО, или же организовывать отдельные очаги сопротивления. Как альтернативный вариант они рассматривают возвращение на родину – в Ферганскую долину, которая и являлась изначально местом зарождения движения.

Есть у этой проблемы и другая сторона. В условиях тотальной безработицы в Таджикистане бегущие из Афганистана в поисках спасения от военных действий этнические таджики, не обязательно являющиеся участниками боевых формирований, столкнутся в Таджикистане с проблемами, поскольку они создают на рынке труда дополнительную конкуренцию. Она и без того усугублена глобальным финансово-экономическим кризисом, а также возвращением из России и Казахстана потерявших там работу трудовых мигрантов.

Впрочем, информация о злокозненных намерениях «боевиков из Афганистана» (ИДУ) может намеренно запускаться как американской стороной, так и центральноазиатскими правительствами. Американцы заинтересованы в расширении своего военного базирования. И потому сообщения и прогнозы относительно планов «талибов и исламистских экстремистов» могут служить информационным прикрытием для реального военно-политического закрепления США в ЦА после намеченного на 2011 г. сокращения войск в Афганистане. Для Узбекистана и ряда других государств ЦА раздувание внешней угрозы может служить основанием для «закручивания гаек» внутри страны и для получения международной финансовой помощи на цели «борьбы с террором». Представляется в этой связи, что самую большую угрозу государствам ЦА несут не Афганистан и не талибы, которые в массе своей – националисты-пуштуны, а подрывающий нормальную экономику ЦА наркотрафик и местные оппозиционеры, действующие часто под знаменем ислама.

США приложили немало усилий к тому, чтобы убедить страны ЦА в том, что рассматривают их в более широком контексте и не воспринимают только как придаток своей политики в Афганистане и Пакистане. Так, помимо развития двусторонних отношений между государствами региона и США с целью обеспечения надежности Северного коридора, приоритетными целями официальной политики Вашингтона в регионе были провозглашены: развитие и диверсификация его энергетических ресурсов; поддержка политической либерализации и соблюдение прав человека; содействие развитию рыночной экономики и проведению экономических реформ; предотвращение

полного распада государств, что было особенно актуально для Таджикистана и Киргизстана, которые, как отмечал помощник госсекретаря США Джордж Крол, все больше напоминали «несостоявшиеся государства».

Одним из проводников политики США в ЦА призван был стать созданный в конце 2009 г. по инициативе американских конгрессменов Совет по обсуждению проблем Центральной Азии. Его главными задачами провозглашались укрепление взаимоотношений в борьбе с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, содействие освоению природных ресурсов, становление демократического общества и соблюдение прав человека в государствах Центральной Азии. О заинтересованности американской администрации в ЦА говорят и размеры экономической помощи, предоставляемой государствам региона. Так, в 2011 фин. г. Киргизия получит 40,3 млн. долл. (в 2010 г. – 46 млн. долл.). Объем помощи Таджикистану немного сократится по сравнению с 2010 г. (42,5 млн. долл.), но составит в 2011 г. 41,5 млн. долл. Военные ассигнования Киргизии сократятся с 3,5 до 2,4 млн. долл.; Таджикистана – с 1,5 до 1,2 млн. долл. Объем помощи Узбекистану и Казахстану останется неизменным, а Туркменистану вместо 12,5 млн. долл., полученных им в 2010 г., достанется в 2011 г. 10 млн. долл.

Показателем активности Соединенных Штатов в Центральной Азии стали многочисленные визиты в этот регион высокопоставленных чиновников вашингтонской администрации. Так, на регулярной основе в 2009–2010 гг. Центральную Азию посещал генерал Д. Петреус, являющийся главой Центрального командования Вооруженными силами США в Центральном регионе (United States Central Command – USCENTCOM). Зона ответственности этой штабной структуры распространяется на территорию 30 государств на Среднем Востоке, в Восточной Африке и Центральной Азии. Благодаря усилиям этого высокопоставленного военного, а также дипломатической деятельности Госдепартамента, Вашингтону удалось отстоять авиабазу в бишкекском аэропорту «Манас», через которую, согласно Пентагону, ежемесячно в Афганистан и обратно следовали 15 тыс. военнослужащих сил коалиции и 500 т грузов.

Вынужденный из-за событий в Киргизии в апреле 2010 г. временно приостановить переброску своих войск в Афганистан через «Манас», Пентагон быстро нашел альтернативный маршрут через Казахстан. Подписав в вашингтонском Белом доме с этим партнером России по всем военным и экономическим объединениям в СНГ Соглашение о стратегическом партнерстве, американское руководство

намеревается осуществлять теперь полеты в Афганистан из США через Северный полюс и территорию Казахстана. Не исключено при этом использование военной инфраструктуры ВВС США в Казахстане, что будет означать дальнейшее расширение военного присутствия американцев в регионе. Ранее глава казахстанского МИД Канат Саудабаев, выступая на открытом заседании Совета Безопасности ООН, пообещал сфокусировать усилия ОБСЕ, где Казахстан в 2010 г. председательствует, на совершенствовании охраны границ Афганистана с его центральноазиатскими соседями. Запланирована также подготовка афганского персонала на базе пограничного колледжа ОБСЕ в Таджикистане и в таможенном учебном центре ОБСЕ в Киргизии.

И в целом Казахстан вывел сотрудничество с НАТО на качественно новый уровень. Так, 19 января 2010 г. в Брюсселе в ходе визита казахстанской делегации во главе с заместителем министра обороны РК генерал-лейтенантом Булатом Сембиновым состоялось заседание в формате «НАТО плюс Казахстан», на котором был одобрен и принят второй цикл Индивидуального плана действий партнерства Казахстана с НАТО (первый цикл был принят в 2006 г.). Кроме того, НАТО официально пригласила Казахстан присоединиться к миротворческим операциям в Афганистане, несмотря на то что Казахстан является членом ОДКБ и ШОС, которые неоднократно предлагали Альянсу сотрудничать в Афганистане.

Не исключено, что в скором времени будет возобновлено сотрудничество и по линии Узбекистан – НАТО, тем более что Узбекистан заявил о своей готовности оказать поддержку антитеррористической операции в Афганистане и разрешить Пентагону транзит через аэропорт «Навои» невоенных грузов для увеличивающегося американского контингента в Афганистане. Напомним, что и Германия сохранила свое присутствие на военной базе в приграничном с Афганистаном узбекском городе Термезе, через который шло снабжение германских войск в афганской провинции Кундуз. Стратегическое значение этой базы возросло после того, как талибы участвовали в нападении на солдат бундесвера и перерезали альтернативный путь их снабжения через Таджикистан.

Официальный Ташкент позитивно оценил программу президента США по решению афганской проблемы, с которой Обама выступил 1 декабря 2009 г. По мнению министра иностранных дел Узбекистана В. Норова, данная программа в перспективе позволит передать всю ответственность за установление мира и стабильности на многострадальной земле Афганистана в руки самих афганцев. Об этом глава МИД Узбекистана заявил на 17-й встрече Совета министров ино-

странных дел ОБСЕ в Афинах. 18 августа 2009 г. министр обороны Узбекистана Кабул Бердиев и генерал Дэвид Петреус подписали соглашение о военно-техническом сотрудничестве. Содержавшее более 60 отдельных договоров по самому широкому спектру взаимодействия – от подготовки кадров до закупки американской военной техники, – данное соглашение свидетельствовало о том, что Пентагон намерен сделать Узбекистан своим ключевым партнером в регионе, по крайней мере, на время проведения афганской операции.

Таким образом, США и НАТО отдают в ЦА предпочтение двусторонним контактам. Сотрудничество же с региональными объединениями – СНГ, ШОС, ОДКБ – способствовало бы, по мысли западных стратегов, еще большей международной легитимации этих структур безопасности (претендующих на то, чтобы стать со временем своего рода альтернативой НАТО в регионе), признанию в мировой политике особой роли России, играющей в этих структурах лидирующую роль. Это означает также, что предложенную России «перезагрузку» администрация США намеревается выполнять на своих условиях, которые в свою очередь базируются на строго выверенных глобальных американских интересах. То, что они не совпадают с российскими национальными интересами, сомнению не подлежит.

Центральноазиатские «качели»

Центральноазиатские страны, пользуясь разнообразием векторов сотрудничества, предоставляемых им выгодным географическим положением, и разыгрывая различные геополитические «карты», пытаются извлечь максимальную выгоду от частично инициированной ими самими конкурентной геополитической борьбы в регионе. Красноречивее всего такую политику демонстрирует *Узбекистан*. Это ключевое государство ЦА остается, наряду с Туркменистаном, самым большим индивидуалистом в регионе: Узбекистан уклоняется от участия в военных учениях ОДКБ и ШОС, в мероприятиях, в которых есть хоть намек на возможность военной или политической интеграции. В этом он преуспел так же, как и Туркменистан, нашедший в своем нейтральном статусе хороший выход для того, чтобы «равноудалиться» на внешнеполитических «качелях» от мировых центров.

Андижанские события мая 2005 г. рассорили Узбекистан с ЕС и США. Однако США в отличие от ЕС санкций против Узбекистана не вводили и уже с 2007 г. приступили к неофициальным контактам с Ташкентом. Когда же президентом США стал Б. Обама, то и на офи-

циальном уровне о разногласиях, как кажется, постарались забыть. Америка быстро вернулась в «узбекский вакуум» (откуда она, по большому счету, и не особо уходила), где за это время основные региональные конкуренты США так реально и не закрепились. Официальный Ташкент больше не обвинял США в намерениях устроить в стране «цветную революцию», а США не слишком сильно критиковали правительство Узбекистана и его президента по столь болезненной для них проблеме, как права человека. Напротив, распространенными стали рассуждения об «определенных подвижках положительного характера».

11 января 2010 г. президент Узбекистана подписал постановление «О мерах по реализации плана действий по укреплению двустороннего сотрудничества между Республикой Узбекистан и Соединенными Штатами Америки на 2010 год». Данный план, в котором отражены меры по развитию двусторонних отношений в сфере политики, безопасности, экономики, человеческого измерения, обеспечения мира и стабильности в Афганистане, был разработан по итогам первого раунда узбекско-американских политических консультаций, состоявшихся в Вашингтоне 17–18 декабря 2009 г. Второй раунд консультаций намечен на вторую половину 2010 г. в Ташкенте. План предусматривает мероприятия «в политической сфере, сфере безопасности, экономики и развития, человеческого измерения и в сфере обеспечения мира и стабильности в Афганистане».

Узбекистан проявил активность в решении ряда ключевых международных проблем, в первую очередь афганской. Особое внимание Ташкента к этой проблеме было обусловлено, во-первых, длительными историческими и культурными связями Узбекистана и Афганистана, где проживало, главным образом на севере, около 3 млн. узбеков. Во-вторых, в Узбекистане были крайне озабочены возможностью перетекания из Афганистана длящейся там несколько десятилетий нестабильности. Считая, что соседние с Афганистаном государства должны быть вовлечены в процесс обсуждения и выработки общих принципов и подходов к поиску путей урегулирования афганской проблемы, президент Каримов еще в 2008 г. предложил возобновить деятельность функционировавшей под эгидой ООН Контактной группы «6+2» в составе Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Пакистана, Китая, Ирана, США и России и расширить ее («6+3») за счет включения в переговорную схему НАТО. Проигнорировавшие сначала эту инициативу, американские и европейские политики с 2009 г. начали широко ее обсуждать.

Узбекистан заинтересован в том, чтобы афгано-пакистанская военная зона перестала быть прибежищем исламистской несистемной оппозиции, несущей серьезную угрозу правящему режиму Узбекистана. Потому он будет и дальше принимать американскую (наравне с российской) помощь для создания национальной боеспособной армии, предоставлять свою территорию для военного и гражданского транзита сил международной коалиции, воюющей в Афганистане. Узбекистан заинтересован в мирном Афганистане как в потенциальном рынке для продажи своих энергетических ресурсов, избыточных электрических мощностей. Исходя из этих соображений, Узбекистан расширил свое участие в проектах, нацеливающих центральноазиатские государства, их энергоресурсы, электроэнергию, транспортные мощности на Афганистан и государства Южной Азии. Примечательно, что многое делается по схеме, описанной еще в 2005 г. Фредериком Старром в его известной работе «‘Партнерство в Большой Центральной Азии’ для Афганистана и его соседей» ('A Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and its neighbors). Сам Старр, ставший директором Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Дж. Хопкинса, посетил Узбекистан во главе группы экспертов, принятых 12 декабря в 2009 г. президентом И. Каримовым в его резиденции Оскаррой.

Государственная компания «Узбекские железные дороги» и Министерство общественных работ Афганистана заключили контракт на строительство железной дороги на севере Афганистана на участке Хайратон–Мазари-Шариф. Было также принято решение о реконструкции железнодорожного перегона Термез–Хайратон и строительстве грузового терминала в Мазари-Шарифе. Узбекистан, таким образом, вплотную приблизился к осуществлению своего давнего замысла – созданию трансафганского коридора для выхода через Мазари-Шариф, Герат и Кандагар к международным морским портам Ирана и Пакистана. При этом Узбекистан уклонялся от сотрудничества с Таджикистаном в вопросах борьбы с наркотрафиком и охраны границ. Не очень активно поддерживал он инициативы России/ОДКБ по Афганистану, что негативно сказывалось на попытках выработать консолидированную позицию государств региона по афганской проблеме. Дистанцировался Узбекистан и от ряда других региональных инициатив по афганскому урегулированию.

В известной мере такая позиция была обусловлена обострившимися отношениями между Узбекистаном и его ближайшим окружением – *Таджикистаном* и *Киргизстаном*. Напряженность возникла из-за планов Таджикистана и Киргизии, испытывавших острый дефи-

цит электроэнергии, построить при содействии российских компаний Рогунскую ГЭС в Таджикистане и Камбаратинскую в Киргизии. В Узбекистане опасались, что следствием такого строительства станет уменьшение потока воды на трансграничных водных артериях Амударья и Сырдарья. Каримов призвал учитывать интересы его страны, а также Туркмении и Казахстана, которые расположены в низовьях трансграничных рек и всегда испытывали огромный дефицит воды. В связи с этим президент Узбекистана предложил провести под эгидой ООН экспертизу на международном уровне, чтобы можно было бы выявить ущерб аграрному сектору и экологии от возведения новых гидроэнергетических объектов. В свою очередь, соседи Узбекистана обвинили его в том, что он использует водную проблему как средство политического давления на соседей. Но расхождения между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией не сводятся только к вопросу использования водных ресурсов, они затрагивают и пути достижения энергетической независимости. Споры идут также за влияние в регионе, за территории, за Ферганскую долину.

В качестве председательствующего (с июня 2009 по июнь 2010 г.) в Шанхайской организации сотрудничества Узбекистан предложил активизировать взаимодействие ШОС с ООН. Выступая 6 октября 2009 г. в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН, постоянный представитель Узбекистана при этой организации Мурад Аскарлов привлек внимание к серьезным вызовам глобальной безопасности, связанным с угрозами терроризма, распространением оружия массового поражения и систем его доставки. Аскарлов подтвердил твердую приверженность Узбекистана укреплению центральной координирующей роли ООН в организации международного противодействия террористической угрозе.

Заслуживают внимания и инициативы президента И. Каримова по совершенствованию механизмов принятия решений в рамках ШОС. Они были выдвинуты на состоявшемся 15–16 июня 2009 г. заседании Совета глав государств – членов ШОС в Екатеринбурге и на встрече 10–11 сентября президента Узбекистана с национальными координаторами государств – членов ШОС в Ташкенте. В числе прочего речь шла о необходимости создания сводных Правил процедуры ШОС – единого документа, который регламентировал бы порядок инициирования, разработки, согласования и принятия нормативно-правовых документов организации. Каримов предложил также ускорить подготовку необходимых правовых документов, определяющих порядок приема государств-наблюдателей в полноправные члены ШОС.

Более формальный характер носило в 2009 г. взаимодействие Узбекистана с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Президент И. Каримов принял участие во внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, состоявшейся 4 февраля 2009 г. в Москве. Но он отказался от участия в заседании Совета ОДКБ 14 июня. На нем было подписано Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ. Дистанцировался Узбекистан и от военных учений, включая совместное комплексное учение КСОР ОДКБ по обеспечению коллективной безопасности, проводившееся в 2009 г. в три этапа с 26 августа до середины октября на территории России, Белоруссии и Казахстана. Не участвовали военнослужащие Узбекистана и в антитеррористических учениях «Рубеж-2010» (конец апреля 2010 г.) в Таджикистане.

Узбекистан, таким образом, продолжил маневрирование между различными силовыми центрами. Но хотя в своих отношениях с ними Узбекистан и демонстрировал частичный разворот в сторону Запада, это крупное центральноазиатское государство оставалось более приверженным многовекторной стратегии. Официальный Ташкент недвусмысленно давал также понять, что не намерен уступать кому бы то ни было региональное лидерство в Центральной Азии.

Пальму первенства в следовании «многовекторности» в политике вполне может разделить с Узбекистаном и Киргизстан, который предоставил свою территорию для военного базирования как США/НАТО, так и России/ОДКБ. Эту ненормальную ситуацию Россия и ее партнеры по ОДКБ и ШОС давно пытались изменить, настаивая либо на указании точных сроков пребывания в «Манасе» американских военнослужащих, либо на закрытии этого военного объекта, расположенного в непосредственной близости от находящейся под командованием России базы ОДКБ в Канте, где присутствует в основном российский контингент. В феврале 2009 г. тогда еще действующий президент К. Бакиев подписал указ о закрытии «Манаса», в апреле парламент Киргизии утвердил это решение, и Бишкек получил от России первый транш кредита и помощи в размере 450 млн. долл. США.

Вашингтон, однако, не захотел смириться с такой потерей и тем более допустить, чтобы Россия взяла в «базовом вопросе» верх. К тому же Киргизия рассматривалась как важное звено американской стратегии в регионе. Это, во-первых, связано с выгодным географическим расположением республики, которая открывает дорогу к двум потенциальным «горячим точкам», в управлении которыми США крайне заинтересованы – китайскому Синьцзяну и Ферганской доли-

не. Во-вторых, хроническая политическая нестабильность и корыстолюбие правящих элит позволяли легко манипулировать и правительством Киргизии, и оппозицией. В этом плане Киргизия превратилась для США в ЦА в то же, чем стала для них на Кавказе Грузия: государством, ценность которого определялась не наличием энергоресурсов, а исключительно географическим положением.

В итоге киргизский президент, ссылаясь на личную просьбу президента Афганистана Хамида Карзая, а главное – добившись от Вашингтона согласия втрое увеличить арендную плату за базу в «Манасе», позволил американцам и дальше пользоваться ею, но под новой вывеской – Центр транзитных перевозок (ЦТП). При этом подразделения Франции и Испании, также базировавшиеся в «Манасе», в октябре 2009 г. были вынуждены покинуть базу, так как договориться с Киргизией о продлении договора им не удалось. Попутно американцы получили согласие официального Бишкека на открытие недалеко от китайской границы – в Баткене – «контртеррористического тренировочного центра», что еще больше «напрягло» власти КНР, которые и без того не были довольны американским присутствием в Киргизии.

В качестве компенсации власти этой центральноазиатской республики, верные своеобразно понимаемой ими политике многовекторности, дали согласие на создание в Оше сроком на 49 лет и с правом пролонгации военной базы Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ, которые, как предполагалось, должны были стать, наряду с ОДКБ и ШОС, важной компонентой безопасности Центральной Азии. К тому же в Киргизии были напуганы угрозами со стороны соседнего Узбекистана, недовольного ни проникновением из Киргизии экстремистских элементов, ни ее водно-энергетическими проектами, подрывающими, с точки зрения официального Ташкента, экологию и сельское хозяйство Узбекистана. Договоренность о новой базе была достигнута в ходе визита президента России Дмитрия Медведева в Бишкек 1 августа 2009 г.

Резкий афронт президента Узбекистана И. Каримова, вновь завязавшего к тому времени «роман» с Америкой и не отреагировавшего на планы открытия в Киргизии американского центра, вынудил тогда Москву отказаться от бишкекской «компенсации». Известный эксперт по ЦА А. Князев, оценивая внешнеполитическое поведение тогдашних властей Киргизии, подчеркивал, что его вряд ли можно было назвать «отвечающим и национальным интересам самой республики, и просто здравому смыслу».

17 марта 2010 г. Д. Петреус посетил Киргизию, где он обсудил с К. Бакиевым вопросы двустороннего сотрудничества и ситуацию в Афганистане. Этот визит состоялся через день после того, как администрация президента Барака Обамы подтвердила свое решение о предоставлении руководству Киргизии примерно 5,5 млн. долл. США, предназначенных для строительства контртеррористического центра. Последовавшие затем в апреле известные события в Киргизии под поэтичным названием «революция Розы» (по имени известной оппозиционерки и вдохновительницы «тюльпановой революции» марта 2005 г. Розы Отунбаевой, возглавившей после свержения К. Бакиева Временное правительство в Киргизии) приостановили реализацию этих планов. Нельзя при этом не обратить внимания и на то, что Отунбаева в состоявшемся 10 апреля 2010 г. телефонном разговоре с госсекретарем США, а затем и в интервью «Associated Press» подтвердила, что в вопросе функционирования ЦТП Киргизия будет следовать ранее достигнутым договоренностям и новые власти Киргизии продлят еще на год истекающий в июле 2010 г. договор с правительством США об аренде их военной базы. Так что, возможно, послереволюционная Киргизия тоже не застрахована от сидения на двух, а возможно, и на трех (китайском) «стульях».

Что касается *России*, то она после войны с Грузией стремится к тому, чтобы ускорить создание сферы своих привилегированных интересов в ЦА и в других частях постсоветского пространства. Очевидно и то, что сотрудничество России и стран региона с США/НАТО влечет за собой не только получение определенных внешнеполитических и материальных дивидендов, но также и возникновение дополнительных рисков в таких областях, как распространение религиозного экстремизма, террористическая активность, межэтнические конфликты. ИДУ, активно вовлеченное, по многим сообщениям, в наркобизнес, не располагает в Узбекистане инфраструктурой для развертывания широкой повстанческой деятельности. Однако же вытеснение из Афганистана и Пакистана, имеющих богатый военный опыт, боевиков способно дестабилизировать обстановку в республике, тем более что численность узбеков в составе афганского «Талибана» оценивалась экспертами до 20 тыс. человек. Поэтому именно с внешним фактором связали в Узбекистане вооруженные нападения 25–26 мая 2009 г. на Ханабад и Андижан, подрыв там террориста-смертника. Эти события совпали по времени с военной операцией, проводившейся пакистанскими войсками против талибов в долине Сват. А террористические акты с использованием смертников в московском метро (29 марта 2010 г.) и затем в дагестанском Кизляре и Ингушетии неко-

торые увязали с деятельностью «Теневой Армии» («Lashkar al-Zil»), обосновавшейся в Северном Вазиристане – в Размаке, где она собрала под свои знамена «борцов за веру» многих национальностей, включая и чеченцев. На эту группировку возлагают также ответственность за теракт в отеле «Серена» в Кабуле в январе 2008 г. и за нападение в ноябре 2008 г. на индийскую коммерческую столицу Мумбаи.

Примечателен и инцидент, произошедший в конце февраля 2010 г. в иранском городе Бендер-Аббасе. Тогда там был принудительно посажен самолет авиакомпании «Кыргызстан», на борту которого находился арестованный затем иранскими спецслужбами руководитель террористической группировки «Джундалла» Абдулмалик Риги. Известно, что «Джундалла» действует при финансовой и военной поддержке США и Великобритании и ставит своей целью отделение от Ирана провинции Систан и Белуджистан. Как выяснили иранцы в ходе допросов Риги, он летел на авиабазу «Манас», чтобы встретиться с высокопоставленными американскими чиновниками. В связи с этим внешнеполитическое ведомство Ирана выступило с заявлением, что в «Манасе» американцы готовят боевиков, засылаемых в их страну. МИД Ирана обратился также к властям Киргизии с заявлением, что подобные действия являются вмешательством во внутренние дела Ирана, и потребовал разобраться в ситуации. Министерство иностранных дел Киргизии только и могло ответить на эту скандальную историю заявлением, что никаких террористов на борту самолета не было, а официальных претензий из Тегерана не поступало.

Реальным противовесом существующим вызовам и угрозам могла бы стать Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Она создана в 2001 г. лидерами России, Китая, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии и является преемником основанной в 1997 г. «Шанхайской пятерки», куда входили все вышеперечисленные государства кроме Узбекистана. Главными целями организации в период ее создания были заявлены меры по укреплению доверия в Центральной Азии, борьба с терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком. По мере развития организации к этим задачам прибавились другие: развитие экономического сотрудничества, энергетическое партнерство, научное и культурное взаимодействие. Ныне ШОС обладает внушительным ресурсным и человеческим потенциалом. Общая территория входящих в нее стран составляет 30 млн. км², или 60% территории Евразии. Ее совокупный демографический потенциал – это четвертая часть населения планеты.

Можно ли, исходя из этого, надеяться на то, что ШОС превратится со временем в военный альянс, своего рода «азиатское НАТО»? Пока оснований для этого нет, поскольку Россия и Китай, пусть и озабоченные американско-натовской экспансией в регионе, не готовы в обозримом будущем заключить друг с другом военный союз и взять на себя всю полноту ответственности за обеспечение безопасности региона. Да и внешняя политика центрально-азиатских государств не располагает к такому развитию. Страны региона озабочены больше задачами отражения возможных посягательств на их суверенитет, что позволяет национальным элитам полноправно распоряжаться экономическим и культурным достоянием своих республик, а некоторым – и осуществлять без угрозы вмешательства извне властные полномочия в интересах авторитарного правителя либо приближенных из его клана. Пресловутая «многовекторность» позволяет им получать пока дивиденды из различных источников, и, разумеется, им претит перспектива участия в серьезном военном альянсе, где их интересы и амбиции будут ограничены блоковой дисциплиной, т.е. тем, чего нет сейчас ни в ОДКБ, ни в ШОС.

Итак, «перезагрузка» российско-американских отношений оказалась востребованной лишь для решения весьма ограниченного круга международных проблем (сокращение ядерных вооружений – в их числе), по которым обе стороны прагматично попытались договориться. Непосредственным следствием этой политики можно считать подписание договора по СНВ. Но на «баланс» «перезагрузки» можно повесить также ухудшение отношений России со своим ближайшим соседом и важным экономическим партнером – Ираном, стремительное подключение Турции к проблемам постсоветского пространства. В нем самым большим вызовом интересам России остается Китай, активно утверждающийся в ключевых секторах экономики и энергетики республик бывшего СССР. С Китаем Россия продолжит сотрудничество в противодействии наркотрафику, терроризму, экстремизму, но соперничество между обоими государствами в ЦА сохранится, и более вероятным видится смещение в этом регионе баланса влияния в пользу Китая. Так что региональная конкуренция на постсоветском пространстве не только не снизится, она станет еще более усложненной.

Афганистан не станет, согласно американскому проекту «Большой Центральной Азии», локомотивом интеграции Центральной и Южной Азии. Разоренный войной, он будет вынужден выживать за счет западных доноров. Сохранение статус-кво в Афганистане и Пакистане и сохранение здесь иностранного военного присутствия

будет питать наркотрафик, существенную поддержку которому будут оказывать те страны ЦА (Таджикистан, Туркменистан и Киргизстан), где место «нормальной» экономики постепенно займет наркоэкономика, притом что угроза такой же трансформации может встать и перед российской экономикой. Активизация военного фактора в Афганистане и Пакистане чревата также вытеснением укрывшихся здесь боевиков из состава этнических узбеков и таджиков, которые в массовом порядке станут возвращаться на родину, что создаст реальную угрозу слияния местного экстремистского движения в ЦА с вооруженными выходцами из Афганистана. Отдельные вооруженные столкновения в ЦА могут приобрести характер партизанской войны, хорошо знакомой по опыту гражданской войны в Таджикистане. Само присутствие в Афганистане возглавляемой США коалиции будет подпитывать местное повстанческое движение, которое поддерживает транснациональный терроризм. Присутствие американо-натовских сил помешает также развитию строительства трубопроводов и – что особенно важно – установлению прочного мира в регионе Центральной и Южной Азии.

В ближайшее время права человека и демократия будут играть второстепенную роль в повестке дня для ЦА, Европейского союза, США и других международных игроков. Подтверждением тому служит принятое 21 октября 2009 г. решение ЕС отменить эмбарго на ввоз оружия в Узбекистан, который изменил отношение к себе западных стран после того, как вышел из ЕврАзЭС, «заморозил» свое участие в ОДКБ и разрешил транзит невоенных грузов в Афганистан. США в обозримый период времени не откажутся от мирового лидерства, а следовательно, и от стратегического присутствия в тех частях земного шара, где это связано с защитой американских интересов. Сохранят они свое присутствие и в Евразии, что обусловлено в числе ряда других важных причин ресурсно-энергетическим фактором. На какое-то время США в ЦА останутся игроком извне, включенность которого в евразийские дела будет зависеть от динамики американских национальных интересов и политической тактики. Возврат США в постсоветскую Евразию может оказаться стремительным и мощным в случае быстрой реабилитации американской экономики и восстановления традиционного режима инициативной внешней политики. В этом случае традиционно медленно «сосредотачивающаяся» Россия может быть потеснена с позиций, на которых ей удастся утвердиться во время «передышки» – снижения накала соперничества, вызванного отвлечением США на решение более неотложных проблем (кризис, Ирак, Афганистан, Иран). Учитывая это, Москве стоит активизиро-

вать «точечное» сотрудничество с некоторыми странами региона в рамках еще не исчерпавших свой потенциал организаций – ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС.

Партнеры России по НАТО, а также США и ЕС, несмотря на все разговоры про «перезагрузку», не смогут преодолеть недоверие к России. Они не решатся на равноправное и взаимовыгодное сотрудничество ни с ней, ни с ОДКБ, ни с ШОС даже по такой важной для судеб НАТО проблеме, как Афганистан. Это будет обусловлено идеологическими соображениями, а также той стратегией, от которой они не собираются отказываться. Она заключается в вытеснении по возможности России из ключевых, с точки зрения западных интересов, постсоветских республик, недопущении их интеграции в объединения, где Россия сможет играть значимую роль (будь то Таможенный союз, ОДКБ, КСОР, ШОС и т.п.). Если конкуренция за контроль над энергоносителями ЦА усилится, то серьезными раздражителями для Запада станут внешнеполитическая независимость России на международной арене и ее нежелание поддерживать многие направления политики США/ЕС/НАТО (в отношении Китая, Ближнего Востока, Ирана). Но соперничество между Россией и США в Центральной Азии – по крайней мере, в период президентства Б. Обамы – не перерастет в военно-политический конфликт, поскольку противоречия будут смягчаться необходимостью взаимодействия в вопросах сокращения ядерных вооружений, борьбы с терроризмом и другими угрозами.

Россия, сохранив влияние в Центрально-Азиатском регионе, будет, как и сегодня, встречать многочисленные препятствия для продвижения своих интересов на коллективной основе – в рамках существующих в СНГ организаций, поскольку сам регион не сформировался пока еще как единое политическое и интеграционное целое. А потому отношения РФ со странами Центральной Азии будут носить, как правило, двусторонний характер.

Глеющие очаги нестабильности в афгано-пакистанской зоне управляемого конфликта, в Синьцзяне, Ферганской долине – угрозы, которые нависают, главным образом, над центральноазиатскими государствами, Китаем, Россией. Вероятность их возгорания весьма велика, что заставит на практике проверить реальную боеспособность уже существующих в регионе систем безопасности (ОДКБ и ШОС) и только еще формирующихся (КСОР). Очевидно, что ни один из центральноазиатских партнеров России по этим структурам в одиночку с растущими вызовами и угрозами не справится. Пресловутая «многовекторность», в рамках которой одни страны ЦА пытаются баланси-

ровать между ОДКБ и НАТО, а другие – отдавать предпочтение военному сотрудничеству с США/НАТО, только размывает региональное взаимодействие, ослабляет совместные усилия. В условиях активизации ведущих мировых держав в Центральной Азии странам региона придется сделать непростой выбор – с кем, в каких сферах и на каких условиях сотрудничать. От этого во многом зависит не только будущее самих этих стран, но и обстановка в регионе, их взаимоотношения друг с другом и с Россией.

*«Внешние связи стран Прикаспия
в условиях глобального кризиса и интересы России»,
М., 2010 г., с. 7–23.*

Владимир Сотников,
кандидат исторических наук (ИВ РАН)
КУДА ИДЕТ ПАКИСТАН?

Формулируя свои внешнеполитические приоритеты еще во время избирательной кампании, Барак Обама сделал четкий выбор. Он дистанцировался от иракской кампании, давая понять, что это – война Джорджа Буша (по умолчанию – ошибочная), которая его преемнику просто досталась в наследство. При этом кандидат, а потом и президент занял очень активную позицию по второму конфликту – афганскому, фактически сделав его «своей войной». Также он окончательно ввел в оборот понятие «АфПак», увязав воедино решение проблем двух соседних государств. Более того, крайне жесткие высказывания прозвучали именно в адрес Пакистана. В пылу предвыборной полемики Обама пообещал даже нанести бомбовые удары по территории государства, которое традиционно является союзником США.

Сегодня хозяин Белого дома, вероятно, жалеет, что связал свою политическую судьбу с урегулированием афганско-пакистанского кризиса. Ситуация ухудшается, потери среди военнослужащих западной коалиции растут, а будущая стратегия все более туманна. Откровения командующего силами НАТО Стэнли Маккрystalа, завершившиеся его отставкой, а также скандальная утечка секретных документов, которые иллюстрируют масштаб неудач американских военнослужащих и двойную игру Исламабада, свидетельствуют об углубляющихся разногласиях внутри военно-политического руководства Соединенных Штатов относительно дальнейших действий. При этом внимание все чаще обращается к Пакистану, где, по мнению

многих комментаторов, и кроется корень большинства региональных проблем. Реальные угрозы исходят из пакистано-афганского приграничья, где нашли убежище и активно действуют вновь поднявшие голову «Талибан» и «Аль-Каида».

Пакистан – мусульманская страна со 170-миллионным населением и де-факто ядерная держава – чаще всего фигурирует в новостных сводках в связи с одной темой – возросшей активностью исламистских радикалов и международных террористов.

В январе 2010 г. мировые СМИ и пакистанская пресса активно обсуждали будущее режима президента Асифа Али Зардари и результаты первого за три года визита в регион (в том числе и Пакистан) американского министра обороны Роберта Гейтса. Вашингтон постоянно оказывает давление на Исламабад, дабы заставить пакистанскую армию более активно проводить военно-полицейские акции против экстремистов. Достаточно сказать, что администрация Обамы увеличила на сотни миллионов долларов финансовую помощь Исламабаду, направленную на интенсификацию боевых действий против экстремистов, а также на сооружение инфраструктуры в «проблемных» районах. Тем не менее, как выяснилось по итогам переговоров, пакистанские военные решили ограничить операции против боевиков-талибов районом Свата и Южным Вазиристаном.

С начала 2000-х годов количество террористических актов со стороны боевиков движения «Талибан» и сети «Аль-Каида», в том числе с участием смертников, заметно выросло. Раньше теракты происходили в областях наибольшей активности экстремистов (Зона племен федерального управления (ФАТА), Северо-Западная пограничная провинция (СЗПП)), но теперь инциденты регулярно происходят в других городах и провинциях: Исламабаде, Пешаваре, Карачи, Лахоре, Кветте и др.

Активные боевые действия между пакистанскими талибами и армией не прекращаются с 2004 г., когда в ФАТА ввели правительственные войска. Но столкнувшись с многочисленными случаями дезертирства и отказа офицеров и младших чинов от участия в операциях против боевиков, военные и гражданские власти Пакистана стали постепенно если не сворачивать операции, то проводить их выборочно. В определенной степени это можно считать реакцией пакистанского генералитета на попытки альянса «Шура-е-Иттихад-уль-Муджахеддин» («Совет объединенных борцов за веру»), созданного весной 2009 г., выторговать перемирие с армией. Совет сформирован на основе исламистского движения «Тэхрике-Талибан-и-Пакистан» – пакистанской ветви афганских талибов. При этом исламисты не

скрывали, что договоренность с военными нужна им для того, чтобы талибы по обе стороны границы смогли сконцентрировать всю военную мощь на новом 30-тысячном контингенте американских войск, отправка которого в Афганистан началась с конца прошлого года.

Вашингтон с недоверием относился к прежнему президенту Первезу Мушаррафу, подозревая его в лавировании между американскими союзниками и влиятельными проталибскими силами внутри страны. Под давлением США генерал Мушарраф согласился на восстановление демократической формы правления. Однако после первых с 1999 г. демократических выборов, которые прошли в феврале 2008 г., гражданское правительство сразу столкнулось с всплеском активности боевиков-экстремистов, и оптимальным способом реагирования был признан диалог. Это решение приняли после экстренного совещания премьера Юсуфа Резы Гиллани с руководителями разведслужб и начальником Штаба армии генералом Ашфаком Парвезом Каяни.

Причина понятна – слабость политического руководства, которое опирается на очень шаткий базис. Внутриполитический расклад в Пакистане после выборов-2008 характеризуется противостоянием по принципу «все против всех». Администрация президента Зардари – премьера Гиллани пока не в состоянии найти способы вытащить страну из трясины внутриполитического хаоса, хотя экономическую ситуацию удалось более или менее стабилизировать, правда, главным образом благодаря финансовой помощи Вашингтона. Между политиками, представляющими крупнейшие политические партии (бывшие союзники по коалиционному правительству Наваз Шариф и Зардари) и верхушкой пакистанской армии (начальник Штаба сухопутных войск генерал Каяни) то и дело возникают противоречия, которые будут только обостряться: военные в принципе не доверяют гражданским властям. На протяжении более чем 60-летней истории страны армия остается неким гарантом государственного единства и не гнушается менять власть, если считает это необходимым для «спасения нации от хаоса и гибели». Такое нельзя исключить и теперь.

В случае возвращения военного правления Пакистан может превратиться в «строгое» исламское (а не исламистское) государство по типу того, что строил покойный президент – генерал Зия-уль-Хак. Тогда противодействие исламистам и «Талибану» станет затруднительным – Америка рискует потерять своего опорного союзника в борьбе с международным терроризмом, хотя, учитывая реальную ситуацию, вопрос стоит так: кто в ком больше заинтересован – Вашингтон в Пакистане или Исламабад в США?

При демократическом режиме президента Зардари, похоже, верен второй вариант, а вот если к власти придут происламски настроенные военные, генералы могут начать пересмотр союзнических отношений с Вашингтоном. Вероятно, они смогут найти поддержку среди дружественных стран – членов Организации Исламская конференция, в особенности таких, как Саудовская Аравия или Оман.

Впрочем, другой сценарий выглядит еще мрачнее. При сохранении сегодняшнего уровня нестабильности Пакистан из «большого общества», берущего в долг у всех, у кого только можно (прежде всего у Соединенных Штатов), на программы развития и борьбу с терроризмом, через пять–семь лет превратится в «несостоявшееся государство». Тогда события примут неконтролируемый и непредсказуемый оборот, а Индия, «первейший враг» Пакистана, от покровительственного тона и устных протестов перейдет к активным действиям против боевиков-исламистов на территории соседнего государства. Это, в частности, допускает индийская военная доктрина «Холодный старт» (2004): она предусматривает меры реагирования наступательного характера при возникновении угрозы, в том числе и террористической, со стороны Пакистана. Предыдущая доктрина носила оборонительный характер.

Разговоры о возможном распаде Пакистана на квазигосударственные образования, наподобие исламистских эмиратов, ведутся, пожалуй, с начала 1980-х годов. В связи с этническими конфликтами актуальным представлялся вопрос о «Великом Пуштунистане» (районы компактного проживания пуштунов по обе стороны «линии Дюранда») и «Великом Белуджистане» (провинция Белуджистан в Пакистане и Белуджистан и Систан в Иране). Но это уже история, хотя и недавняя, а вот угроза распада в результате деятельности талибов и «Аль-Каиды» реальна. Масла в огонь четырех дискуссий подлил сам президент Зардари, недавно допустивший в интервью ВВС вероятность «тотальной талибанизации» страны.

Как к вероятности краха отнесутся наиболее влиятельные участники региональной и мировой политики и каковы вообще их позиции по пакистанскому вопросу?

Основной военно-стратегический игрок в регионе – Соединенные Штаты. США уже увеличили свое военное присутствие, решение об отправке 30 тыс. военнослужащих принято в конце 2009 г. Насколько можно понять из выступлений высокопоставленных американских военных, перед ними стоит цель полностью перекрыть зоны афгано-пакистанской границы и противодействовать террористическим вылазкам талибов на территории Афганистана и Пакистана.

Особое значение придается странам-соседям, которые должны служить опорными точками на случай обострения ситуации и необходимости интенсификации боевых действий. Так, командующий Центрального командования войск США генерал Дэвид Петреус (сейчас он возглавил силы НАТО в Афганистане вместо генерала Маккрисстала) в ходе своей поездки весной 2009 г. по странам Центральной Азии (Киргизия и Казахстан) подчеркнул их ключевое значение для успеха операций против международных террористов в Афганистане.

Нельзя сказать, что предшественник Обамы на посту президента Джордж Буш не уделял должного внимания Пакистану и Афганистану, но он ставил их на третье место в списке приоритетов после Ирака и Ирана. Обама же четко указал на Пакистан как на первоочередную задачу для американских военных и дипломатов. Администрация старается сделать все, чтобы удержать Пакистан в орбите влияния. Тем более что возможный довольно быстрый – в течение трех-четырёх лет – уход из Афганистана, о котором говорил Барак Обама и который обсуждался на недавней конференции в Кабуле, делает Пакистан особенно важным партнером Вашингтона. Но спектр возможностей ограничен.

Жесткое военное и политическое давление на Исламабад может возыметь противоположный эффект – Пакистан из союзника превратится в противника, а этого Обама не может себе позволить. Размещение даже «ограниченного контингента» спецназа на пакистанской территории, о чем недавно вели разговор высокопоставленные военные двух стран, вызовет волну протестов против «ущемления суверенитета». Остаются ракетные удары по талибам и молниеносные рейды американских командос на территорию Пакистана в Зоне племен на пакистано-афганской границе, но Исламабад и это отвергает, по крайней мере на словах. Отдельной проблемой является использование силами коалиции беспилотных самолетов, наносящих удары «вслепую», что приводит к многочисленным жертвам среди мирного населения. Белый дом и Пентагон давно собираются отказаться от этого способа ведения боевых действий, однако инциденты продолжают, а это обильно питает ненависть к Америке в пакистанском обществе.

Чтобы не усугублять проблемы, Вашингтону следовало бы резко активизировать материально-техническую, финансовую и моральную поддержку пакистанской армии, стимулируя ее к расширению спецопераций против боевиков-талибов в ФАТА. Необходимым условием является продолжение усилий Соединенных Штатов по сближе-

нию Дели и Исламабада, поскольку от отношений между двумя этими столицами зависит вся ситуация в Южной Азии.

Президент Асиф Али Зардари отдает себе отчет в важности отношений с США. Экономическая помощь, необходимая для сохранения у власти, поступает в основном из Америки. Вашингтон в определенной степени служит посредником в отношениях правительства с армией (военные вовлечены в «стратегический диалог» с американскими коллегами) и помогает противостоять давлению оппозиции. Также помощь Вашингтона незаменима для сохранения диалога с Индией – региональным антагонистом Пакистана, который имеет свои интересы и в Афганистане. Но перед Зардари стоит очень трудная задача: как уладить проблемы с Соединенными Штатами, которые в обмен на финансовую помощь Исламабаду (7,5 млрд. долл. в ближайшие пять лет) требуют все более активного его участия в борьбе с исламистами внутри страны, и в то же время не вызвать недовольство народа, поскольку антиамериканские настроения очень сильны.

Китай – ближайший союзник Пакистана в регионе и его сосед – совсем не заинтересован в распаде пакистанского государства и появлении фундаменталистских квазигосударственных образований на его территории. Это грозит прямым вмешательством Вашингтона в дела региона, а также автоматически ведет к росту исламского радикализма в Синьцзян-Уйгурском районе КНР (где уйгурские мусульманские экстремисты ведут борьбу за независимость). В совокупности это несет серьезные угрозы безопасности Китая. Союз с Пекином жизненно необходим Исламабаду, и он выдержал испытание временем. КНР остается главным внешнеполитическим и внешнеэкономическим партнером Пакистана, в совместных проектах участвуют 120 китайских компаний. Поддержка Китая особенно важна Пакистану там, где он в силу определенных причин не способен получить содействие от США. Это наглядно продемонстрировала история с так называемой «ядерной сделкой» Пакистана и КНР. В июле 2005 г. американская администрация заключила договоренность с Индией о сотрудничестве в сфере мирного атома, а на аналогичную просьбу Исламабада Вашингтон ответил отказом, сославшись на «запятнанную репутацию» в деле ядерного распространения (имелась в виду нелегальная сеть «отца» пакистанской бомбы Абдула Кадир Хана). Зато Пекин подписал соглашения на поставку двух ядерных энергетических реакторов для АЭС в Чашме и о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Кстати, сотрудничество с Пакистаном в гражданской ядерной области было бы весьма интерес-

но и России, но она традиционно ориентирована на Дели, так что, учитывая острое противостояние в регионе, она не может «диверсифицировать» взаимодействие за счет Исламабада.

Индия, несмотря на жесткое соперничество, объективно не заинтересована в распаде пакистанского государства. Появление исламо-радикальных государственных образований в непосредственном соседстве будет напрямую угрожать безопасности Индии, так как на территории Пакистана и так уже имеются многочисленные лагеря подготовки моджахедов, нацеленных на индийский Джамму и Кашмир. Кроме того, в случае возникновения «лоскутных» государств вопрос о Кашмире, вероятнее всего, становится тупиковым. Пакистанский «Азад Кашмир» может при таком сценарии провозгласить независимость по косовскому типу и активизировать усилия по «воссоединению». Усиленное проникновение боевиков-моджахедов с территории пакистанского «Азад Кашмир» будет означать для Дели появление «второго Афганистана» уже у собственных границ. Наконец, фрагментация страны ставит вопрос о будущем пакистанского ядерного оружия.

Для Афганистана распад Пакистана означал бы возрождение планов создания «Великого Пуштунистана» и скорее всего полное фиаско операций антитеррористической коалиции НАТО, а также возвращение к власти движения «Талибан». Нельзя также исключать, что с территории пакистанской ФАТА и зон компактного проживания пуштунских племен по обе стороны пакистано-афганской границы не будет подготовлен новый теракт, направленный в первую очередь против Соединенных Штатов, гораздо более масштабный, чем события 11 сентября 2001 г.

Неконтролируемое развитие событий в Пакистане усугубит проблемы внешней и внутренней безопасности Ирана, что только катализирует реализацию его ядерных амбиций. Нельзя исключать, что Тегеран, как это уже было в прошлом, пойдет на определенное сотрудничество с Вашингтоном, чтобы предотвратить угрозы, исходящие от афганских и пакистанских талибов.

Для Исламабада же в принципе очень важно сотрудничество с исламскими государствами – в рамках ОИК и на двусторонней основе – Саудовской Аравией, ОАЭ, Кувейтом, а также Ираном. С Тегераном, кстати, Пакистан подписал соглашение о строительстве крупного газопровода, практически проигнорировав возражения и альтернативные предложения Вашингтона.

Главной угрозой считается возможность попадания пакистанского ядерного оружия в руки международных террористов. Однако

военная верхушка отдает себе отчет в опасностях подобного рода. По информации в печати, при активной технической и финансовой поддержке американцев был подготовлен план чрезвычайных военно-технических мероприятий по недопущению такого сценария. Кроме того, как показывает вся практика разработки и хранения в стране ядерного оружия, военные не передают контроль над «ядерной кнопкой» никому, даже высшим государственным чиновникам – гражданским лицам. Президент Зардари и премьер Гиллани наверняка не являются исключением.

Важным событием последнего времени следует считать изменение отношения Исламабада к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Незадолго до Саммита по ядерной безопасности в Вашингтоне в апреле этого года и Обзорной конференции ДНЯО в мае представители пакистанского МИДа сделали в этой связи важные заявления.

С 1967 г., когда ДНЯО вступил в силу, Исламабад говорил о том, что присоединится к Договору в качестве неядерного государства только вслед за Индией. От этой точки зрения Исламабад не отступал даже после ядерных испытаний в мае 1998 г., когда Индия и Пакистан стали де-факто ядерными державами. Исламабад тогда обещал подписать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, если Индия поступит так же. Однако теперь подход изменился. Как сообщило информационное агентство AP 22 февраля с.г., официальный представитель МИДа Пакистана Абдул Басит заявил в интервью японскому агентству Kyodo News: «Одно время мы были готовы подписать этот Договор при условии подписания его Индией... Это – позиция, которую мы заняли, но она стала несвоевременной... Мы не можем подписать этот договор (в качестве неядерной державы). Мы не можем отказаться от ядерного оружия». Басит также сказал: «Если между Пакистаном и Индией имеется дисбаланс по обычным видам вооружений, то очевидно, что наша опора на ядерное сдерживание соответственно возрастает». Иными словами, Пакистан намерен наращивать свой ядерный арсенал с целью выправления асимметрии.

Эти высказывания позволяют сделать следующие выводы:

– во-первых, Пакистан крайне тревожит намерение Индии, традиционного регионального антагониста и более мощной ядерной державы, стать глобальным игроком в международных отношениях, что все больше проявляется в мировой политике;

– во-вторых, резкое изменение отношения к ДНЯО ставит, пожалуй, окончательную точку в вопросе о возможном подписании Исламабадом этого договора в качестве неядерного государства;

– в-третьих, вероятное и даже уже имеющее место в Южной Азии наращивание Пакистаном и Индией ядерных арсеналов заставит США и Россию учитывать индийское и пакистанское ядерное оружие в любых инициативах по радикальному сокращению стратегических ядерных вооружений;

– в-четвертых, принимая во внимание растущий ядерный арсенал Пакистана (и Индии), Москве необходимо внести соответствующие поправки в военную доктрину, в которой определяются роль и место ядерного оружия в поддержании национальной безопасности Российской Федерации. В перспективе при любом анализе обстановки в области безопасности, складывающейся на южных рубежах РФ, необходим учет пакистанского (а также индийского и потенциально-иранского) ядерного оружия.

Если наметившиеся отношения партнерства между Москвой и Вашингтоном получат развитие, Россия могла бы помочь Америке «сохранить лицо» в Пакистане. Хотя в годы «холодной войны» Москва и Исламабад находились по разные стороны баррикад, в Пакистане практически нет антироссийских настроений, если не считать бывших моджахедов, перебравшихся туда в период советского военного присутствия в Афганистане. Но они не определяют отношения к России среди пакистанцев, которые в целом выступают за более активную роль Москвы. Они полагают, что у России есть возможности для того, чтобы содействовать поддержанию баланса и в пакистано-индийских, и в пакистано-американских отношениях.

Как бы парадоксально это ни звучало, именно авторитет Москвы в этом регионе и в особенности в Пакистане способен помочь Вашингтону не утратить Исламабад. При поддержке России Барак Обама может рассчитывать на определенный успех своей борьбы против талибов в Афганистане и Пакистане и на содействие этих стран. Кроме того, Россия сама может проводить более активную политику в отношении Исламабада, чтобы избежать ситуации, когда «несостоявшийся» Пакистан стал бы серьезной угрозой для Центральной Азии, где Россия имеет свои законные национальные интересы.

Прежде всего следует расширять сотрудничество с Исламабадом в сфере антитеррора. В дополнение к уже имеющейся совместной российско-пакистанской группе по противодействию терроризму по линии МИДов обеих стран необходимо развивать взаимодействие по линии Шанхайской организации сотрудничества, где Пакистан (наря-

ду с Индией, Ираном и Монголией) имеет статус наблюдателя. Кроме того, Москва могла бы в ближайшем будущем оказать материально-техническую помощь Исламабаду, в том числе и специальным военным снаряжением для противодействия террористам.

Очень важным моментом является и российско-американское сотрудничество в сфере ядерного нераспространения, в частности, недопущения расползания чувствительных ядерных материалов и технологий с территории Пакистана, как это имело место во время деятельности нелегальной ядерной сети Абдула Кадир Хана. Ограничившись выражением озабоченности по поводу слабости пакистанской системы контроля за ядерным экспортом, Москва пока не уделяет достаточного внимания этой проблеме. Правда, и Соединенные Штаты не особенно горели желанием привлечь Россию, но по мере усугубления ситуации подход может измениться. Целесообразно в сотрудничестве с США и другими странами шире использовать потенциал МАГАТЭ и других международных режимов по нераспространению и контролю за ядерным экспортом.

Будущее Пакистана трудно предугадать, но одно не подлежит сомнению: всем ведущим региональным и мировым силам (США, России, Индии, Китаю, ЕС, Ирану и др.) нужна стабильная и эффективно управляемая страна, ядерное оружие которой находится под надежным контролем. Мир надеется на Пакистан, способный бороться с исламизмом на своей территории и оказывать поддержку в борьбе против исламистов в Афганистане. Все заинтересованы в поддержании умеренно спокойных отношений Дели и Исламабада, а также в том, чтобы избежать превращения Пакистана в «вечного должника» и «несостоявшееся» государство.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2010 г., июль–август, с. 133–142.*

Александр Игнатенко,
доктор философских наук
(Институт религии и политики)
**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАГМАТИЗМ И ИМПЕРСКИЙ
РОМАНТИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ**

Палестинская проблема – удобная «отмычка» для вторжения в арабский регион внерегиональных игроков. В ответ на попытки ее использовать арабские государства реагируют региональной консолидацией. Свидетельство тому – история с «Флотилией свободы»

(июнь 2010 г.), снаряженной Турцией при поддержке Ирана для прорыва израильской блокады Газы, и в целом негативная реакция арабских государств на этот шаг, угрожающий сломать тщательно выстраиваемые ими балансы сил в регионе.

Все комментаторы говорят о прагматизме внешней политики Турции, которая ставит во главу угла реализацию национальных интересов. Об этом свидетельствуют и стремление стать членом Европейского союза, и попытки нормализовать отношения с Арменией, и даже систематическое нанесение ударов по базам Курдской рабочей партии на территории Северного Ирака. Однако было бы своего рода экспертной слепотой не замечать того факта, что за два десятилетия после формального окончания «холодной войны» поведение Анкары менялось.

Турецкая элита пыталась реализовать и неоимперские проекты, направленные на консолидацию вокруг Турции тех зон, которые раньше находились под властью Османской империи. «Существует наследие, оставленное Османской империей, – заявляет глава турецкого внешнеполитического ведомства Ахмет Давутоглу. – Нас называют “неоосманами”. Да, мы “новые османы”. Мы вынуждены заниматься соседними странами. И даже идем в Африку. Великие державы наблюдают за этим с растерянностью».

Турция претендует на роль глобального игрока. «Сегодня Турция, – пишет глава турецкого МИДа в журнале «Россия в глобальной политике», – проводит поистине многомерную и всеохватную внешнюю политику, участвуя в решении насущных вопросов в разных частях земного шара – от Африки до Южной Америки, от Восточной и Южной Азии до стран Карибского бассейна».

Внешнеполитические действия Анкары иногда напоминают поведение не очень дальновидного человека, который хочет получить от коровы и молоко, и мясо одновременно. Имперский романтизм приходит в противоречие с национальным прагматизмом, который всегда был присущ кемалистской Турции. Почему я говорю о романтизме? Потому что данное направление турецкой внешней политики не обеспечено достаточными ресурсами. Это хорошо видно в таких масштабных начинаниях, как стремление стать главным «углеводородным коннектором» между Азией и Европой при отсутствии собственных углеводородов и зависимости в этом вопросе от Ирана, Азербайджана и России. Или в безрезультатной турецко-бразильско-иранской «ядерной сделке» под патронатом Анкары – Турция не располагает ядерным потенциалом, и если бы Тегеран был серьезно на-

строен на обогащение урана за границей, ему все равно пришлось бы иметь дело с Россией, Францией либо, на худой конец, с Аргентиной.

Политика «неосманизма» тоже не обеспечена ресурсами. Таковыми могли бы быть «ностальгия» по Османской империи в элитах тех государств, которые ранее в нее входили, или хотя бы подобное настроение «улицы», как это имеет место в отношении раннего ислама, возвращение к которому является вожделенной мечтой «фундаменталистов». Однако у арабов полностью отсутствует стремление вновь оказаться под «отеческой дланью» «новых османов». Вряд ли можно всерьез воспринимать и рассуждения об «исторической ответственности» Турции перед территориями, которые ранее входили в Османскую империю. Это не особенно отличается от того, как если бы греческие политики говорили об «исторической ответственности» Греции за дела в Индии на том основании, что Александр Македонский некогда дошел до Индостана.

Отсчет «неосманизма» нужно вести от 1991 г. – окончания «холодной войны» и развала Советского Союза. До этого Турция была юго-восточным флангом НАТО, обращенным к Восточному блоку, за счет чего, к слову сказать, нарастила большой военный потенциал. Но практически сразу после распада СССР Турция задумала собственный геополитический проект, тогда – неопантюркистский. В состав гипотетического политико-экономического союза предполагалось включить не только «тюркские» страны – Азербайджан, Узбекистан, Киргизию, Туркмению, но и «тюрко-язычные» территории в составе новых независимых государств – Татарстан, Башкортостан, северо-кавказские субъекты Российской Федерации, Крым и даже Алтай.

На межгосударственном уровне проводились саммиты тюркских государств – первый прошел в 1992 г. по инициативе президента Тургута Озала. Одновременно Анкара обращалась «через голову» государств и правительств к тюркоязычным общностям внутри различных государств – проводились международные тюркские курултай (первый – в 1993 г.).

В целом затея закончилась неудачей. Турция переоценила свои материальные возможности. Будучи динамично развивающимся государством, она тем не менее совершенно не обладала ресурсами, необходимыми для масштабной экспансии. Но главная причина, пожалуй, заключалась в том, что неопантюркизм рассматривался и продолжает рассматриваться государствами, затронутыми благом турецкой «исторической ответственности», как вмешательство в их внутренние дела. И если Россия и Украина переживали период ослаб-

ления и вынужденно смотрели сквозь пальцы на турецкую активность в Татарстане, Башкортостане, Крыму, то Китай после 1991 г. постоянно усиливался, и ему был совсем не по душе турецкий интерес к тюркам-уйгурам и, соответственно, Синьцзян-Уйгурскому автономному району. Шанхайская организация сотрудничества в некотором отношении может рассматриваться и как антитурецкий союз, заблокировавший Анкаре доступ в Центральную Азию.

Есть еще одно важное обстоятельство, серьезнейшим образом воздействующее на результаты реализации турецких неоимперских планов и проектов. У неопантиоркизма в тех географических зонах, в которых он стремился воплотить свои проекты, был и есть конкурент, обладающий значительно большими ресурсами (нефтедоллары и ислам салафитского толка – ваххабизм, или «аравийский» ислам) – Саудовская Аравия и другие монархии Персидского залива. Турция пытается играть на том факте, что она является современным исламским государством, но не в силах всерьез противопоставить что-то «аравийскому» исламу, в результате только подстегивает формирование арабского исламского антитурецкого фронта.

Два последних десятилетия американцы, пытаясь решить «квадратуру круга» в своих сложных отношениях с мусульманским миром, предлагают исламским странам с авторитарными и тоталитарными режимами формулу «исламской демократии» – турецкий опыт. Это вызывает отторжение в арабских государствах типа Египта. Они никак не хотят под видом «демократизации» отдавать власть исламистам – тем же «Братьям-мусульманам», поскольку имеют перед глазами опыт движения ХАМАС в секторе Газа, который установил диктатуру с использованием избирательных процедур. К тому же в самой Турции в последние полтора десятилетия наметилось противоречие между тенденцией к демократизации, которую олицетворяют партии исламского толка, и кемалистской традицией светского государства, гарантом которой всегда выступала армия.

В середине 1990-х годов предшественник нынешних турецких исламистов, глава Партии благоденствия (Рефах) и Кабинета министров Неджметтин Эрбакан пытался выстроить «Исламскую восьмерку» в пику «семерке» индустриально развитых стран Запада. Весьма интересен состав этой «восьмерки». В ней семь неарабских государств – Турция, Бангладеш, Индонезия, Иран, Малайзия, Нигерия и Пакистан, и только одна арабская страна – Египет. В 1997 г. состоялся первый саммит этой организации, но Эрбакан быстро сошел с политической арены по требованию турецких военных, будучи кроме всего прочего заподозрен в финансовой нечистоплотности. После

авантюры с «Флотилией свободы» Анкара и Тегеран реанимировали «Исламскую восьмерку», и в июле 2010 г. в Абудже (Нигерия) состоялась встреча лидеров входящих в нее государств. Комментаторы сходятся на том, что прибывший туда президент Ирана Ахмадинежад стремился мобилизовать общественное мнение в свою поддержку. Тот факт, что иранский президент ищет ее прежде всего в неарабском мире, не может не насторожить арабов. Косвенным образом иранские представители дают понять, что силовое решение иранской проблемы, если до этого дойдет, «напрямую ударит по Саудовской Аравии, Объединенным Арабским Эмиратам, Кувейту, Ираку».

На «постосманском» пространстве конкурируют два исламских «проекта».

Один можно условно назвать «арабским», точнее, «аравийским». Его олицетворяет суннизм-салафизм ваххабитского толка, сформировавшийся на Аравийском полуострове в XVIII в. в борьбе, между прочим, против Османской империи.

Другой – «неарабский», и даже «антиарабский», блок турецкого суфизма (представлен по преимуществу деятельностью секты «Нурджулар») и иранского шиизма, которые характеризуются резким антиваххабизмом. И когда министр иностранных дел Ахмат Давутоглу в приватной беседе на экономическом форуме в Стамбуле в июне 2010 г. сказал: «Скоро Иерусалим станет столицей Палестины, и мы, с помощью Аллаха, сможем молиться в мечети Аль-Акса», не исключено, что кто-то из его собеседников воспринял это как угрозу. В мечети Аль-Акса арабам не хватало только турецких суфиев и иранских шиитов... Противостояние этих двух исламских «проектов» выливается в столкновения на Кавказе, и не только там.

В качестве претензии выступать от имени ислама как такового можно рассматривать испано-турецкую инициативу «Альянс цивилизаций» (2005). Цивилизации трактуются прежде всего в религиозном смысле, и Турция как соинициатор проекта брала на себя право представлять весь исламский мир. Примечательно, что особо не скрывалась генетическая связь «Альянса цивилизаций» с «Диалогом цивилизаций», который с конца 90-х годов прошлого века продвигал тогдашний президент Ирана аятолла Сейед Мохаммад Хатами, позиционировавший свою страну в роли полномочного представителя ислама. По-видимому, передача эстафеты с диалогом-альянсом цивилизаций была вызвана как раз тем, что шиитский Иран представляет миноритарное направление в исламе, а в Турции распространен суннитский ислам. («Альянс цивилизаций» готовит «отмычку» к арабскому региону: в докладе Группы высокого уровня израильско-

палестинский конфликт представлен как ключевой вопрос современности.)

К тому моменту, когда «Флотилия свободы» двинулась в сторону Газы, сформировалась доктрина «неосманизма», точнее, его апология для внешнего пользования. Вот как ее излагает советник турецкого Кабинета министров Орхан Газигиль. Турция окружена странами Среднего Востока, Кавказа и Балкан. Во всех этих регионах, особенно после окончания «холодной войны», наблюдается нестабильность. Она вызвана развалом Османской империи. Когда народы потребовали права самостоятельно определять свою судьбу, тогда и возникли проблемы, начались и продолжаются до сих пор межрелигиозные и межэтнические конфликты. На «постосманском» пространстве по-прежнему не разрешены территориальные споры. Всего этого не было во времена Османской империи, когда царила стабильность. Ни один народ, мусульманский или христианский, не потерял свою этническую или религиозную идентичность. Более того, Османская империя, хоть и была похожа на теократическое государство, но если проанализировать отношения государства и религии в ней, то она более соответствовала современной светской модели. Суть «неосманизма» (в изложении Орхана Газигиля) заключается в «усилении внешнеполитической роли Турции в регионе во имя стабильности».

Если перевести все это на язык политического действия, то Ближнему и Среднему Востоку, Балканам, Кавказу, а также Аравии и Северной Африке ради достижения стабильности надо вернуться под власть «новых османов». Не думаю, что в арабском мире найдется хоть один политик, который примет эту программу всерьез. А поскольку и в военном отношении современная Турция не так сильна, как была в свое время Османская империя, в попытках расширить свою сферу влияния ей приходится вступать в фактический союз с Ираном.

«Отвратительной» назвал затею с «Флотилией свободы» Фетхуллах Гюлен, влиятельнейший турецкий религиозно-политический деятель, который продвигает «Нурджулар» на всем «постосманском» пространстве. Он утверждает, что прежде чем направлять «Флотилию свободы» в сектор Газа, следовало бы получить согласие израильских властей. Гюлена невозможно заподозрить в антитурецких и произраильских настроениях. Вероятно, он просто расценивает акцию как шаг в неправильном направлении, не приблизивший, а удаливший Турцию от реализации ее ближних и дальних интересов и целей в арабском регионе.

«Флотилия свободы» оказалась большой внешнеполитической ошибкой Анкары. На имперском романтизме Турции сыграл Иран, который преследует собственные и весьма далеко идущие внешнеполитические цели. Тегеран хотел бы разбить складывающийся неформальный антииранский арабо-израильский консенсус, стравив арабский мир с Израилем, что надолго отвлекло бы и евреев, и арабов от подготовки к возможному удару по Ирану. Программой-максимум, на реализацию которой, впрочем, трудно рассчитывать, было бы втянуть Турцию в военное противостояние с Израилем. Тегеран заинтересован в создании в юго-восточной части Средиземного моря очага военной напряженности, который бы отвлекал внимание мировой общественности от Персидского залива, что позволило бы выиграть время для выстраивания обороны против вероятного военного удара по иранским ядерным объектам.

Для Ирана и с логистической, и с военно-политической точек зрения важно закрепиться в Газе. Израильский премьер Б. Нетаньяху, возможно, был недалек от истины, когда сказал, что Тегеран стремится превратить Газу в иранский порт в Средиземноморье. Как бы там ни было, Ирану удалось (правда, ненадолго) переключить внимание арабских стран со своей ядерной программы, а также с освоения Ираном частей арабского мира – на Турцию.

Национальный прагматизм Турции тоже не забыт Ираном. Тегеран поддерживает Анкару (не забывая при этом о собственных интересах) в борьбе против Курдской рабочей партии, которая имеет базы и тренировочные лагеря на севере Ирака. По некоторым сведениям, Иран и Турция создали в Иракском Курдистане секретные «наступательные оперативные базы» для осуществления совместных военных действий против курдских боевиков. Кроме того, Иран обещает снабдить Турцию углеводородами для того, чтобы она могла сыграть роль межрегионального «углеводородного коннектора».

Но события в регионе заставляют думать, что есть более широкая платформа турецко-иранского сотрудничества, назовем ее «анти-арабской» или, более узко, «антииракской». И Турция, и Иран готовятся к 2011 г., когда начнется твердо обещанный президентом США Барак Обама вывод американских войск из Ирака. При этом высока вероятность дестабилизации и дезинтеграции страны. Иран в этой ситуации наверняка будет претендовать на контроль над югом Ирака, которого он не смог добиться во время кровопролитной войны 1980–1988 гг. (Тегеран осуществил «пробную» оккупацию иракской территории в декабре 2009 – январе 2010 г., когда демонстративно захватил нефтяное месторождение Эль-Факка.)

Анкара будет стремиться к контролю над Северным Ираком. В последнее время в Турции развернулась дискуссия об этой части соседней страны. По мнению многих ее участников, этот район является «естественным географическим продолжением Турции». Причем вопрос не в создании на иракской территории какого-то «санитарного кордона» против курдских боевиков, он и так уже есть шириной от 3 до 10 км. Речь идет о Киркуке, нефте- и газоносном районе и предмете споров между курдами и арабами, а также проживающими там тюрками (туркоманами). После ухода американских войск почти неизбежна «битва за Киркук», если к тому времени его не передадут Иракскому Курдистану, как это обещали в свое время представители республиканской администрации Соединенных Штатов.

Но даже в этом случае велика вероятность того, что в Киркуке начнутся масштабные этнические «чистки», жертвами которых туркоманы станут при любом раскладе. Турция введет в Киркук войска для «защиты туркоманов от геноцида». И, вполне возможно, останется там столь же долго, как на Северном Кипре. Реализация этой задачи предполагает готовность сопротивляться дипломатическому (и, вполне возможно, иному) давлению США, которые станут препятствовать подобному развитию событий.

Турция уже удачно использовала антиамериканскую фронду, предложив России участвовать в «Кавказской платформе стабильности», которая декларативно исключала Соединенные Штаты из кавказской политики, вверяя ее Турции, России и государствам Южного Кавказа. Одним из результатов стало то, что Турция активно занялась «освоением» Абхазии, в достижении независимости которой большую роль сыграла Россия.

Арабские государства не поддержали, как это сделала Москва, антиамериканскую фронду Турции. Они тоже готовятся к 2011 г., имея в виду те опасности, которые грозят им со стороны нежелательных внерегиональных игроков – Турции и Ирана. По всему Аравийскому полуострову разбросаны американские, британские и французские военные базы. Более того, поговаривают о том, чтобы расположить американскую базу на территории Израиля. После событий с «Флотилией свободы» главы пяти арабских государств (Египта, Ирака, Йемена, Катара и Ливии), а также генеральный секретарь Лиги арабских государств провели в Ливии саммит, на котором рассматривался проект нового межгосударственного объединения – Союза арабских государств. Союз предполагает более тесное, чем сейчас, военно-политическое сотрудничество и отражение агрессии

против любого из членов альянса. Надо полагать, арабские государства больше не оставят Ирак без защиты.

Кстати, примечательно, что движение «Хезболла», несмотря на тесные связи с Тегераном, отказалось участвовать в дальнейших этапах акции под названием «Флотилия свободы». Логика понятна – эта группа не хочет выглядеть антиарабски, она стремится позиционировать себя не как иранский инструмент, а как организацию национального (арабского) сопротивления. Ливийцы же, также отправившие корабль «Надежда» с гуманитарным грузом для Газы, спокойно доставили его в египетский порт Эль-Ариш, преподав практический урок Турции и Ирану.

Соединенные Штаты не могли не отреагировать на турецко-иранское сближение. Госсекретарь Хиллари Клинтон призвала главу МИДа Турции Ахмета Давутоглу не вмешиваться в отношения между мировым сообществом и Ираном, на что, как сообщают СМИ, министр ответил согласием. Турция возвращается к своей роли юго-восточного фланга НАТО. В середине июля пришло сообщение о том, что Анкара временно откроет границу с Арменией для транспортировки техники, задействованной в проведении запланированных в сентябре в Армении учений натовского Евро-Атлантического координационного центра реагирования на стихийные бедствия и катастрофы.

Очень символично заявление Ахмета Давутоглу в начале июля 2010 г., которое дезавуировало его прошлое высказывание в ирано-хамасовских терминах: «Иерусалим является святым городом для каждого мусульманина, и я был бы счастлив совершить там намаз. Учитывая дипломатический этикет, я посчитал, что было бы некорректно публично говорить об этом. Но сейчас настало время говорить. Время придет, Восточный Иерусалим станет частью Палестины, и мы все совершим здесь намаз. Это не фантазии, а реальное положение вещей. Восточный Иерусалим принадлежит Палестине. Согласно резолюциям ООН это территория Палестины, и передача данной территории Палестине изначально являлась условием переговорного процесса». Это точно соответствует «Арабской мирной инициативе» по решению палестинской проблемы (создание палестинского государства в границах 1967 г.), которую поддерживает американская администрация.

Турция пока отступила. Однако перемены в турецком обществе и общие сдвиги в расстановке сил на Ближнем Востоке заставляют предположить, что это лишь передышка перед началом следующего этапа изменения политического позиционирования Анкары.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2010, июль–август, с. 141–164.*

Кирилл Лихачев,
политолог (Санкт-Петербургский
государственный университет)
**ИНДИЯ: БУДЕТ ЛИ ТРЕТЬЯ ВОЛНА
ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА?**

В первое десятилетие XXI в. характер деятельности в Индии исламских экстремистских организаций претерпел значительные изменения. В известной степени это объясняется общей эволюцией феномена международного терроризма. Наряду с действиями, направленными против представителей индийской армии и полиции, увеличилось число нападений на мирных жителей, а также атак на правительственные здания. В 2000-е годы исламские террористы предприняли ряд попыток парализовать жизнь различных индийских городов путем взрывов или нападений на государственные объекты. Участились и случаи нападений на храмы и святые места, причем принадлежащие как индуистам, так и мусульманам – членам умеренной части общины, не желающим поддерживать джихад.

Сегодня границы терроризма в стране расширяются. Можно выделить два периода, или волны, наибольшей активности исламистов в Северо-Западной Индии в последнее десятилетие: начало 2001 – осень 2003 и лето 2005 – осень 2008 г. Снижение активности экстремистов с конца 2003 по середину 2005 г. объясняется временным прекращением поддержки террористических группировок на территории Индии со стороны Пакистана. Наиболее активные исламистские организации, как изначально кашмирские, так и пакистанские, в составе Объединенного совета джихада (ОСД) имели штаб-квартиры в Пакистане либо были связаны с пакистанскими радикальными группировками, координацию деятельности которых осуществляет Межведомственная разведка Пакистана (МР).

В 2000 г. правительство Индии отозвалось на мирные инициативы кашмирской террористической организации Хизб уль-Муджахидин и в 2000–2001 гг. форсировало переговоры с оппозицией, потребовавшей обязательного участия Пакистана на всех стадиях переговоров. Однако в это же время возросла активность другой пакистанско-кашмирской экстремистской группировки – Лашкар-и-Таиба (ЛиТ), совершившей несколько серьезных терактов не только в Джамму и Кашмире, но и в Дели (нападение на Красный форт). Данное обстоятельство вынудило правительство Индии в мае 2001 г. снять действовавший с ноября 2000 г. мораторий на ведение боевых операций в Дик. События 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке стали

серьезным фактором усиления противодействия терроризму во всем мире. Нажим администрации США на пакистанское руководство с целью вынудить его прекратить сотрудничество с «Талибаном» изменил позицию Исламабада. Однако подрывная деятельность МР Пакистана на территории Индии не прекратилась. Уже 1 октября 2001 г. был осуществлен крупный теракт в Законодательном собрании штата Джамму и Кашмир: при взрыве заминированного автомобиля погибли 38 человек. Следующим шагом террористов стало нападение 13 декабря 2001 г. боевиков ЛиТ на Индийский парламент в Нью-Дели, во время которого погибли 13 человек, причем последствия могли бы быть значительно хуже, так как в автомобиле террористов нашли около 30 кг гексогена и ящики с ручными гранатами. Нападение на Индийский парламент привело к обострению отношений между государствами. Индийское правительство официально обвинило Исламабад в поддержке террористов на индийской территории. Только вмешательство США смогло предотвратить новую вспышку конфликта между двумя ядерными державами.

Однако исламский экстремизм в Индии имел не только кашмирское направление. 27 марта 2002 г. около г. Годхра в штате Гуджарат террористами был остановлен и подожжен поезд, в котором заживо сгорели 57 индусов, возвращавшихся из г. Айодхья. Теракт произошел в результате противостояния между мусульманами и индийскими националистами «в память» о разрушении в 1992 г. мечети Бабур в Айодхье и начале строительства на ее месте храма Рамы. Свообразным катализатором для экстремистов в марте 2002 г. стал съезд примерно 15 тыс. индусов, собравшихся в течение недели, предшествовавшей теракту. Показательно, что только в 2009 г. специальная правительственная комиссия опубликовала 1000-страничный доклад об этих событиях. Среди жертв пожара были как активисты националистической индуистской организации Вшива хинду паришад (ВХП), так и просто паломники с детьми. Уже в марте в столице штата Гуджарат г. Ахмедабаде при попустительстве (если не по указанию) местных лидеров Бхаратия джаната парти (БДП) и руководителей праворадикальных ВХП и Раштрия сваямсевак сангх (РСС) начались погромы в мусульманских кварталах. За несколько дней насилие распространилось и на сельскую местность. В результате при полном бездействии полиции и официальных властей штата уже в первые дни погромов погибли более 850 человек (по неофициальным данным – свыше 2 тыс.), большинство из которых были мусульманами.

На этом фоне весьма неоднозначным шагом центрального правительства стало принятие 28 марта 2002 г. Акта о борьбе с террористической деятельностью (АБТД), согласно которому стало возможным задерживать предполагаемых участников теракта сроком до 180 дней без предъявления обвинения. По индийским уголовным законам человек, сделавший признание в полиции, может отказаться от них в суде. Однако если подозреваемый задерживался по АБТД, отказаться от признаний он не имел права. Следует отметить, что в случае с поджогом поезда эти правила применялись только в отношении мусульман и не коснулись погромщиков-индусов. Безусловно, подобные двойные стандарты при осуществлении правосудия способствуют остроте и долгосрочности конфессиональных конфликтов.

В начале 2000-х годов на первый план террористической деятельности в Северо-Западной Индии выходит Лашкар-и-Таиба. Как и большинство других экстремистских кашмирских организаций, ЛиТ была образована при поддержке пакистанской МР. Деятельность организации предусматривала нападения на правительственные организации и убийства «неверных». В 2000–2002 гг. более 50 человек были убиты по дороге в священную пещеру Шивы в Джамму и Кашмире, хотя весь путь (около 400 км) патрулировался мобильными военными отрядами. Другой крупной акцией ЛиТ стало нападение в сентябре 2002 г. на храм в г. Гандинагаре (штат Гуджарат), в результате которого погибли 29 человек. Ситуация в Джамму и Кашмире заметно ухудшилась после убийства 14 мая 2002 г. – предположительно боевиками ЛиТ – 35 членов семей военнослужащих, расквартированных в долине Джамму; это событие вызвало сильный резонанс в армейских подразделениях по всему штату. В таких условиях в сентябре–октябре 2002 г. проходили выборы в парламент ДиК. Кашмирские экстремисты пытались сорвать голосование, в частности путем использования происламских СМИ для пропаганды антииндуистских настроений. При этом некоторые издания («Шринагар таймс», «Дейли Афтаб» и «Альсафа»), осуждавшие деятельность террористов, под угрозой физической расправы вынуждены были закрыться на время выборов. Акции кашмирских исламистов привлекли к себе внимание во всем мире. Под давлением мировой общественности и прежде всего США, а также из-за собственных внутренних проблем (конфликт с радикальными мусульманскими лидерами, покушения, осуществляемые местными экстремистскими группировками) президент Пакистана Первез Мушарраф приостановил поддержку террористических организаций, действовавших на территории Индии. В результате к осени 2003 г. спала первая волна терроризма. Победившая в мае 2004 г.

на выборах в Индийский парламент коалиция Индийского национального конгресса (ИНК) и Объединенного прогрессивного альянса (ОПА) выполнила свои предвыборные обещания: отменила крайне непопулярный АБТД и приступила к переговорам с Пакистаном, в результате которых 6 января 2004 г. в рамках Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) была подписана Исламабадская декларация, включавшая в себя пункты, касающиеся совместной борьбы Индии и Пакистана с терроризмом.

Однако генерал Мушарраф не смог преодолеть традиционное для Пакистана представление о том, что прекращение поддержки исламских террористов в Индии означает фактическое поражение Пакистана в борьбе за Кашмир. Именно поэтому «борьба» пакистанского правительства с терроризмом свелась к давлению на второстепенные экстремистские группировки. При этом власти игнорировали процесс подготовки потенциальных террористов в духовных семинариях-медресе и военных лагерях на территории Пакистана. Таким образом, убийства военных и мирных жителей-индийцев продолжались. 5 июля 2005 г. индийской полицией была предотвращена попытка нападения боевиков организации Джаиш-и-Мухаммад (ДиМ) на индуистский храм в г. Айодхья, а взрыв, в результате которого погибли 10 человек, устроенный ЛиТ в конце того же месяца в Джанпурском экспрессе на территории штата Уттар-Прадеш, свидетельствовал о начале новой волны экстремизма. Еще один масштабный теракт произошел 25 августа 2005 г. в Мумбаи. Начиненные взрывчаткой автомобили были взорваны сначала на площади около центрального рынка и городского храма, а затем неподалеку от отеля «Гадж-Махал» (жертвами стали 46 человек).

Теракт, осуществленный 29 октября 2005 г. в Дели (погибли более 70 человек), стал крупнейшим за первые несколько лет нынешнего века. Ответственность за взрывы взяла на себя ранее неизвестная Исламская революционная группа (Ислами-и-Килаби Махаз – ИКМ), созданная, как выяснилось, в 1996 г., но до недавнего времени никак себя не проявлявшая. В конце 2005 г. произошло нападение на Индийский институт науки в г. Бангалоре на юге страны. Не стал спокойнее и 2006 г.: три взрыва в Варанаси (штат Уттар-Прадеш) в марте привели к гибели 21 человека. Ответственность за теракт взяла на себя бангладешская экстремистская организация Харкат-уль-Джихадиль-Ислами (Худи). (До этого наиболее крупные теракты в основном совершались пакистанскими группировками.) Существуют две связанные между собой группы Худи – в Индии и в Бангладеш. В индийских СМИ для их обозначения, как правило, используется одна

аббревиатура, поэтому для ясности бангладешскую группу называют ХуДИ-Б.

В 2006 г. подтвердилась выявленная ранее информация о сотрудничестве между МР Пакистана и Главным управлением военной разведки Бангладеш (ГУВР). Делийский полицейский спецназ арестовал агента МР, который провел несколько лет в Бангладеш, где готовил специальные группы боевиков. По индийским данным, к 2006 г. на территории Индии насчитывалось более 250 бангладешских и пакистанских террористических групп. В 2005–2006 гг., помимо наиболее опасных Лашкар-и-Таиба и Джаиш-и-Мухаммад, активизировалась одна из кашмирских экстремистских организаций – Харкот-уль-Муджахидин, оказавшая большую помощь афганскому «Талибану» в его противостоянии США в 2002 г.. Так, в ночь на 1 мая 2006 г. в районах Дода и Удхампур (Джамму и Кашмир) были убиты 35 деревенских жителей-индусов.

Но самый кровавый теракт 2006 г. произошел в июле в Мумбаи, где мощные взрывы в междугородных поездах привели к гибели более чем 200 и ранениям более чем 600 человек. Индийские власти обвинили в организации теракта МР Пакистана, ЛиТ, а также местную группировку Исламское движение студентов Индии (ИДСИ). Надо сказать, что заметно активизировавшейся делийской полиции удавалось арестовывать все больше боевиков – членов различных группировок (ДиМ, ЛиТ и др). В 2005 г. при задержании были убиты 19 боевиков и 14 арестованы; в 2006 г. из двух десятков арестованных боевиков 17 оказались членами ЛиТ. Несмотря на заметный подъем террористической деятельности, официальный диалог между Индией и Пакистаном не прекратился, а 17 сентября 2006 г., после встречи президентов двух стран, было официально объявлено о формировании Совместного механизма по противодействию терроризму (СМИТ), после чего террористическая деятельность на территории Индии на некоторое время снизилась.

Теперь главной целью экстремистов стал срыв мирного процесса. Следующий крупный теракт произошел в феврале 2007 г. в Джамму и Кашмире: в результате взрывов в экспрессе Самдджаута (индо-пакистанский «поезд дружбы») погибли 66 человек. Предполагается, что акция была осуществлена боевиками ЛиТ, так как за несколько дней до теракта идеолог организации Абдул Рахман Макки заявил о недопустимости строительства Индией в ущерб Пакистану дамбы на р. Ченнаб (использование водных ресурсов Кашмира регулируется так называемым Водным соглашением 1960 г. и остается давнишним предметом спора между двумя странами). Необычным

можно считать южное направление террористической деятельности. Так, 25 августа 2007 г. два взрыва (погибли 44 человека), совершенных, как предполагается, группировками ХудИ-Б и ЛиТ, произошли в Хайдерабаде – крупном промышленном центре страны. Возможно, террористы пытались таким образом спровоцировать столкновения в городе, где доля мусульманского населения превышает 40% общего числа жителей.

В ноябре 2007 г. взрывы произошли сразу в трех городах штата Уттар-Прадеш – Лакнау, Варанаси и Файзабад. В этот раз вместо трудоемкого с точки зрения производства и использования гексогена был применен нитрат аммония, уступающий гексогену во взрывной силе, но в сочетании с металлическими предметами (болтами и др.), позволяющий усилить поражающий эффект. Причем компоненты для данного вида взрывчатки можно приобрести легально, так как нитрат аммония используется в качестве удобрения. В 2006–2007 гг. штат Уттар-Прадеш вышел на 2-е место после Джамму и Кашмира по масштабам террористической деятельности на его территории. Индийское разведывательное бюро (ИРБ) опубликовало информацию о 23 террористических группировках в штате Уттар-Прадеш. В последние годы в штате регулярно происходят нападения боевиков на казармы и полицейские участки, на суды и адвокатские конторы. Представляется, что Уттар-Прадеш – самый густонаселенный штат Индии с 80% индуистского населения – стал новой ареной деятельности исламских экстремистов.

В 2000–2007 гг. был совершен целый ряд нападений на различные храмы (как индуистские, так и мусульманские) в северо-западных штатах Индии. Большая часть этих атак была осуществлена террористами ЛиТ или ДиМ, в некоторых случаях – ХудИ-Б. Целью экстремистов являлось достижение максимального уровня людских потерь в священных для индуистов местах. 13 мая 2008 г. в Джайпуре (штат Раджастхан) в результате шести взрывов в людных местах погибли более 60 человек. В этот раз была использована смесь гексогена и нитрата аммония. Ответственность за теракт взяла на себя ранее неизвестная группировка Индийские муджахеды (ИМ). В письме, направленном ее лидерами в ИРБ, сообщалось, что цель терактов – подрыв основанной на туризме экономики Раджастхана и наказание мусульман, не поддерживающих джихад. Индийская разведка, изучив полученную информацию, пришла к выводу, что ИМ – новая группировка, созданная из бывших боевиков Исламского движения студентов Индии и ХудИ-Б, поставивших своей целью превзойти актив-

ность таких крупных группировок, как ЛиТ и ДиМ. Позже стало известно, что теракт действительно был проведен ИДСИ.

Один из лидеров БДП, Мухтар Аббас Акви, обвинил премьер-министра Индии Манмохана Сингха и возглавляемый им Объединенный прогрессивный альянс в проведении недопустимо мягкой политики по отношению к террористам. Действительно, террористическая деятельность на фоне непрекращающихся контактов между Дели и Исламабадом не могла не вызвать недовольства оппозиции менее чем за год до парламентских выборов 2009 г. Однако давление оппозиции и некоторых СМИ не повлияло на курс правительства в отношении с Пакистаном. К концу 2000-х годов отчетливо проявилась новая тенденция в деятельности террористов: стремление парализовать жизнь того или иного крупного города путем осуществления не отдельных акций, а серии одновременных взрывов и нападений. Так, в июле 2008 г. взрывы произошли в самых людных местах Ахмедабада и Бенгалуру (штат Гуджарат). Взрывные устройства были снабжены специальными электронными взрывателями, ранее применявшимися во время терактов в Индонезии и на Филиппинах. ИДСИ и другие группы стали налаживать контакты с террористами Юго-Восточной Азии. Уход в 2008 г. с поста президента Пакистана П. Мушаррафа привел к дестабилизации политической обстановки как в самом Пакистане, так и в Кашмире. В частности, летом 2008 г. в ДиК было совершено более 30 нападений боевиков на подразделения индийской армии.

В сентябре 2008 г. пять взрывов произошли в Нью-Дели (более 20 убитых): самодельные бомбы из нитрата аммония срабатывали на центральных рынках и площадях. Группировка Индийские муджахеды опять взяла на себя ответственность, причем в отправленном ею на новостные каналы телевидения сообщении подчеркивалось, что ЛиТ, которую также считали причастной к взрывам, не имеет к ним никакого отношения. Учитывая масштабы деятельности ИМ, индийские эксперты высказали предположение, что наряду с традиционными целями любого теракта организация преследовала цели саморекламы и повышения своей значимости в глазах потенциальных спонсоров. Известно, что ЛиТ и ДиМ поддерживаются не только «Аль-Каидой», «Галибаном» и пакистанской разведкой, но и частично финансируются Саудовской Аравией. В связи с этим стремление ИМ потеснить ЛиТ и ДиМ может иметь целью и изменение направления финансовых потоков. В 2009 г. в специальном докладе делийской полиции указывалось, что Индийские муджахеды – это не организация, а сеть из трех самостоятельных групп, действующих в

разных штатах, причем в Гуджарате ИМ является членом ИДСИ; в Уттар-Прадеше это группа радикальных исламистов, связанных с ХУДИ-Б, а в Мумбаи экстремисты ИМ тесно сотрудничают с местным преступным синдикатом. Отчасти успех терактов в Индии объясняется несогласованностью между различными спецслужбами страны в борьбе с экстремизмом.

Несовершенство системы безопасности стало особенно очевидным в связи с терактом в Мумбаи в ноябре 2008 г., когда тщательно спланированная акция группы из десяти террористов действительно парализовала огромный город. Во время 60-часового вооруженного противостояния боевиков Лашкар-и-Таиба и армейских подразделений погибли 164 человека, в том числе 26 иностранных граждан. При этом, пользуясь современными средствами связи (GPRS-навигаторы, сотовые телефоны, рации и пр.), террористы получали указания извне. Пакистан официально признал, что теракт планировался и готовился на его территории. Негативная оценка мировым сообществом роли Пакистана в теракте вынудила Исламабад направить основные силы на борьбу с терроризмом внутри страны и ограничить поддержку экстремистов на территории Индии. Таким образом, вторая террористическая волна, поднявшаяся летом 2005 г., пошла на спад. В феврале 2010 г., после периода некоторого затишья, новый крупный теракт в г. Пуна (штат Махараштра) на западе страны привел к гибели девяти человек. Ответственность за него взяла на себя неизвестная ранее группировка Лашкар-и-Таиба аль-Алами, которая, возможно, является новой ячейкой ЛиТ в Индии. Главной целью террористов стал срыв объявленного в начале февраля возобновления индийско-пакистанских контактов на государственном уровне.

В конце июня 2010 г. в Исламабаде на встрече министров внутренних дел Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии впервые после теракта в Мумбае состоялась встреча глав этих ведомств Индии и Пакистана П. Чидамбарам и Р. Малика. Они обсудили возможности развития сотрудничества между правоохранительными ведомствами двух стран в борьбе против трансграничного терроризма. Вместе с тем тревожным представляется то обстоятельство, что за наиболее масштабными терактами последнего десятилетия стоят местные индийские группировки – Индийские муджахеды и Исламское движение студентов Индии, связанные, как и наиболее крупные кашмирские террористические организации, с пакистанской разведкой. Предотвращение новой волны терроризма исламских экстремистов в Индии во многом зависит от того, насколько Исламабаду

удастся обуздать те силы в военных структурах Пакистана, которые поощряют их действия.

«Азия и Африка сегодня», М., 2010 г., № 10, с. 18–22.

Ирина Мохова,

кандидат политических наук

ВО ФРАНЦИИ ПРИНЯТ ЗАКОН О ЗАПРЕТЕ НА «СОКРЫТИЕ ЛИЦА» МУСУЛЬМАНКАМИ

В русском языке для обозначения различных предметов женской мусульманской одежды распространены следующие термины: пикай – мусульманский женский головной платок, плотно закрывающий лицо от взглядов посторонних мужчин, чадра – чадор (турецк.) – легкое покрывало, надеваемое женщиной при выходе из дома и закрывающее ее с головы до ног, и паранджа – ферендже (перс.) – халат с длинными ложными рукавами и закрывающей лицо сеткой из конского волоса. В арабской среде речь идет о различных видах хиджаба (женского мусульманского покрывала) – просторной, необлегающей одежды, всегда закрывающей волосы, запястья рук, щиколотки ног и частично лицо. То, против чего выступает французская общественность, называется «бурка́ (бырга)» и оставляет открытыми только глаза. Характерно, что в большинстве арабских стран этот вид хиджаба, отнюдь не самый распространенный тип женского мусульманского покрывала, обычно называют «никаб», термин «бурка» более распространен в странах Аравийского полуострова (где этим словом также указывают колпачок для охотничьих птиц) и частично в странах Магриба. Среди всех видов хиджаба – это самый строгий тип покрывала, свидетельствующий об определенном уровне религиозности семьи.

Данные о численности женщин носящих бурку, или паранджу, во Франции, разнятся. Служба общей информации МВД называет цифру в 2 тыс. женщин, а по сведениям департамента полиции, также занимающегося сбором информации внутри страны, таких женщин всего 367. Последняя цифра, вероятно, занижена и не отражает реального положения. По утверждению мэра одного из пригородов Лиона, женщин в полностью скрывающем одеянии значительно больше на одном только рынке в лионском предместье. С другой стороны, даже если носящих бурку около 2 тыс., принятый закон коснется крайне незначительных по численности социальных групп. Инициаторы закона – правительство и парламент-

ское большинство во главе с правой партией Союз за народное движение (СНД). С приходом к власти Н. Саркози в 2007 г., который, по его собственным словам, был избран для «защиты национальной идентичности», полемика о переосмыслении французской идентичности и критериях принадлежности к нации оказалась в центре общественно-политических дискуссий. В этой связи правое крыло политической элиты поставило вопрос о совместимости ношения в общественных местах бурки с рядом основополагающих принципов Французской республики (ФР), светским характером государства, равенством между мужчиной и женщиной и защитой человеческого достоинства.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному в начале 2010 г. социологической службой TPSOS, более половины французов (57%) выступали за принятие закона, запрещающего ношение бурки. У сторонников правых и крайне правых политических партий этот процент существенно выше: среди сторонников президентской партии СНД – 69%, у поддерживающих крайне правый Национальный фронт (НФ) во главе с Жаном-Мари Ле Пеном – 74%. Среди приверженцев левых взглядов, традиционно придерживающихся более гуманного подхода к проблемам иммиграции и интеграции, противников закона оказалось больше (48%), нежели его сторонников (46%). По данным другого опроса, проведенного социологической службой TNS-Sofres, 2/3 французов высказались за введение полного (во всех общественных местах) либо ограниченного (только в государственных учреждениях) запрета на ношение бурки. Несмотря на то что большинство французов (53%) считают решение вопроса о бурке в целом важным, все же часть респондентов (15%) считают его второстепенным и не заслуживающим столь пристального внимания со стороны исполнительной и законодательной власти на фоне реальных проблем в экономической и социальной сферах, усугубившихся с началом кризиса.

Определенное направление обсуждению вопроса о бурке задал сам президент, заявивший о том, что «бурке не место на территории ФР». В рамках подготовки к принятию закона, запрещающего ношение бурки, 11 мая 2010 г. Национальная ассамблея (нижняя палата парламента) приняла резолюцию, в которой цель запрета обосновывается необходимостью «уважать республиканские ценности перед лицом распространения угрожающих им радикальных практик». Подтвердив несоответствие одеяния, полностью скрывающего человека, республиканским ценностям, парламентарии сослались в тексте резолюции на следующие документы: Декларацию о правах человека и

гражданина, принятую Учредительным собранием 26 августа 1789 г. (в частности, на ст. 1 и ст. 4, в которых говорится, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» и что «свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому»); преамбулу к Конституции 1946 г. (в которой провозглашается равенство между мужчиной и женщиной во всех областях жизни); Всеобщую декларацию прав человека, принятую ГА ООН 10 декабря 1948 г. (в частности, на ст. 1, провозглашающую, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах»); Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, принятую 4 ноября 1950 г. (в частности, на ст. 11 о запрете какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии и т.д.); Конвенцию о запрете всех форм дискриминации в отношении женщин, принятую ГА ООН 18 декабря 1979 г.; Хартию Европейского союза об основных правах, принятую 7 декабря 2000 г.

Аргументация инициаторов закона и их сторонников строится на следующих утверждениях.

Во-первых, ношение бурки противоречит ключевым принципам ФР, принципам светскости государства и равенства. Согласно преамбуле и ст. 1 Конституции Франция является светским, демократическим и социальным государством. Государство гарантирует женщине равенство в правах с мужчинами во всех областях, способствует равному доступу мужчин и женщин к выборным функциям, а также равенству в социальных и профессиональных обязанностях. В связи с этим появление в общественном месте человека в одежде, очевидно указывающей на его религиозную принадлежность, нарушает принцип светскости. Сокрытие лица, предусмотренное только для женщин, явно свидетельствует об отказе определенных слоев населения принять равенство между полами. Несмотря на существующие политические разногласия между пропрезидентской партией СНД и ее главным оппонентом Французской социалистической партией (ФСП), социалисты в целом поддерживают введение запрета на сокрытие лица. По словам лидера ФСП М. Обри, «(социалисты), конечно, против бурки и выступают за то, чтобы ее больше не было в нашей стране». Именно поэтому ФСП проголосовала в поддержку парламентской резолюции о приверженности республиканским ценностям перед лицом распространения угрожающих им радикальных практик в мае 2010 г. Тем не менее левые считают, что применение закона о запрете бурки должно быть ограничено рамками государственных учреждений.

Во-вторых, практика ношения бурки ущемляет все общество и противоречит основным принципам совместного существования («vivre ensemble»). Целостность общества ставится под угрозу из-за того, что ношение бурки означает укрепление коммунитаризма и ставит барьер на пути успешной интеграции мусульман.

В-третьих, во французском обществе распространено убеждение, что девушки и женщины, носящие мусульманский платок и тем более паранджу, никаб и т.д., принадлежат к семьям, придерживающимся архаичных традиций. Именно заботой об «освобождении» женщин от патриархального гнета пронизана риторика французских политиков.

В-четвертых, сокрытие лица в общественных местах является символическим насилием, практикой, отрицающей гуманистические идеалы. Женщина, одетая в бурку, представляет собой «передвижную тюрьму», «находится в состоянии заточения, исключения (из общества. – *И. М.*) и переживает невыносимое унижение».

В-пятых, «заточение» под соответствующей одеждой в общественных местах представляет собой явное посягательство на человеческое достоинство не только индивида, носящего эту одежду, но и на достоинство всех тех, кто находится вокруг. Ибо ношение бурки предполагает, что человек рассматривает окружающих в качестве угрозы и хочет обезопасить себя, отказываясь от любого контакта, даже зрительного. Со времен Великой французской революции общественное пространство рассматривается как пространство для свободной коммуникации, циркуляции информации и идей, доступное для всех, где отсутствует какая-либо дискриминация. Общественное пространство – антоним сферы закрытой, интимной. Именно поэтому бурка несовместима с открытым пространством, где не должно быть видимых секретов.

В-шестых, сокрытие лица может представлять при определенных обстоятельствах угрозу общественной безопасности. Под такой одеждой может скрываться кто угодно, и установить личность человека при этом затруднительно. Этот аргумент опирается на ст. 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в которой оговаривается, что «свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит... ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности для охраны общественного порядка... или для защиты прав и свобод других лиц». Террорист или злоумышленник, скрывая лицо под буркой, может свободно передвигаться до места планируемого преступления и обратно. Скрывающая внешность

женщины (или мужчины) бурка серьезно затрудняет работу правоохранительных органов. Помимо этого, французское общественное мнение ассоциирует ношение бурки с радикальными мусульманскими течениями и активным распространением их идей. По мнению члена парламента А. Герэна, инициатора созданной в июне 2009 г. специальной Комиссии по изучению практики ношения бурки или никаба на территории Франции, заметное распространение этого одеяния свидетельствует о подъеме радикального ислама в стране в течение последних 15 лет.

В-седьмых, бурка не может быть частью французской культуры и цивилизации, имеющей глубокие христианские корни. Эта мусульманская практика, абсолютно чуждая современному обществу и вызывающая чувство неприятия у большинства французов, представляет собой угрозу французской идентичности. По словам Саркози, одна из отличительных черт европейцев состоит в том, что они гостеприимны и терпимы по отношению к иммигрантам с иными культурой и традициями, однако «они не хотят, чтобы (европейский. – *И. М.*) образ жизни, образ мышления и отношения в обществе изменились. Поскольку чувство потери собственной идентичности может быть причиной глубоких страданий». Несмотря на свою иррациональность, этот аргумент часто выдвигается сторонниками запрета бурки для обоснования своей позиции. Большинство французов привыкли видеть Францию как страну с христианским историческим наследием и христианской культурой. Видимое «вторжение» другого в «наше» общественное пространство приводит к желанию сохранить привычный и понятный образ Франции, защитив его от того, что символизирует ислам. Таким образом, негативный взгляд на бурку уходит корнями в неприятие и сопротивление чуждой религиозно-общественной практике.

Противники принятия закона строят свою аргументацию на следующих постулатах.

1. Он будет нарушать основные права француженок, гарантированные Конституцией и Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. В первую очередь речь идет о равенстве всех граждан перед законом вне зависимости от происхождения, этнической принадлежности и религии и о праве свободно и публично (т.е. находясь в общественных местах) исповедовать свою религию. Так, согласно упоминавшейся выше ст. 9 Конвенции, «каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу ...исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в бо-

гослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов». Таким образом, запрет на ношение бурки в общественных местах будет носить дискриминационный характер и войдет в противоречие с Европейской Конвенцией и французской Конституцией. Закон обрекает мусульманок, не желающих снимать бурку, на фактическое заточение в стенах их домов и никак не будет способствовать их эмансипации.

2. Правоохранительные органы не зафиксировали никаких специфических нарушений со стороны лиц, носящих бурку. Полиция также не отмечает фактов, затрудняющих выполнение ее работы либо сложностей при обеспечении общественной безопасности, создаваемых этой категорией населения. К тому же, еще до принятия нового закона в ФР уже действовал ряд ограничений на ношение бурки и – в более широкой трактовке – на сокрытие лица. Так, для обеспечения общественной безопасности и борьбы с противоправными действиями человек не имеет права скрывать лицо при проверке документов и в ходе выяснения личности в рамках процедур, предусмотренных уголовным законодательством. Запрет на сокрытие лица также действует при вступлении и брак, голосовании, передаче/встрече детей из школьных и других учебных заведений, при регистрации на авиарейсы. Допускалось даже введение запрета на ношение бурки внутренним регламентом предприятия или организации, если этот запрет связан с необходимостью обеспечения его «нормальной работы».

3. Противники закона считают несостоятельным аргумент о том, что женщины, одетые в бурку, символизируют подъем радикального ислама во Франции. Имам Парижской Соборной мечети и первый председатель Французского совета мусульманского культа Далил Бубакер, несмотря на косвенную поддержку законопроекта, все же выразил сомнение в том, что сотня женщин, носящих бурку, представляет собой опасное проявление фундаментализма во Франции.

4. Ношение бурки в большинстве случаев является добровольным и осознанным действием. В специальных отчетах полиции говорится, что большинство женщин, носящих бурку (в основном это женщины до 30 лет, четверть из которых не родились мусульманками, а приняли ислам), одевают ее исходя из религиозных убеждений и без принуждения со стороны родственников. Аргументация этих девушек и женщин строится на том, что ношение бурки связано со стремлением жить в гармонии со своим мировоззрением, соблюдать одобряемые мусульманской традицией нормы поведения, а также сохранить свое достоинство в испорченной и развращенной среде, ко-

торой для них является современное западное, в частности французское, общество. В итоге часть мусульманского сообщества ФР воспринимает готовящийся закон в качестве угрозы для их религии и образа жизни.

5. Запрет бурки во всех общественных местах не может быть эффективно применен на практике. Представители французской полиции, на которых ляжет основная нагрузка по «отлову» нарушителей, отмечают, что воплотить новый закон в действие будет крайне трудно, поскольку в ряде кварталов Парижа и Марселя «принудить женщин снять паранджу равносильно провоцированию мятежей». Наряду с этим встает вопрос, каким образом идентифицировать, например, туристов из стран Персидского залива (некоторые тоже носят бурку) и как поступать с ними?

6. По мнению многих наблюдателей, дискуссия вокруг ношения бурки и выдвижение законопроекта в парламент представляют собой искусственно созданную проблему. Ряд представителей оппозиционного левого политического спектра, в первую очередь Социалистической партии, а также представителей мусульманского сообщества считают, что привлечение внимания к проблеме бурки имеет исключительно политический подтекст. Он связан с подготовкой к президентским и парламентским выборам 2012 г. По их мнению, правые (в частности, Союз за народное движение) специально прибегают к риторике защиты национальных интересов и идентичности, а для этого используют негативные образы и страхи, связанные с исламом. «Игра на поле» крайне правых политических партий имеет цель привлечь на сторону СНД избирателей, не желающих видеть мусульманских иммигрантов и их детей частью французского общества. Схожая риторика – усиление контроля за иммиграцией, борьба с нелегалами, укрепление французской идентичности – уже использовалась в предвыборной борьбе 2007 г. и принесла Саркози победу на президентских выборах, а его партии – на парламентских. По словам представителя Авиньонской ассоциации по защите прав мусульманок, «государство и правительство решили развязать эту полемику, чтобы таким образом дать другим гражданам право агрессивно к нам относиться. Они хотят сделать из французов исламофобов, напугать их, чтобы те думали, будто женщины в парандже – это террористки». Следуя этой логике и раздувая несуществующую проблему, СНД пытается отвлечь внимание от насущных проблем (экономический кризис, безработица, проблемы безопасности) и увеличить свой политический вес.

7. Правое крыло правящей элиты, отстаивающее запретительные меры, не желает признать того, что Франция изменилась и более не является государством с относительно гомогенным этническим и конфессиональным составом населения. Связанные с исламом традиции и образ жизни – не временное явление, которое нужно и возможно искоренить, а неотъемлемая часть французской общественной жизни.

В настоящее время население Франции насчитывает около 65 млн. человек, среди которых, по разным оценкам, от 3,8 до 6 млн. исповедуют ислам. По данным Французского института изучения общественного мнения (IFOP), доля мусульман во Франции составляет 5,8% от всего населения, а в регионах их компактного проживания не превышает 10%. Французские мусульмане, как приехавшие из других стран, так и родившиеся во Франции, представляют все многообразие социальной практики ислама: от прогрессивного француза-мусульманина, ничем не отличающегося по отношению к религии от своего соотечественника-христианина, до консервативной француженки, носящей бурку. Запреты, подобные этому, лишь создают дополнительный негативный фон вокруг мусульман и ставят барьеры на пути недискриминационного включения исламской составляющей во французское общество.

Проведенный анализ позиций сторон показывает, что сторонникам запрета бурки явно недостает рациональных аргументов. Мусульманки носят бурку, как правило, добровольно, согласно их внутренним убеждениям, и запрет на ношение станет очевидным посягательством на их права, закрепленные в основополагающих нормативных документах. Вместо «равенства», «эмансипации» и «защиты достоинства женщины» (как говорят сторонники запрета) закон будет способствовать неравенству и дискриминации, в первую очередь в отношении тех женщин, которые будут вынуждены не выходить на улицу (закон принят в наиболее жесткой редакции и полностью запрещает ношение бурки во всех общественных местах). В соответствии с существующей во Франции процедурой, проект закона был направлен на рассмотрение в Госссовет. Оценив проект на соответствие действующему законодательству, Госссовет не нашел никаких юридических оснований для введения всеобщего запрета на ношение бурки. В своем заключении Госссовет подтвердил так называемый «принцип личной автономии», согласно которому каждый имеет право жить по своим убеждениям, своему выбору, в том числе подвергая себя физическим и моральным испытаниям, с условием, что такое поведение не наносит ущерба окружающим. Госссовет

также отметил, что использование термина «бурка» в тексте нового закона будет противоречить Конституции, ибо нацеливает его применение против представителей одной из конфессий, которые в этом случае дискриминируются и ограничиваются в правах. На основании заключения Госсовета авторы законопроекта внесли в текст коррективы, используя вместо запрета бурки более нейтральную формулировку – запрет на «сокрытие лица».

Несмотря на заявления сторонников запрета, ношение бурки в общественном месте не имеет никакого отношения к несоблюдению принципа светскости. В ст. 1 Закона об отделении церкви от государства от 9 декабря 1905 г. говорится, что республика обеспечивает свободу совести и гарантирует свободное отправление культа. В ст. 2 закона записано, что ФР «не признает, не содержит и не предоставляет дотаций ни одному из культов. Таким образом, принцип светскости распространяется только на сферы, находящиеся в компетенции государства, в частности, на государственные учреждения и службы. Именно поэтому госслужащим запрещено демонстрировать свою религиозную принадлежность, поскольку государство, чьими представителями они являются, не связано ни с одной из конфессий. Принцип отделения церкви от государства абсолютно не касается сферы частной жизни, где любому гражданину предоставляется и гарантируется ряд свобод, в том числе и свобода вероисповедания. В этой связи даже в заключении Госсовета отмечается, что принцип светскости «не может быть навязан всему обществу в целом и (отдельным. – *И. М.*) его членам». Несмотря на юридически закреплённую и охраняемую свободу совести (Закон 1905 г., Конституция, международные конвенции) и вопреки сути принципа светскости, немало французов убеждены в существовании неразрывной связи между светскостью и всеми сферами общественной жизни. По историческим причинам светскость стала одной из основных черт французской идентичности и ценностью общества. В силу этих обстоятельств различные французские политические и общественные силы (как крайне правые националисты, так и умеренные) выступают за ограничение видимого присутствия ислама именно во имя соблюдения принципа светскости.

Что касается остальных аргументов за запрет бурки, связанных с принципами совместного существования, французской идентичностью, борьбой с коммуитаризмом, «открытым» общественным пространством, то их рациональность и обоснованность вызывают сомнения исходя из того, что французское общество (как и любое другое) не является константой. Оно постоянно меняется как под воз-

действием глобализации и технологического прогресса, так и социальных тенденций, таких как старение населения, иммиграция, сближение различных религий и культур. Единственным весомым аргументом в пользу запрета бурки служит фактор безопасности. Поэтому правительство адаптировало проект закона таким образом, чтобы он формально не противоречил основным положениям Конституции и другим документам и конвенциям о защите индивидуальных свобод. Однако несмотря на эти нюансы в формулировках, закон имеет очевидную антимусульманскую направленность.

Этот закон, как и другие политические или общественные инициативы, нацеленные на ограничение исламской практики, вступает в противоречие с либеральными ценностями, составляющими одну из основ французского общества. Если правящая элита пересматривает приверженность ФР этим ценностям и проводит курс на «закрытие» общества от другого, то внутренняя последовательность этого курса должна предполагать выход страны из Европейской Конвенции о защите прав человека, а также внесение изменений во французскую Конституцию (ее адаптацию под христианское или, по крайней мере, неисламское видение французской идентичности). Вопрос запрета бурки, несмотря на дискуссионный и противоречивый характер, по своей актуальности действительно не может быть поставлен в один ряд с такими проблемами, как стимулирование экономического роста в условиях кризиса, борьба с безработицей и сокращение госдолга, борьба с радикальными исламистскими организациями (в том числе их французскими ячейками), участие французских военнослужащих в кампании НАТО в Афганистане. Невысокая актуальность проблемы и слабость аргументационной базы сторонников запрета бурки (юридическая необоснованность и эмоциональный характер доводов) свидетельствуют о наличии в их действиях политического расчета. Инициативы, направленные на решение «исламской проблемы», опираются в современной Франции на достаточно благоприятный социальный фон (как показывают опросы общественного мнения, приведенные в начале статьи) и служат удобным способом легкого повышения рейтинга как политической партии, так и конкретного политика.

13 июля 2010 г. Национальная ассамблея приняла в первом чтении абсолютным большинством (335 голосов «за», 1 – «против») законопроект, запрещающий «сокрытие лица» во всех общественных местах. Депутаты от левой оппозиции – Социалистической партии, Партии зеленых и Французской коммунистической партии приняли решение не участвовать в голосовании. 14 сентября 2010 г. законо-

проект получил одобрение Сената (верхней палаты парламента). За нарушение закона предусмотрен штраф в размере около 150 евро. Закон предполагает прохождение нарушителями обязательных курсов по основам гражданского поведения вместе со штрафом или вместо штрафа (ст. 3). Лицо, заставляющее женщину носить бурку, рискует получить год тюремного заключения и штраф в размере 30 тыс. евро (ст. 4). В случае если подобные действия будут совершены в отношении несовершеннолетних, срок тюремного заключения составит два года, а штраф – 60 тыс. евро.

*«Азия и Африка сегодня»,
М., 2010 г. № 11, с. 41–46.*

Б. Кулакова,
политолог (Кубанский государственный университет)
**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ОБРАЗЫ КУЛЬТУР:
ВЗАИМОПОНИМАНИЕ МУСУЛЬМАН И ХРИСТИАН**

Вопрос о философском осмыслении процесса взаимопонимания исламской и христианской культур на примере отношения к исламу в России актуализируется в связи с обострением проблемы толерантности и адекватного концептуально-образного восприятия духовного мира человека другой культуры. В качестве альтернативных образов имеются в виду образы христианской и мусульманской культур. Религия в данном случае рассматривается в качестве семантического кода культуры, который может как затруднять, так и облегчать процесс взаимопонимания народов. Такой подход опирается на работы по семиотике культуры, философии религии и автономности сознания. В широком смысле код культуры – это любой культурный текст, с помощью которого читается другой культурный текст. Пытаясь понять другую культуру только на уровне научной объективности (синтаксического кода), мы не сможем понять именно сферу человеческой субъективности в другой культуре, религиозно-нравственные отношения людей в ней (семантический код).

Религии принадлежит значительная роль в формировании, становлении и развитии всех сторон духовной культуры и менталитета народов. При этом любая мировая религия претендует на то, что она не просто является религией, но и предлагает некие модели поведения в повседневной и общественной жизни: экономической, политической, правовой. Попытка философского осмысления ислама и отношение к нему связаны с изучением проблемы толерантности и

понимания человека другой культуры, специфики диалога христианской и мусульманской культур и их проявления в современных российских условиях. В последнее десятилетие ислам стал объектом пристального внимания ученых самых разных специальностей, порождая споры, зачастую полярные мнения об его отдельных проявлениях и элементах, либо о нем в целом. В этой обширной проблематике существует возможность выявить образ человека другой культуры, исследовать образное восприятие как мусульманами христиан, так и христианами мусульман путем философско-культурологического анализа ценностей и смыслов, выраженных в концептуально-образной форме. Необходимость теоретического осмысления указанной темы определяется двумя обстоятельствами.

Во-первых, в советской историографии ислам был всего лишь объектом явной или неявной критики, что, впрочем, относится и ко всем другим религиям. Это вполне очевидно, поскольку ученые исходили из атеистических принципов, на которых строились государственная идеология и политика того времени. В этом смысле отсутствовала свобода рассуждения, а следовательно, и возможность полноценного, всестороннего осмысления одной из трех мировых религий с позиции философии религии и философии культуры. В постсоветское время исследователи собрали уникальный этнографический материал о культуре ислама, по сути, заложили эмпирическую основу для подавляющей части теоретических рассуждений по рассматриваемому вопросу. В настоящее время появилось множество работ, в которых показаны ценности ислама, исследуются идеи толерантности в аспекте развития взаимоотношений христианства и ислама, мировоззренческого диалога, в том числе научного и религиозного мировоззрений в аспекте их дополнительности на почве культуры.

Отметим и работы, в которых наиболее ярко выражена идея концептуально-образного осмысления духовного мира человека другой культуры, связанная, в частности, с взаимопониманием (или взаимонепониманием) субъектов христианской и мусульманской культур.

В ряде работ анализируются также отдельные противоречивые проявления ислама за рубежом, причем акцент делается на позитивное восприятие человека другой веры и культуры. Отечественный ислам представители современного научного сообщества в области религиоведения критикуют все реже. Иными словами, любое понастоящему свободное исследование ислама с позиции философии религии в нашей стране сильно затруднено, хотя и не в той степени,

как в советские времена. Однако авторы, более склонные к негативным оценкам ислама, потенциально все-таки ограничены в возможности изложения своих мыслей широкой аудитории. Парадокс свободы совести налицо. В этом отношении им остается, подобно тем советским авторам, которые, наоборот, не хотели излишне критиковать ислам, довольствоваться возможностью философско-культурологического и философско-социологического исследования его отдельных проявлений.

Во-вторых, философия религии в отношении ислама в нашей стране в ряде случаев сближается с религиозной философией, что считается недопустимым в западной научной традиции, где последняя воспринимается только в качестве теологии. Помимо представителей светской философской мысли в процесс осмысления ислама включились мусульманские богословы. Показателен тот факт, что речь идет не только о культурологических, политологических либо исторических исследованиях, но и философском осмыслении ислама, т.е. стремлении соединить в исламоведении философию религии и религиозную философию. В работе предпринята попытка поставить на обсуждение научной и религиозной общественности вопрос о путях дальнейшего развития ислама и мусульманского сообщества России, создать выверенную концепцию развития ислама и его гуманистического потенциала. По-видимому, существует проблема сочетания догматического мышления, свойственного религиозному сознанию, и вечного «научного скепсиса», свойственного философии, что является одной из наиболее сложных и спорных проблем философии религии.

Представители в первую очередь майкопской и казанской философских школ поднимают проблемы не просто исследования, а поиска путей реформирования (переосмысления) ислама, применительно к современной ситуации в нашей стране. Ученые, представляющие философские школы Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и др., ограничиваются изучением современного состояния традиций и догматики ислама. Возможно, что именно в этом отношении попытка синтеза философии религии и религиозной философии действительно может иметь место, так как обещает дать реальную практическую пользу. Понимание того, что «большой джихад» – это не война с неверными, а стремление жить настолько достойно, чтобы все окружающие видели достоинства ислама и добровольно принимали его, и способно дать позитивный результат как для самих мусульман, так и для остального российского общества.

В качестве средств, способствующих формированию единого образа социальной реальности, в которой могли бы ужиться представители и мусульманской, и светской, и православной, и буддистской и иных культур, можно назвать следующие: формирование единой системы «констант культуры», которой, в соответствии с Конституцией РФ, должны соответствовать все виды светских и духовных мировоззрений, что позволит более эффективно бороться с «сектантством» и экстремизмом силами государства, не прибегая в этом смысле к методам формирования «традиционной религиозности»; перевод с регионального на государственный уровень практики «знакомства» с традиционными религиями, замена формирующейся традиции добровольного, а в ряде случаев и добровольно-принудительного знакомства учащихся с основами культуры ислама, как и православной культуры, курсом истории религий на всей территории Российской Федерации, что будет способствовать формированию толерантного отношения к различным конфессиям, созданию единого образа социальной реальности, а не ее расколу по религиозному принципу.

Данная научная проблема органически вплетается в ткань современной философской мысли в плане уточнения роли и места ислама в ментальности граждан современной России, включая обычно не подлежащий рассмотрению уровень обыденного восприятия ислама православием.

Особенностью предлагаемого авторского подхода является освещение культурных концептов в контексте «повседневности», в социокультурном аспекте и культурно-исторической динамике его развития, которые предполагают единство моментов рационального и эмоционального. Особенность социально-философского понимания повседневности заключается в том, что повседневность выступает в виде социального фактора бытийности человека в информационном обществе. Информационное общество прогрессивно и в то же время угрожает разрушению традиционного человека «осевого времени» как личности, обладающей автономией, содержащей в себе социальные программы поведения в виде сознания и рефлексивного мышления. При использовании предлагаемого методологического подхода речь идет о концептуально-образном, психологическом восприятии представителя другой культуры именно как человека. Концепт в своей семантике (символизме) ориентирован на взаимопонимание, которое рождает толерантность (в идеале – любовь), тогда как догматические идеологемы разобщают людей, ведут к непониманию, ненависти

и агрессии. Особо значимы в этом отношении этико-эстетические концепты.

Вопрос о том, что такое «концепт», в частности концепт нравственно-эстетический, все больше интересует ученых. Так, Л.А. Микешина отмечает, что в науках о мышлении и познании данный термин обозначает «единицу ментальных ресурсов сознания и информационной структуры, отражающей знание и опыт человека». Концепты выступают в качестве «интерпретаторов смыслов», формы обработки субъективного опыта путем его обобщения. Достоинство концепта заключается в том, что он является основной единицей хранения и передачи информации, достаточно гибкой и изменяющейся с ростом знания. Философская герменевтика нуждается в концептах при экспликации таких терминов, как «предзнание», «предпонимание», «предрассудок». Суть концептов состоит в том, что они как бы предшествуют собственно логическим формам – понятиям знания, понимания, рассудка. На наш взгляд, при анализе этического сознания именно концепты приобретают значение динамических смысловых схем, позволяющих понимать и осваивать этические ценности и участвовать в их творчестве. Эстетическая модальность субъективных личностных смыслов в концепте удачно дополняет этическую модальность точно так же, как момент относительного дополняет абсолютный момент в познании истины.

Достижение взаимопонимания между отдельными людьми равновелико взаимопониманию между нациями, этносами, государствами и цивилизациями. По нашему мнению, идея столкновения цивилизаций, высказанная Хантингтоном, не учитывает того факта, что человечество постепенно интегрируется в единый субъект. Умеренный оптимизм в отношении решения глобальных проблем полезнее бездумного пессимизма и ксенофобии. Познающий себя человек не должен сводиться к узкогносеологическим смыслам понятия субъекта, выраженным в терминах, а отражается в концептах автономного бытия и сознания. Субъект – это не подо-зрительный абстрактный «субъект», а «хороший и красивый» (ценностно и эмоционально нагруженный) человек. В рамках философского подхода в нем объединены все уровни: от эмпирического «Я», индивидуального сознания, души и духа как целостности мышления, поступков, чувств и эмоций, до «бытийного ядра личности» – экзистенции.

Материалы исследования религиозного сознания альтернативных культур выявляют важную функцию культуры в философско-антропологическом измерении: культура сохраняет человека как

творческое и разумное существо, подлинную личность, передавая ему наследие от предшествующих поколений.

Поэтому религия не может быть устранена из жизни общества. Подобные попытки могут привести лишь к замене ее другой системой сакральных символов. Такие символы в качестве кодов должны быть адекватно «прочитаны», чтобы обеспечить взаимопонимание и предотвратить этнорелигиозный конфликт. Религия вообще, как и ислам в частности, в настоящее время является одним из мощных факторов социально-политической и идеологической жизни российского общества, и процесс его концептуально-образного осмысления будет способствовать развитию диалога между мусульманами и христианами. Это позволит сократить реальный риск так называемого «столкновения цивилизаций», в котором некоторые авторы пророчески предупреждают исламу роковую роль.

*«Научная мысль Кавказа», Ростов-на-Дону,
2010 г., № 2, с. 61–63.*

Алексей Малашенко,
доктор исторических наук
МОЙ ИСЛАМ

Мы, специалисты, пишем об исламе, вообще о серьезных проблемах, тяжеловесно. Профессионалы должны позволять себе порой «похулиганить», поговорить об исламе по-простецки. Хорошо писать, пользуясь безнаказанностью за неприязнительный ненаучный текст, подмигивая читателю, намекая: я вам такое, мол, только на ушко могу сказать. Борис Пастернак однажды сказал, что он писал «Доктора Живаго» «грубо, по-домашнему». Он имел на это право. А мы чем хуже? Известный профессионализм (изучению ислама отдано более 30 лет), надеюсь, позволит избежать грубых ошибок. Попытка уйти от академичности даст возможность посмотреть на ислам лениво-удивленными глазами «простого читателя». Рассуждения будут разбавлены некоторым количеством собственных наблюдений, сугубо личными ощущениями от этой религии. Надеюсь также на то, что умный мусульманин на меня не обидится за легкость слога. А на дураков вообще наплевать, чтобы они там себе ни исповедовали.

Пугают демографией. Кто не читал про исламскую Россию, исламскую Европу, да и исламскую Америку. Символом этих страхов можно назвать роман Марины Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери». Его суть в самом названии: собор превращается в мечеть,

Франция – в мусульманскую страну. Мусульмане – повсюду, и нет спасения от исламской угрозы. Осенью 2005 г. книжка эта в миг стала бестселлером. Говорили о ней не только те, кто ее прочел, но в основном те, которые знали о ней только из телевизионных передач. А страх понаслышке особенно силен.

Конечно, мусульман много – 1,4 млрд. человек. Но христиан все равно больше – примерно 2,0 млрд. Свыше 1 млрд. индуистов, 500 млн. буддистов. Не повезло иудаизму: число его приверженцев колеблется между 13 и 14 млн. человек — жалко евреев, но что поделаешь! В 45 странах мусульмане составляют большинство. В остальных – как получится, где почти половина, а где полпроцента. Говорят, единственная страна, где их нет, – Исландия. Я бы к этому добавил Ватикан и Сан-Марино. Больше всего мусульман в Индонезии – 220 млн. За полторы сотни перевалило в Пакистане (152 млн.) и в Бангладеш (150 млн.). Далее Иран и Турция – по 74 млн. Есть значительное мусульманское меньшинство. Например, в Индии, где на 1,15 млрд. их приходится примерно 160 млн.

Рассуждая о «мусульманском вопросе», мы бываем некорректны. Академически некорректны. Что имеется ввиду? Мы обсуждаем отношения мусульманского мира с США, Россией, с Европой. Дискутируем вопросы о мусульманской миграции, о запасах нефти и газа в мусульманском мире. Зато никогда не задумываемся хотя бы о запасах той же нефти или, допустим, о собранном урожае в христианском мире. Словом, наше понимание мусульманства выходит за собственно религиозные рамки и закрепляется на светском поле. Мусульмане воспринимаются не как конфессиональная общность, но как сообщество, стянутое политическими, идеологическими, даже экономическими скрепами. Отсюда и мусульманская демография – фактор прежде всего политический. Отказываться от такого подхода мы не собираемся. Во всяком случае, в обозримом будущем. Насколько оправданно и насколько мифологично такое восприятие мусульманства?

Категорический ответ здесь неуместен. С одной стороны, рассматривать мусульман как единую массу только на том основании, что у них общая священная книга Коран, единый закон – шариат, т.е. абсолютизировать религиозную идентичность, в XXI в. кажется нелепым. Но с другой – мусульмане и в самом деле пытаются выступать как единое целое. Иногда они объединяются вокруг какой-нибудь проблемы, например, в ближневосточном конфликте. В 1975 г. они выработали (ненадолго) единую нефтяную политику, поставив в затруднительное положение потребителей энергоресурсов. В 2001 г. их

объединила солидарность (в скрытой форме) с бен Ладеном, который, конечно, террорист, зато сумел показать Западу, что такое «исламская ярость».

Бытовые религиозные установки особенно сильны в традиционном, проще сказать, отсталом обществе, в сельской местности, но в некоторых случаях и в городской среде. Ислам запрещает пользоваться противозачаточными средствами. В Египте в 1970-е годы электричество было не в каждой деревне. В осенние вечера дельта Нила была черна. «Что же в такой темноте можно делать?» – задумчиво спросил я у своего приятеля-лейтенанта, русско-арабского переводчика Шенди. «Только это», – отвечал он. Много детей – гарантия спокойной старости родителей. Больше всего рождается в самых бедных странах – Афганистане, Бангладеш, Пакистане.

Впрочем, кривая роста мусульманского населения во всем мире постепенно снижается. В 1975 г. в среднестатистической мусульманской семье было 6,5 ребенка, а в 2004 г. – уже 4. В некоторых странах – в Алжире, Индонезии, Турции, Азербайджане, Киргизии, Казахстане – этот показатель еще ниже. Так что глобальная демографическая экспансия мусульман выглядит «страшилкой».

Но есть регионы, где рост числа мусульман и впрямь выглядит драматически. В той же Европе, например. Во Франции на 61 млн. человек приходится свыше 5 млн. мусульман, в Германии на 82 млн. – их свыше 3 млн., в Великобритании на 61 млн. – свыше 2 млн., в Италии на 60 млн. – свыше 1 млн., и далее «по мелочам». А ведь еще совсем недавно счет шел на десятки тысяч, а то и вообще численность приверженцев Аллаха не выходила за рамки статистической погрешности. Заметьте, называя количество мусульман в крупнейших странах Европы, я все время добавлял слово «свыше». Угнаться за ростом числа правоверных просто невозможно. Символом этого стало то, что в 2004 г. в Королевстве Нидерланды (где живет 730 тыс. мусульман) самым распространенным среди новорожденных мальчиков стало имя Мухаммад. Сколько нынче в Европе мусульманских мигрантов, никто не знает, – 15 млн. 17, 20 или 25? Наверняка – «свыше». Например, в той же Франции в среднем на семью этнических французов приходится 1,7 ребенка, на мусульманскую – 2,9.

Вспомним о погромах во Франции осенью 2005 г. В России их видели по телевизору. Я тоже. Правда, по швейцарскому. В те ноябрьские дни я оказался неподалеку (в Европе все неподалеку) от событий – в Женеве. В окруженной с трех сторон Францией Женеве о мигрантском бунте – «бессмысленном и беспощадном» (одних только

машин сожгли не то 5, не то 7 тыс.) – говорили с нескрываемым беспокойством.

Туристы-путешественники уже не обращают внимания на исламизацию Монмартра, парижского пригорода Сен-Дени, лондонского района Уайтчепель. В Париже на станции Клиши арабская речь звучит чаще французской. Клошары в бурнусах шляются по ноябрьским набережным Сены. И, знаете ли, вписываются... Хотя жалобы на лиц арабской национальности звучат постоянно. В одну из первых поездок я оказался в положении французского лоха, когда на железнодорожном вокзале улыбчивый алжирец впарил мне на поезд... автобусный билет. Вежливый кондуктор выудил из меня 50 франков штрафа, а затем посоветовал не верить «этим арабам». «Мусульмане ведь, мсье», – пояснил он мне. Признаюсь, моей толерантности был нанесен тогда немалый ущерб. Зато как укрепляется эта самая толерантность после завтрака в аппетитном мусульманском бистро. Воистину, и вкусно, и дешево. Как здорово вписались в европейскую суету турецкие, палестинские, ливанские забегаловки. Доннер-кебабы и фалафили готовят в Швеции и Австрии не хуже, чем в Анкаре и Иерусалиме. В центре Осло на площади Совета Европы есть закусочная с невероятно космополитическим названием «Викинг кебаб». И викингов это как-то не смущает. Да и мечети комфортно устроились, не говоря уж о Париже с Лондоном, даже в Вене. Не захочешь, а вспомнишь, как стояли под ее стенами турки.

Турки опять рвутся в Европу, точнее в Европейский союз. Если они добьются долгожданной цели (а рано или поздно они ее добьются, и притом раньше Украины), то станут второй по численности населения европейской страной после Германии. А поскольку рождаемость в сегодняшней Турции выше, чем в Германии, то пройдет немного лет, и в 2050 г. Турция станет самой крупной европейской державой. «Если демография и миграция “исламизируют” Европу, то освобождение Вены (в 1683 г. от турок) было напрасным», – шутит (или не шутит) голландский политик, комиссар Единого европейского рынка Фриц Болкенштейн.

К туркам в Европе всегда относились настороженно. От них ждали беды. Абсолютно далекий от ислама, от политики румынско-французский театральный критик Жорж Баню взял да и сравнил взятие турками в 1453 г. Константинополя с вырубкой вишневого сада. Вот вам и еще одна темка – «Чехов и ислам».

На Балканах мусульман уже свыше 4 млн. человек (в начале 1950-х годов – 2,1 млн.). Совсем недавно казалось, что и босняки, и албанцы вообще не помнят о своем «мусульманском корне». Вспом-

нили ведь. В этом им помог распад Югославии, в котором, наряду с прочими, деятельное участие приняли Иран и Саудовская Аравия. В 2008 г. появилось новое мусульманское государство – Косово.

Да, коренная, в смысле христианская, Европа уступает исламу в демографической гонке. Она усыхает, как античная Греция, как Римская империя. Не станет ли она вскоре памятником самой себе? Не станет. Слишком качественен ее человеческий потенциал, слишком развилась ее культура. «Бабулька» постоянно омолаживается. И это не подтяжки кожи лица, не золотые сетки под шкуркой стареющих див, это скорее «средство Макропулоса». Эликсир вечной молодости она сама и производит: в науке, технологии, культуре, образовании.

Мусульманская компонента будет расти. И будут рождаться поколения европейских мусульман. (Во Франции, между прочим, мусульмане появились аж с Первой мировой войны, в Германии – с начала 1950-х годов.) И мусульмане будут участвовать во власти, а они уже и так в парламентах, в том числе в Европейском, и в правительствах, и в футболе. Выстави свою кандидатуру на пост президента нападающий сборной Франции Зинеддин Зидан – пусть не победит, но уж во второй тур пройдет.

А что у нас, в России? Ждет ли ее всеобщая и полная исламизация? Да, православных становится меньше, мусульман больше. Количество русских с 1989 г. сократилось со 119 до 115 млн. человек. Но и у крупнейшего 5-миллионного мусульманского этноса – татар – прирост с 1989 по 2002 г. составил лишь 36 тыс. человек. Правда, за тот же срок число ингушей выросло на 91%, кумыков – на 52, даргинцев – на 44, аварцев – на 39, кабардинцев – на 34%. Но абсолютные величины здесь колеблются в пределах нескольких десятков тысяч.

Дьякон Андрей Кураев, во время посещения Кронштадта (кажется это было в 2002 г.) обратился к молодежи со словами: «От вас зависит – будет ли спустя поколение здесь Россия или же Объединенные Московские эмираты... Сделайте больше русских детей!» Будь я помоложе и находись среди той аудитории, наверное, сразу отправился бы делать детей. Однако отец Андрей приехал вместе с группой «Алиса», которая отвлекла молодых людей от немедленного детоделания.

Помните советские времена? Население СССР – без малого 300 млн. (с учетом Центральной Азии и Азербайджана). Рядом «мелкокалиберные» Турция и Иран – по 40 млн. с хвостиком, побольше Пакистан с его 70 млн., совсем уж смешной 20-миллионный Афганистан. А сейчас мы по численности населения меньше Пакистана, по

соседству с нами 74-миллионные Турция с Ираном, которые вместе взятые превосходят бывшую РСФСР с ее нынешними затухающими 142 млн. Согласитесь, что непривычно не ощущать себя среди гигантов и попасть в конец списка после Китая, Индии, США, Индонезии, Пакистана и пр.

«Отдельной строкой» про Москву, поскольку я в ней живу. Число мусульман в столице немереное. Никем. Говорят и о миллионе, и о полутора миллионах – в «Большой Москве». В 2005 г. мэр Лужков назвал даже 2 млн. Председатель Совета муфтиев России, председатель Духовного управления мусульман Европейской части России, главный имам Московской Соборной мечети (уф, последний раз прописываю все титулы) Равиль Гайнутдин насчитал 3 млн. правоверных. Юрий Михайлович и Равиль-хазрат погорячились. Честное слово, такого количества мусульман я не встречал даже в метро.

Мусульман в Первопрестольной много, но пока что не случилось ни одного серьезного противостояния на религиозной почве. Трения есть – в конце 1990-х годов на Юго-Западе жители воспрепятствовали закладке символического камня в основание так и не состоявшегося Мусульманского института. Институт – по проектным размерам он был сравним с ГУМом – все равно не построили, да и историю эту помнят лишь несколько ее непосредственных участников. По Москве, по России есть немало несостоявшихся мусульманских «проектов». Только в Москве не было построено как минимум семь мечетей. Хорошо это или плохо – решать вам, точнее нам. С окончательными выводами я бы не спешил.

В 2005 г. громили азербайджанцев, в 2006-м – погром на рынке в Царицыно. Били не за Коран. Слава Всевышнему, сталкивались не цивилизации. Но пострадавшими были мусульмане. И все ж – пока тихо. За что всем нам, бывшим простым советским людям, надо сказать спасибо. Рассказывают, что на каком-то торжественном приеме сидел Лужков рядом с президентом Татарстана Минтимером Шаймиевым. На сцене хор затянул, и Лужков подтянул – «Дорогая моя столица...», а Шаймиев тихонько продолжил – «Золотая моя Орда...». Никто и не обиделся. Значит, у этих политиков с чувством юмора все в порядке.

Но пошутили – и хватит. Вопросы «кого больше?» и «кого больше становится?» приобретают особую остроту в конфликтных ситуациях. Демографическая проблема накладывает отпечаток на палестино-израильские отношения. Огромный, в сотни раз перевес арабов над евреями поддерживает в мусульманах веру в окончательную победу.

Население Палестинской автономии (почти государства) уже превысило 3,5 млн. человек. В секторе Газа уровень рождаемости достиг абсолютного мирового рекорда – 4%, который, кстати, местные мусульмане делят с ингушами. Рост числа палестинцев в три раза превосходит увеличение еврейского населения в Израиле. Есть еще несколько миллионов беженцев. Если их сложить с населением автономии, то общее число палестинцев превосходит количество евреев Израиля более чем в два раза. (В самом Израиле уровень рождаемости среди мусульман составляет 3,4% против 1,4% у евреев.) А вокруг «маленького Изи» вообще бурлит почти 300-миллионный арабо-исламский океан.

Не пройдет и 20 лет, как арабов в Израиле окажется больше, чем евреев. Что тогда? Двигать с исторической родины на Брайтон-бич, обратно в Гомель и Москву? А ну как ближневосточный конфликт окажется исчерпанным демографически? Поскольку Запад становится все более чутким к палестинцам, да и США подустали от вечного конфликта, то психологически можно понять желание Израиля иметь атомную бомбу, которая рассматривается как чуть ли не единственная гарантия против исчезновения страны с карты Ближнего Востока. Этот итог предрекает ХАМАС, в принятой в 1988 г. программе которого открытым текстом говорится о необходимости устранения Израиля. А президент Исламской Республики Иран Махмуд Ахмадинежад, советует евреям как можно скорее перебираться в Европу.

Можно посмеяться, а можно и задуматься. Вера в неизменность мира, в вечность мироустройства становится все ненадежнее, даже опаснее. Стабильность сегодня как никогда нестабильна. Мало кто верил в распад СССР и обвальное изменение границ. Исчезновение «старых» привычных государств становится реальностью. Как становится реальностью и испокон веков известное, но позабытое движение народов, всегда спутывавшее все карты, трансформировавшее мир. Были гунны, были монголы, арабы, приплывшие в Америку европейцы... Заметьте, что ни арабы, ни европейцы не были кочевниками в чистом виде, они просто двигались себе и двигались, ломая привычный, устоявшийся пейзаж. Любая аналогия хромает. Но вот само по себе движение народов, их культур продолжается. Мусульмане двигаются. Этого не надо бояться. К этому просто надо быть готовыми. Последнее не просто.

Однако каким бы ни виделось это движение – броуновским или целенаправленным, – возникает вопрос, какие мусульмане утверждают, какой ислам они с собой несут. Большинство несет неагрессив-

ный. Двигутся мусульмане – инженеры, врачи (персов особенно много), водители, повара. Выходят шведки и француженки замуж за правоверных, и молодые мусульманки (правда, реже) ищут мужей среди католиков и протестантов.

Но есть меньшинство, для которого ислам – инструмент мобилизации на борьбу, идеология протеста, фактор интеграции со своими собратьями на Ближнем Востоке. Есть ислам нетерпимый, самовлюбленный, не стремящийся понять иноверца, заведомо его не принимающий, на самом деле грезящий перестройкой собора Парижской Богоматери в мечеть. (Многоколонная мечеть в испанской Кордове уже дважды переходила из рук одной цивилизации в другую – церковь–мечеть–церковь.)

Какой ислам утвердится в Европе с приездом, прилетом, даже приплытием в нее мусульман? Везет ли на старый континент алжирец – ислам алжирский, турок – ислам турецкий, и перс – ислам иранский? Или собравшись на пространстве от Северного до Средиземного моря они возжелают сотворить что-то иное – ислам европейский? А может, очутившись в каменных джунглях Парижа, Лондона и Стокгольма, они как никогда прежде почувствуют свое родство с Ближним Востоком, затоскуют по аравийской колыбели? И примутся строить, по выражению французского знатока мусульман Оливье Руа, «универсалистский ислам». Можно сформулировать и иначе: будет ли ислам в Европе мобильным, открытым новациям, или жестким, негативно реагирующим на все чужое? Преодолеет ли исламская идеология комплекс неполноценности, признав себя равной (не выше, но и не ниже!) еврохристианской традиции.

Если ислам будет «открытым», восприимчивым к новому, то его «экспансию» мы не заметим. Перемешаемся. Хозяева и гости научатся избегать крайностей. Тогда, поскреби бельгийца (немца, француза, англичанина, шведа), – найдешь араба, турка, перса. Если нет – будут две Европы. Останется и старая, привычная, и образуется новая, с гортанным гомоном мусульманских европейцев. «Вынесет ли Боливар двоих», таких разных?

Мне кажется, что непримиримый ислам не придет по двум причинам: во-первых, его просто-напросто не пустят, в том числе пойдя на самые крайние меры; во-вторых, ислам как культура не заинтересован в собственной «дикости». Эксцессы, которые мы сегодня наблюдаем, связаны не с исламом как таковым, но прежде всего с особенностями исторического развития.

Мусульмане уверены, что в Европе кончилась религия, что европейцы изменили вере, сами себе, и мусульманам придется заставить

их вернуться на путь истинный. В чем-то они правы. С религиозностью у европейцев, да и у русских тоже, все хуже и хуже. В Бога почти не верят. Иногда ему жалуются. Реже – боятся. Чаще всего просто не замечают. Статистика отражает не веру людей, а их принадлежность к религиозной традиции. Попросту говоря, можно числиться по ведомству католицизма и ислама, но не ходить ни в костел, ни в мечеть и на деле не верить ни в Бога, ни в черта. Если следовать критерию веры, то, например, в Великобритании из 41 млн. верующих граждан (остальные атеисты), относящих себя к христианам, 35 млн. признают, что они «номинальные христиане», и только 6 млн. могут быть отнесены к активно верующим. В России, по разным оценкам, амплитуда воцерковленных православных – от 5 до 80%. Об истинном проценте верующих каждый может судить по самому себе, по своим близким, по своей, так сказать, среде обитания.

Но процент лукав. Попробую спросить у самого себя, человека не столь верующего, сколь богобоязненного, – ты кто? После раздумий ответом станет что-то вроде «вообще-то я православный». Припомню и кулич, и крашеные яйца, и белую церковь на холмике. Тот, кто верит, чаще всего ассоциирует себя с конкретной религиозной культурой. Даже если и знает о ней понаслышке, владеет ею, так сказать, вслепую.

По переписи 2002 г. мусульман у нас в России 14,5 млн. Но время идет быстро. Поэтому на текущий момент их число перевалило за 15 млн. Добавьте к этому около 2 млн. азербайджанцев, около 1 млн. казахов, тысяч этак пятьсот (а то и миллион) узбеков, триста тысяч таджиков – это все гастарбайтеры и торговцы, – и вы получите те самые 20 млн. Но тех среди мусульман, которые тщательно соблюдают религиозные нормы, да еще молятся 3–5 раз в день, – в пределах 3–4 млн.

Кого же тогда считать мусульманином? Да того, кто сам себя им считает. Или, как говорят ученые мужи, самоидентифицируется как приверженец ислама. Но не менее важно, как мы о нем думаем, как мы его идентифицируем. А считаем мы мусульманами всех, кто носит фамилию Ахмедов, Махмудов, Расулов, теперь еще заменившую Германа Грефа на боевом посту министра экономического развития Эльвиру Набиуллину и даже министра МВД России Рашида Нургалиева. И даже если этот «Ахмедов-Махмудов» не отличает Корана от журнала «За рулем», мы знаем, откуда «растет» его фамилия, и усвоили, что у него с бен Ладеном (а бен Ладен теперь для нас самый главный мусульманин) общая церковь, без креста, зато с полумесяцем.

Не все в России боятся мусульманского засилья. В Москве был развешан плакат «Стране нужны твои рекорды», на котором была изображена явно восточная женщина с тремя малышами на руках. Очевидно, именно таким образом автор слогана видит преодоление Россией демографической несостоятельности.

Кто в самом деле более искренен в своей вере – христиане? Иудеи? Буддисты? Или все-таки мусульмане? Может, все мы здесь одинаковы? Верим не всем миром, толпой, а как-то, знаете ли, в одиночку? И все же... Такое ощущение, что Аллах для мусульман ближе, он – в каком-то смысле соучастник их земных дел. Он присутствует между ними. В исламе нет строгого деления на мирское и религиозное. Его нельзя оторвать от будничной жизни, от повседневности. Не потому ли в представлении мусульман такие понятия, как «исламская экономика» и «исламское государство», выглядят вполне реально?

Давайте признаемся, что отношение к мусульманам во всем мире оставляет желать лучшего. В 2006 г. участники проекта фонда «Пью» «Кто и как к кому относится» (Pew Global Attitudes Project) исследовали, как мусульмане и христиане воспринимают друг друга. И выяснили: не так что бы очень плохо, но и особой любви не замечено. Начнем наш статистический хоровод. Следующие цифры отражают мнение только немусульман.

Склонными к насилию мусульман сочли: 73% – нигерийцев, 67% – индийцев, 60% – испанцев, 59% – россиян, 52% – немцев, 45% – американцев, 41% – французов, 32% – жителей Великобритании.

Эгоистичными: 64% индийцев, 48% – нигерийцев, 48% – россиян, 44% – немцев, 43% – испанцев, 30% – жителей Великобритании, 27% – французов, 27% – американцев.

Аморальными: 50% индийцев, 43% – нигерийцев, 26% – немцев, 25% – россиян, 21% – испанцев, 19% – американцев, 18% – французов, 16% – жителей Великобритании.

Цифры эти пусть каждый обдумывает про себя сам. Но статистика на этом не кончается. Посмотрим теперь, что думают мусульмане о немусульманах. Итак:

Склонными к насилию уроженцев Запада или тех, кто разделяет западные ценности, считают: 81% – иорданцев, 75% – египтян, 74% – нигерийских мусульман, 70% – турок, 64% – мусульман Индонезии, 52% – мусульман Великобритании, 49% – пакистанцев, 34% – мусульман Германии, 29% – мусульман Франции, 24% – мусульман Испании.

В эгоизме «западников» уверены: 81% – индонезийцев, 73% – иорданцев, 69% – турок, 67% – мусульман Великобритании, 63% – египтян, 57% – мусульман Германии, 56% – нигерийских мусульман, 54% – пакистанцев, 51% – мусульман Франции, 50% – мусульман Испании.

Аморальными уроженцев Запада считают: 65% нигерийских мусульман, 64% – египетских, 62% – иорданцев, 60% – мусульман Индонезии, 59% – турок, 57% – мусульман Великобритании, 45% – пакистанцев, 32% – мусульман Германии, 30% – Франции, 29% – Испании.

Вот такое получается мусульманское «алаверды». На поверку хуже всего к исламу относятся в Индии и – где бы вы думали? – в России. Соответствующий коэффициент (черт его знает, как он получился) для Индии – 4,4; для нас с вами – 4,0; у американцев сей коэффициент – 2,9; у французов вообще – 2,1. Еще хуже обстоит дело с «индексом неприязни» у мусульман. У турок он составляет 5,2 (зачем тогда Турции рваться в Европу?); у индонезийцев – 5,1; иорданцев – 4,8; египтян – 4,7; пакистанцев – 4,4; даже у британских мусульман этот индекс составляет 4,2. Вот и рассуждай после всего этого об исламо-христианском диалоге. Предпосылки если не к столкновению цивилизаций, то уж к скандалу между ними – налицо. Цифры в самом деле настораживают. Такого рода опросы проводились и еще будут проводиться неоднократно. Какое поле для политиков и экспертов!

Важно, однако, учитывать, кто конкретно и когда более всего не любит «другого». В каких ситуациях неприятие проявляется особенно сильно. Увы, таких обстоятельств на сегодняшний день более чем достаточно. Тут тебе и Ближний Восток, и Ирак, и Северный Кавказ, и Пакистан с Индией, и мусульманская миграция, и т.д. Надежда умирает последней. И если читатель не устал от цифири, то предлагаю ему еще одну статистику, на этот раз позитивную.

Честными мусульман считают: 64% – французов, 56% – жителей Великобритании, 52% – немцев, 46% – немусульман Нигерии, 44% – американцев, 43% – испанцев, 35% – индийцев, 22% – россиян.

Великодушными: 63% – французов, 55% – немусульман Нигерии, 40% – немцев, 34% – жителей Великобритании, 31% – немусульман Индии, 29% – испанцев, 26% – американцев, 24% – россиян.

Однако даже это позитивное восприятие мусульман относительно. Для нас даже прискорбное: по добрым отзывам о мусульманах Россия на последнем месте. Получается, что отечественный «караул!» по поводу ислама звучит громче, чем где бы то ни было. Руки, точнее мозги, чешутся все это объяснить, а лучше бы опровергнуть.

Тем более, куда ни кинь, наши евразийцы, или «азиопцы», рассуждают о близости православных и мусульман по духу и действию. (Все-речь к евразийским штудиям могут относиться только телеведущие и студенты перед зачетом.) Я и сам не верю, что французов, считающих мусульман более честными и великодушными, в три раза больше, чем россиян. Я вообще скептически настроен к статистическим выкладкам. Частично это из-за вечной памяти о советских голосованиях в Верховный Совет и свежих впечатлений о постсоветских выборах. Кто же им верит? К слову сказать, я присутствовал на всех выборах в Чечне и, Богом клянусь, все они были фальсифицированы. Когда я сказал об этом на каком-то мероприятии кремлевскому политтехнологу Г., он ничтоже сумняшеся при всем честном народе ответил: у нас все выборы такие. Уважаю мужика за откровенность!

Также помню, как в 1977 г. попался мне на глаза опрос по Ирану, цифры в котором утверждали, что режим шаха не просто прочен, но вечен, и ничего-то ему не угрожает. Спустя полтора года к власти пришел великий аятолла Рухолла Хомейни.

Делайте что хотите! Обратитесь, наконец, к собственному опыту. Вас часто обманывали мусульмане? Каждый день общаюсь я с православными, мусульманами и иудеями. «Пью» чуть не подвинул меня на частное исследование, кому из них я более доверяю за неделю, за месяц, за год. Однажды в течение одного рабочего дня я был обманут носителями всех трех религий. И, чтобы не портить впечатления от цивилизаций, прекратил вести подсчет.

«Мой ислам», М., 2010 г., с. 375.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. (Рецензия)

Постсоветские республики Центральной Азии, столкнувшиеся после неожиданного обретения независимости с огромными и, как казалось, непреодолимыми трудностями, за истекшие 20 лет смогли создать жизнеспособные государства, восстановить экономический рост и занять достойное место в мировой экономике и политике.

Рецензируемая книга И.Д. Звягельской*, известной своими содержательными публикациями по ближневосточной проблематике, явилась итогом не только работы с источниками и трудами востоковедов и историков по Центральной Азии, но и личного, достаточно

* И.Д. Звягельская. Становление государств Центральной Азии. – М., 2009.

продолжительного знакомства автора с регионом и участия в проходивших там событиях. Отталкиваясь от итогов столетнего пребывания региона в пределах царской России, а затем СССР, И.Д. Звягельская использовала современный политологический инструментарий для анализа развернувшихся в Центральной Азии процессов, выявила их природу и тенденции.

В первых разделах книги рассмотрены основные вехи завоевания Россией во второй половине XIX в. Центральной Азии и ее последующей колонизации, охарактеризованы главные направления и особенности проводившейся там политики. Царские наместники – генерал-губернаторы предпочитали не вмешиваться в действия местной администрации, не вносить слишком резких изменений в привычный образ жизни мусульманского населения и придерживались осторожного обращения с исламом и его институтами. Не имела радикального характера и русификация региона, не навязывалась чуждая его населению культура. Основное внимание было сосредоточено на экономическом освоении Туркестанского края – расширении хлопковых плантаций и производстве хлопка, в котором нуждались российские фабрики. Этим целям было подчинено и строительство оросительных сооружений, регулирование переселенческого движения из Центральной России, перераспределение земель и т.д. Освоение и колонизация края были существенно ускорены железнодорожным строительством, начатым в 1881 г., которое значительно ускорило доставку грузов, прежде осуществлявшуюся караванными путями. Как пишет автор, освоение Россией Средней Азии к моменту установления советской власти «только начиналось».

Дальнейшая история, связанная с нахождением региона в составе СССР, характеризуется «резким переходом от царской политики относительного “невмешательства” к кардинальной ломке прежних структур». Одной из наиболее болезненных для региона мер, осуществленных Центром, было введение нового административного деления, носившего искусственный характер. Результатами его стали фрагментация отдельных народов, трудности доступа к земельным и водным ресурсам, проблематичность установленных границ. Вместе с тем новая власть в отличие от прежней оказала огромное влияние на социокультурную сферу жизни, которая приобрела особую специфику и создала проблемы, в некоторых случаях связанные со своеобразным синтезом традиционных и привнесенных представлений, а в других – с их противостоянием. Создание широкой сети образовательных учреждений привело к появлению слоя образованных людей, что способствовало ускорению модернизации.

Национальная интеллигенция через русский язык обрела возможность приобщения к мировой культуре и науке.

В то же время в работе отмечается неоднозначный, противоречивый характер проводимой политики. С одной стороны, авторитарными методами осуществлялись русификация, подавление национальных традиций, религиозных ценностей, а с другой – поощрялось развитие культуры «социалистической по содержанию и национальной по форме». В результате, как констатирует автор, вся многоплановая деятельность Центра, связанная с созданием советских республик, «вела к ощущению ущербности у вскормленных ею национальных элит, не обладавших желательной свободой действий».

Насильственная коллективизация, массовые репрессии, идеологическое давление в сталинский период не могли разрушить вековые устои традиционных обществ, которые разными путями адаптировались к советским порядкам. Для экономической политики Центра было характерно максимальное использование ресурсов региона при игнорировании местных нужд и возникавших экологических угроз. Хотя промышленная база региона существенно усилилась, это произошло в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны в результате переноса из европейской части страны сотен промышленных предприятий. В целом же результаты централизованного планирования экономического развития центральноазиатских республик, базировавшегося на установках общесоюзного разделения труда, отражали «ущербность советской модели, несмотря на ее модернизаторский заряд», что относится к экономике и других республик в составе СССР.

Становление государств Центральной Азии после распада СССР, происходившее в условиях разрыва экономических связей и наступления острейшего экономического и социального кризиса, обошлось без необратимых последствий и пограничных конфликтов. Сильное потрясение они испытали после исключения из рублевой зоны. Автор находит объяснение этой акции не столько в экономических, сколько в политических опасениях российского руководства, в «стремлении российских демократов первой волны как можно скорее избавиться от политического груза центрально-азиатских авторитарных режимов... способных, по их мнению, поддержать коммунистический реванш». Как представляется, этот вывод недостаточно убедителен и требовал подкрепления достоверными источниками и дополнительной аргументацией.

Падение производства сопровождалось развитием высокой безработицы во всех вновь образовавшихся государствах Центральной

Азии, усилением процессов маргинализации и пауперизации населения. Этому также способствовала утрата прежних преимуществ советского периода: бесплатного образования и здравоохранения, низких цен на коммунальные и другие социальные услуги. В книге хорошо показано, как с утратой социальной защищенности ускорилась ретрадиционализация: оживление институтов традиционного общества (клановых, семейных, земляческих связей) компенсировало развал прежних институтов, поддерживавших социальную устойчивость и самосохранение населения.

Еще одним явлением, связанным с изменением культурной парадигмы, стал массовый отток населения, в первую очередь не относящегося к титульной нации. Если прежде культурная идентичность республик Центральной Азии базировалась преимущественно на русской культуре, то после получения независимости «ее место закономерно заняла культура титульного этноса». В изменившемся культурном контексте у представителей нетитульных народов складывалось убеждение, что у них и у их детей «нет будущего». Эмиграция нанесла трудновосполнимый урон республикам из-за потери квалифицированных кадров. Специфика эмиграции из стран региона раскрывается в специальном разделе книги.

В работе также показана несовместимость многих традиционных привычек и обычаев с официальными стратегиями экономического роста и рыночными отношениями – накопленные богатства не инвестируются, но, сообразуясь с общественными представлениями, тратятся на дорогостоящие празднества, подарки и тому подобные цели. Многопланово и емко в книге охарактеризованы черты сформировавшейся за истекшие годы политической культуры региона. Приверженность принципам демократии, рыночным отношениям, которая обычно объявляется руководством государств Центральной Азии, в большой степени имеет демонстрационный характер, обращенный к западному сообществу. Подобные заверения облегчают получение финансовой помощи, процедуру принятия в западные структуры и т.д. Нельзя не согласиться с автором, что «реальная либерализация политической жизни произошла далеко не везде» (с. 54). Наличие многопартийных систем, регулярных выборов, свободной прессы в сочетании с традиционными понятиями придает политической модернизации адаптационный характер. Авторитарная политическая модель обусловила и особый тип приватизации, которая обеспечила власти «мощные экономические рычаги», сопровождалась обогащением бюрократии и беспределом криминальных структур.

Важный раздел книги посвящен роли мусульманской религии и исламского фактора в общественно-политической жизни стран региона. Хотя после распада СССР государства Центральной Азии сохранили свой светский характер, возрождение традиционной культуры сопровождалось и повышением роли ислама. Помимо поиска собственной идентификации эту тенденцию усиливали внешние факторы. В их числе – открывшиеся возможности получения религиозной литературы, обучения в зарубежных исламских учебных заведениях, совершения хаджа, ношения одежды, принятой в исламских странах. Все государства Центральной Азии вступили в Организацию Исламская конференция, могли пользоваться средствами Исламского банка развития (в Алма-Ате создано его региональное представительство). Уже в начале 1990-х годов в Центральной Азии стали появляться исламские политические партии радикального толка (в работе содержатся характеристики отдельных исламских партий, с. 83–91). Взаимодействие ислама со светской властью складывается по-разному в отдельных государствах региона. Но не вызывает сомнений следующий авторский вывод: «Какую бы стратегию в отношении ислама ни избрала власть... она не может игнорировать того обстоятельства, что обращение к политическому исламу в большинстве случаев является своего рода протестом против бедности, безработицы, отсутствия социальных гарантий, а также важнейшим элементом социокультурного единства».

Практически все политические режимы постсоветских государств Центральной Азии ориентируются на развитие отношений с западными государственными структурами, международными экономическими организациями и корпорациями. Борьбе, развернувшейся за влияние, рынки и ресурсы Центральной Азии, посвящен раздел книги «Меняющиеся балансы: Взаимодействие внешних сил», который содержит анализ процесса диверсификации внешних связей новых центральноазиатских государств. В настоящее время основными игроками в Центральной Азии являются Россия, США, государства Евросоюза и Китай. В их отношениях первоначально наблюдавшиеся терпимость и даже взаимодействие вскоре сменились конкуренцией и жестким соперничеством. В первую очередь это относится к взаимоотношениям России с западными партнерами, после того как США, объявив Каспийский регион зоной своих стратегических интересов, совместно со структурами Евросоюза занялись созданием транспортной и трубопроводной системы для поставки каспийского углеводородного сырья и налаживания товарообмена со странами Центральной Азии в обход России, предпринимая шаги, противоре-

чащие ее интересам. По этому поводу в работе сказано: «По мере того, как энергоносители становились все более важным для Москвы экономическим и политическим ресурсом, соперничество в зоне Каспийского бассейна принимало все более острые формы». Это соперничество распространилось и на сферу безопасности и военного сотрудничества, особенно после терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. и начала военных операций США и их союзников в Афганистане, с чем было связано создание американских военных баз в Узбекистане, Таджикистане и Киргизстане, вызвавшее беспокойство и ответные меры России.

Что касается стран Евросоюза, активность которых в регионе в последнее время быстро возрастает, то для них главными являются прагматические цели – обеспечение поставок энергоресурсов по уже созданным и проектируемым трубопроводам («Набукко»), развитие торговли и создание для этого транспортной системы (TRASECA) в обход России. Решение этих задач увязывается с социально-политической модернизацией и демократизацией в странах Центральной Азии. Это далеко не идеализм, а необходимое условие обеспечения гарантий для инвестиций и нормальных торговых отношений.

Пожалуй, наиболее активным игроком на пространстве Центральной Азии ныне является Китай. Его экономическое наступление развернулось в регионе со второй половины 1990-х годов и было закреплено созданием Шанхайской организации сотрудничества. Китай также заинтересован в центральноазиатском рынке и в получении энергоресурсов из Каспия, которые уже поступают по нефтепроводу из Казахстана и по газопроводу из Туркмении. В книге дается развернутая характеристика как ШОС, так и ОДКБ, а также двустороннего сотрудничества по вопросам безопасности между Россией и отдельными государствами Центральной Азии. Отмечаемая в работе сбалансированность двустороннего сотрудничества в последнее время все чаще нарушается, что ведет к определенной утрате доверия сторон. Стремление дистанцироваться от России, ужесточить условия сотрудничества, а в некоторых случаях их нарушать – во многом результат возрастания конкуренции и соперничества, позволяющих местным элитам извлекать максимум выгод от предлагаемых проектов и соглашений.

В специальном разделе работы «Вызовы, угрозы, конфликты» рассматриваются вопросы, связанные с водными ресурсами и их распределением, производством и транзитом наркотиков, конфликтами, чаще всего на этнической почве. Наиболее подробно проанализиро-

ван межтаджикский конфликт, возникший на почве разрушения баланса политических сил после провозглашения независимости Таджикистана и имевший под собой не только межэтнические, но и клановые и идеологические противоречия. И.Д. Звягельская непосредственно наблюдала за развитием этого конфликта, переросшего в гражданскую войну, ее анализ этих событий предметен и достоверен. Закрывающий книгу раздел, посвященный межтаджикскому общественному диалогу, позволившему достичь национального примирения, несомненно имеет практическое значение. Как будет складываться в дальнейшем судьба региона, покажет будущее. Ознакомление с книгой И.Д. Звягельской будет полезно всем, кто хочет понять, что происходит в Центральной Азии.

Рецензию подготовила Е. Уразова.

«Восток (Oriens)», М., 2010 г., № 5, с. 182–185.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2011 – 2 (224)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 20/1-2011 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 12,25 Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 500 экз. Заказ № 13

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/ Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)